

ISSN0868-698X

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 47 (209) 1994 г.

PREUSSISCHER
STAATS-
BIBLIOTHEK
ZU BERLIN
KULTURBESTITZ

**КАК
ПОЙМАТЬ
ТИГРА?**

Лон 76878

 КВАНТА+

MIAMI NONSTOP. **once a week**

Полет через Хельсинки с удобными стыковками

Москва - Майами

Вылет в 16.25

Прилет в 21.50

Майами - Москва

Вылет в 23.40

Прилет в 21.35 (на следующий день)

Один раз в неделю начиная с 02.11.94

На самолетах компании ФИННЭЙР

Камергерский пер.6, Москва, 103009

Тел. 292-87-88, 292-17-52, 292-33-37 Факс: 292-49-48

В НОМЕРЕ

Владимир ВОРОНОВ:
Едва рассеялся дым от взрыва, унесшего жизнь Дмитрия Холодова, как перед нами открылась великая тайна: в армии воруют! И не какие-нибудь прапорщики, давно ставшие легендарными персонажами анекдотов, а — генералы!

6

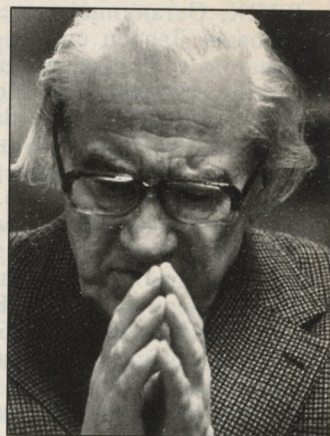
Алексей ЕРОХИН:
Бульварное кольцо кольцом только придуривается — оно разомкнуто подковой, подковой счастья. Важно только место выбрать правильно: Суворовский, допустим, засижен шумными тинейджерами, Тверской перенаселен, Цветной, бедолага, раздолбан, перекопан, заалкашен. Самое милое дело — Чистопрудный...

25

Валерий КИЧИН:
Кот шурился на прохожих из лукошка, а хозяин сидел рядом, на тротуаре, закрыв лицо руками... Табличка у него взывала: помогите нам обоим. Сердце разрывалось на части, и я положил возле кота постный канадский доллар. Кот прищурился еще больше, в зеленых глазах мелькнуло что-то вроде сочувствия наивно-му сентиментальному русскому — зверь был толст и ухожен и ел явно больше, чем можно было предположить.

33

Борис ПОКРОВСКИЙ:
Затоптана культура. Люди потеряли способность что-то ощущать... У нас часто путают понятия «культура» и «искусство». А это совсем разные вещи. Культура — это отношения людей. Почитание человека человеком. Разрушается почитание — разрушается и культура.

45

Страница редактора
Андрей Мальгин 3

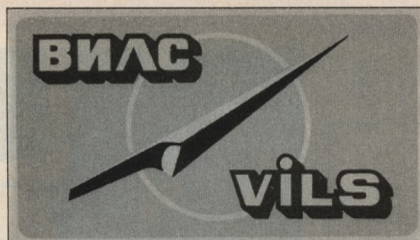
Политика
Воровские разборки
Владимир Воронов 6
Дающему да воздастся
Валерия Новодворская 9
Слушай, Тюрма!
Зоя Крахмальникова 10

Жизнь
Смертники из хрущоб
Глеб Котов 15
Трижды повешенный
Инна Морозова 18
Посланичество
Алла Боссарт 20
Пиво на Чистых прудах
Алексей Ерохин 25
Уссурийская «киска»
Вадим Кантор 30
Уик-энд в Монреале
Валерий Кичин 33

Культура
Тот самый, что сено ел
Николай Малинин 38
Я угадал свою судьбу
Интервью с Борисом Покровским 45
Центр бургановских статуй
Алексей Митрофанов 50
Пушкин как царь
Михаил Поздняев 54
Тогда, в тысяча девятьсот двадцать третьем...
Юр. Каменский 59
Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская 63
Собрание сочинений
Игорь Иртеньев 63

Письма 4
Цитатник 14
Дневник И. 48
Антесоли 52
Видеокompас 58

На первой странице обложки фото РИА—Новости, дизайн С.Стыриковича

ВИЛС

для благоустройства Москвы

Всероссийский институт легких сплавов (ВИЛС), созданный в 1961 году, внес существенный вклад в развитие отечественной авиации и космонавтики. Но уже основатель этого института, академик Александр Белов спустил на землю «крылатые» металлы, начав разработки строительных конструкций из алюминия и других легких сплавов. Первые эксперименты с новым строительным материалом он провел на территории ВИЛСа. Так, здесь были сооружены инженерный корпус, выставочный центр и знаменитая теперь скульптура Эрнста Неизвестного «Полет».

Дальнейшие эксперименты с применением легких сплавов в строительстве проходили уже на улицах Москвы. Они привели к созданию ряда современных достопримечательностей столицы. Среди них — титановая стела в честь Покорителей Космоса у ВДНХ, Останкинская телебашня, Ледовый Дворец спорта «Крылья Советов» в Сетуни, здание Госкомитета стандартов на Ленинском проспекте, кинотеатры «Звездный», «Минск» и «Кунцево» на западе Москвы. А после модернизации Курского и Павелецкого вокзалов предметом восхищения москвичей и приезжих стали высокие витражи и крыша, изготовленные из алюминия и стекла по проекту ВИЛСа.

О сегодняшних разработках института для нужд Москвы рассказывает зам. Генерального директора ВИЛСа **Владимир Борисенко**:

— Мы сейчас делаем акцент на малые формы в строительстве, которые архитекторы называют мебелью города. Эти малые формы очень разнообразны, от них во многом зависит повседневная жизнь москвичей и внешний облик столицы.

Одной из таких форм являются модульные магазины, которые должны прийти на смену торговым ларькам. Согласно недавнему распоряжению мэра Москвы Ю.М.Лужкова об упорядочении уличной торговли, эти ларьки скоро будут сокращены наполовину и объединены в торговые ряды.

ВИЛС пару лет назад разработал 15 моделей киосков и палаток, а сегодня ставит на промышленную основу изготовление модульных магазинов. Мы уже сделали торговый ряд из семи небольших магазинов площадью 3х5 метров у метро «Войковская». Там же в начале ноября открылось кафе из наших быстровозводимых конструкций.

Последняя модель модульного магазина размером 9х17 метров сейчас монтируется в подмосковном Калининграде. Этот утепленный магазин, где торговля будет вестись внутри, примет первых покупателей в декабре. В дальнейшем предполагается разместить пятнадцать таких же магазинов в спортивном комплексе «Крылья Советов» в Сетуни. Наряду с торговыми залами в них предусмотрены подсобные помещения для хранения товара из расчета на одного или нескольких владельцев.

Утепленный магазин собирается из модулей, фасад которых можно варьировать по желанию заказчика. У нас большой выбор декоративно-лицевочных конструкций. Новая покрасочная линия, закупленная в прошлом году в Германии, позволяет делать разнообразные покрытия высокого качества. Кстати, в любой цвет красится и черепица из алюминия, которую мы выпускаем для коттеджей.

Для новых модульных магазинов пригодились наши прежние наработки с применением декоративных алюминиевых профилей и стекла. Эти легкие ажурные конструкции можно увидеть и на улицах Москвы, и внутри банковских и офисных помещений (в качестве перегородок), и в вестибюлях на станциях метро — при ограждении торговых точек, где продают горячие сосиски и пепси-колу.

Наш принцип — сочетать функциональную пользу и красоту. Мы следовали ему и при разработке

бронированных кабин кассира, которыми теперь должны быть оснащены все пункты обмена валюты. К ним предъявляются жесткие требования по защите от пуль, огня и шума. С учетом этих требований специалисты ВИЛСа, используя в рамках конверсии налаженное у нас производство бронелиста и пеноалюминия из алюминиевых сплавов, проработали несколько вариантов дизайна. Хотелось бы, чтобы у новой конструкции была бы не только высокая надежность, но и привлекательный внешний вид.

Благоустройство Москвы теперь неотделимо от возрождения Церкви. ВИЛС оказывает благотворительную помощь в восстановлении Храма Святителя Николая в Троцкорове. Он находится в районе, где живет основная масса работников нашего предприятия.

По строгим православным канонам у нас уже отлиты сотни колоколов, которые радуют и возвышают души прихожан не только в Кунцево, но и в Очакове, Крылатском, Сокольниках, Митине, а также в десятках храмов Подмосковья. Особая наша гордость — выполнение заказов на звонницы для Храма Святого Леонтия в Ярославле, Боголюбского монастыря под Владимиром и Храма Покрова на Нерли. Эти жемчужины XII века входят в «Золотое Кольцо» России.

Православная Церковь делала нам также заказы на облицовку куполов. Для этой цели используется нержавеющей стальной лист, покрытый нитридом титана. Он был впервые применен при реставрации купола часовни Николо-Угрешского монастыря. Титановое покрытие практически неотличимо от позолоты, и износу ему нет. ВИЛС готов выполнить такой заказ и для Храма Христа Спасителя в Москве.

Олег ЧЕЧИН

Контактный телефон: 448-67-35

Факс: 448-66-15

Адрес:

121596, Москва, ул. Горбунова, д.2. ВИЛС

РЕКЛАМА

Уважаемые читатели!

Закончилась очередная подписная кампания. Как и полгода назад, ее результаты оказались довольно печальными: тиражи практически всех газет и журналов значительно снизились. В этом, конечно, виноваты не только журналисты: читатели не хотят выписывать прессу, так как почта дерет с них несусветные деньги за доставку. Вырастить лес, сделать из него бумагу, привезти ее в Москву, затем напечатать на ней журнал или газету, созданные трудом десятков журналистов, плюс к этому довести готовые тиражи до почтовых отделений — за все это вместе читатели, подписчики платят втрое, а то и вчетверо меньше, чем за услуги почтальона, приносящего прессу в дом. Да ладно бы что-то перепадало самим почтальонам — нет, зарплаты у них нищенские. Все съедает Министерство связи, пытающееся поправить свои дела в других, запущенных, сферах за счет читателей прессы. Хорошо еще московские власти вовремя спохватились и с помощью антимонопольного комитета буквально накануне начала подписной кампании снизили явно завышенные расценки на доставку газет и журналов. Но и это мало что изменило: подписка многим оказалась не по карману.

И все же вина перед читателями есть и у нас, журналистов. Мы перестали интересоваться вами. Пишем многословно. Увлеченные политической борьбой, мы не замечаем, что жизнь общества давно уже огибает политические рифы и течет мимо, подчиняясь своим, совершенно нам неизвестным законам. Люди устали от горлопанства, им домашний очаг куда ближе парламентских баталий, а проблемы своего города, соседней улицы волнуют больше, чем судьба министра обороны или председателя думского комитета. При обилии различных газет и журналов люди не могут получить самой элементарной, необходимой им информации: печатные страницы залиты однообразной, многократно пережеванной публицистической массой...

Мы решили в корне изменить наш журнал. Первый номер «Столицы» будущего года (а он выйдет заранее, за неделю до Нового года) не будет похож на то, что мы делали прежде. Наш еженедельник станет намного красочней, толще, а главное — значительно изменится тематически. Не буду раскрывать всех секретов, скажу лишь, что мы хотим быть ближе к своему читателю и собираемся писать о вещах, непосредственно волнующих каждого. Мы станем более московским и более динамичным изданием. Для этого мы набираем новых журналистов, полностью обновляем свою техническую базу, придумываем новый макет, изобретаем новые рубрики и разделы, пытаемся насытить журнал нужной информацией.

На все это, увы, требуется время, и поэтому **нынешний, 47-й номер журнала станет последним в этом году**. Значит ли это, что мы не выполним свои обязательства перед подписчиками? Нет, не значит. Все они получат вместо невышедших пяти декабрьских номеров «Столицы» пять номеров другого еженедельника, который называется «Деньги», выпускается с недавнего времени издательским домом «Коммерсантъ» и рассчитан на самого широкого (то есть не слишком зажиточного) читателя. В нем вы найдете немало интересного.

Это не случайно. «Столица» и сама входит в семью изданий «Коммерсанта», где уже есть «Коммерсантъ-Daily», «Коммерсантъ-Weekly», «Домовой», «Автопилот». Издательский дом «Коммерсантъ» вместе с нами разработал идеологию городского иллюстрированного журнала, он поддержал в этом деле «Столицу» технически, финансово, морально. А результаты этой работы — что ж, через месяц вы их увидите. Надеюсь, мы вас не разочаруем.

Андрей МАЛЬГИН,
главный редактор

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 16
Телефоны: 200-43-43, 200-45-05
Телефакс: 200-44-88

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:
Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский
Директор издательства:
Борис Рабкин
Ответственный секретарь:
Юрий Бугельский
Отдел политики:
Александр Касатов
Отдел экономики и науки:
Елена Эрикссен
Отдел права:
Николай Бахрошин
Отдел искусства:
Татьяна Савицкая
Отдел литературы:
Дмитрий Быков
Отдел репортажа:
Владимир Грибанов
Отдел писем:
Наталья Туровская

Над номером работали:
П. Смирнов, А. Пружинина, Н. Ударцева, И. Цыцарева

Номер подписан в печать 17.11.1994 г.
Тираж 100 000 экз.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 200-38-45
По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 200-33-43

© «Столица», 1994

Верстка дизайн-бюро «KitArt»®

Отпечатано в Финляндии в типографии «UPC Consulting Ltd.»

Читатель и сугубо индивидуальный писатель

В «Столице» № 42 — весьма своеобразное интервью Сергея Шаповала с Владимиром Сорокиным «Самое скучное — это здоровые писатели». Очевидно, нестандартность предопределена личностями как «допрашиваемого», так и интервьюера. Побольше бы вам и в дальнейшем такого неподдельного своеобразия. Это — в порядке пожелания.

Теперь в порядке некоторого возражения. Хорошо понимая, сколь индивидуален писатель, все же, думаю, кое в чем он явно «перехлестывает».

Например, на вопрос о существовании проблемы читателей и восприятия текстов Сорокин отвечает со свойственной ему категоричностью: «Для меня проблема читателей снята раз и навсегда. Я не переоцениваю литературу вообще. Для меня это бумага, на ней какие-то типографские значки. На кого-то комбинация этих значков производит сильное впечатление... Литература ни в коей мере не находится в этико-моральной сфере, литература — это чисто эстетическая сфера, как картины, как глиняная посуда, это мертвый материал, просто бумага и типографская краска...»

Безусловно, писатель сам признается: «У меня, конечно, сугубо индивидуальные критерии». С одной стороны, это прекрасно, но с другой... Трудно согласиться с такой странной оценкой литературы, как «мертвый материал». Да еще Сорокин присовокупил сюда и живопись... Трудно, даже просто невозможно согласиться с тем, что писатель не видит (или не хочет видеть), насколько остра, а сегодня особенно, проблема взаимоотношения писателя с читателем. Именно сейчас, когда в основном читается одна только детективная, низкая по уровню литература (и литературой-то не назовешь, вот где поистине мертвый материал!). Писатель не имеет права этого не ви-

деть, не замечать, абстрагироваться от такого явления.

Да и кроме того, простой вопрос: неужели хоть кому-нибудь из писателей приятно знать, что он пишет только «в стол», что его не прочитают, не узнают, никогда не откроют? И относить нашу любовь к литературе — к архаике, как это делает Сорокин, по-моему, и есть настоящая архаика.

В. МЕЛЬНИКОВ

Раменское

Ресторан без меню

Я человек пожилой, на пенсии, часто гуляю то в одном, то в другом парке. Во все времена года. Просто брожу по дорожкам, люблю тему, что осталось в Москве от природы.

И уже давно я обратила внимание, что на скамейках парков частенько сидят двое-трое-пятеро москвичей в возрасте 30—40 лет. Это не банальные компании пьяниц, они не прячутся, а расстилают на скамейке газеты или салфетки, на них — бутерброды, сосиски, всякая другая снедь и вода (именно — вода, пепси, а не пиво и не водка). Этим маленьким компаниям весело, они смеются, что-то шумно рассказывают друг другу...

И я подумала: ведь здесь, на этих неудобных грязных скамейках они потому, что по тем или иным причинам не могут собраться у кого-нибудь дома или пойти в ресторан (дорого!), а дискотеки их уже не интересуют.

Поэтому через ваш столичный журнал хочу обратиться с предложением к предпринимателям. Думаю, что они на этом не прогадают. Суть такова. Открыть в Москве на пробу сначала хотя бы один ресторан... без еды. Оставить в нем на всякий случай только буфет. Хлопот будет мало. Посетители сами будут приносить еду, а платить станут только за помещение и посуду. Посидели, перекусили, поболтали и ушли. Без танцев, без песен,

просто — встречи ради общения, ради того, чтобы укрыться от дождя и мороза.

Подумайте, дорогие предприниматели. А вдруг?

Л. СПИРИДОНОВА

Москва

Мнение о мнениях

В нескольких последних номерах «Столицы» я с интересом отметил рубрику «Два мнения». Встречается она как в «Дневнике И.» (№ 42), так и в политическом разделе журнала (разговор по поводу явления Солженицына в России).

Всегда неплохо бывает «столкнуть лбами» два различных утверждения. Но в одном здесь, как мне кажется, «Столица» совершает серьезную ошибку.

Дело в том, что второй оппонент «Двух мнений» озакомлен, и очень хорошо, в деталях, с мнением первого, что дает ему явные преимущества и ставит в неравные условия с первым. Это уже не просто два мнения, а одно мнение и ответ на него. Разве не так? Не лучше ли редакции просто просить двух людей самостоятельно, независимо друг от друга, высказаться по одному и тому же вопросу? По-моему, это будет и точнее, и справедливее, а главное, значительно интереснее.

А. МАЛОНЕНКОВ

Курск

«Травы, травы, травы...»

Множество молодых людей со значками «Хочешь похудеть? Спроси меня как», появившихся на улицах города, и постоянная реклама гербалайфа сделали эту траву для наших людей чуть ли не волшебной. Такова ли она в действительности?

Моя знакомая, чья восемнадцатилетняя дочка усиленно худела с помощью гербалайфа, почти три месяца лечила потом девочку от тяже-

льх последствий. Данные, полученные врачами Швейцарии, на чьей территории гербалайф уже запрещен, и Франции, свидетельствуют о множестве нервных и других расстройств, полученных людьми, принимающими «волшебную» траву. Недавно эту же информацию передали и по НТВ.

Дело в том, что в продажу поступают не настоящие смеси трав, а суррогаты неизвестно из чего — ведь бизнес часто делают не слишком чистыми руками. Но мы продолжаем торговать и рекламировать, а люди платят немалые деньги за то, чтобы потом долго и тяжело болеть.

Кстати, даже если обойдется без последствий, потерянный вес все равно очень быстро вернется, как это было у другой моей приятельницы. Поэтому если гербалайф и безвреден, то уж в любом случае бесполезен. Собирайте лучше весной и летом подальше от города пустырник, зверобой, мяту, сушите подорожник, ромашку, крапиву — и полезно, и веками проверено. И купите себе книгу о травах: там есть все, что вам нужно. Кроме гербалайфа.

Н. ИВАНЧЕНКО

Люберцы

Специалисты зависят... от армии

Знакомый преподаватель вуза пожаловался: уровень знаний и интеллекта поступающих студентов с каждым годом все падает. И я подумал вот о чем: качество специалистов, выпускаемых нашими вузами, самым тесным образом связано с... набором в армию. Да, да. Ведь пока сохраняется обязательная служба в армии, многие мальчишки идут в институты, не имея ни желаний, ни призвания, просто чтобы не попасть в солдаты. Переход на службу по контракту тотчас решил бы эту проблему, и поступали бы в институты только те, кто действительно хочет по-настоя-

щему учиться и получить определенную специальность.

Страна сразу выиграла бы от этого, потому что, будем честными, основу любой специальности составляют все же мужчины. Именно они определяют будущее любой отрасли производства, науки, медицины, педагогики...

Так давайте позаботимся о развитии страны — переведем, наконец, армию на контрактную систему. И поскорее!

К. ЗОРИН

Екатеринбург

Музей — дитя трех граждан России

Я, ваша постоянная подписчица, благодарю за прекрасную публикацию Николая Малинина «Неугасимая легкость бытия» («Столица», № 42) — отзыв на книгу Дж.Ревалда «История импрессионизма». Автору статьи удалось очень точно передать впечатления от живописи импрессионистов и атмосферу, царящую в Музее изящных искусств.

Хотелось бы также поддержать позицию Николая Малинина по поводу возможного присвоения музею имени И.Цветаева. Целиком согласна с автором, что этого делать не следует. К аргументам Малинина я добавила бы следующее. И.Цветаев, при моем большом уважении к нему, был только одним из трех великих людей, основавших данный музей. Огромный вклад в создание музея, как материальный, так и духовный, внес известный отечественный промышленник, меценат Нечаев-Мальцев. Много для появления музея сделал и архитектор Клейн. Потомки обязаны всем трем великим гражданам России, и выделять кого-либо одного из них, на мой взгляд, неэтично. Мне кажется, что и сам Цветаев также был бы против этого.

Т. БАЙНОВА

Москва

Если Вы хотите построить загородный дом или реконструировать квартиру,

**Вам поможет объединение «Интекс» —
крупнейшая московская строительная фирма.**

«Интекс» располагает собственной строительной базой, современной строительной техникой. В состав объединения входит завод стройматериалов, проектно-конструкторское бюро, фирменный магазин строительных материалов.

Группа недвижимости «Интекса» поможет Вам приобрести земельные участки в наиболее престижных местах Подмосковья, квартиры в Москве.

Высокая квалификация персонала и устойчивая репутация фирмы определяют контингент заказчиков, в числе которых самые известные люди России.

**Лучшие традиции
российского строительства**

Объединение «ИНТЕКС»

Телефоны: (095) 180-40-31, 180-92-80.

Магазин строительных материалов: ул. Кольская, д.7 (метро «Свиблово»). Работает с 10.00 до 18.00 (кроме понедельника). Телефон: 180-42-91.

Воровские разборки

Армейская коррупция
сквозь призму гибели Холодова

Владимир ВОРОНОВ

Золотые погоны

Едва рассеялся дым от взрыва, унесшего жизнь Дмитрия Холодова, как перед нами открылась великая тайна: в армии воруют! И не какие-нибудь прапорщики, давно ставшие легендарными персонажами анекдотов, — генералы!

Ужас да и только! Но почему-то на ум приходят слова генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, утверждавшего: любого армейского интенданта через полгода службы можно смело расстреливать без суда и следствия, а через год и вовсе вешать! Не скажу за другие армии, но в русской воровали всегда. Традиции этой ровно столько лет, сколько самой нашей армии. Желаям вникнуть в это подробнее, рекомендую проштудировать литературу и мемуары, относящиеся, скажем, к Крымской войне, русско-турецкой кампании 1877—1878 годов, русско-японской войне и первой мировой... А заодно и припомнить, за что царь-батюшка Петр Великий Алексашку Меншикова дубинкой охаживал. Вор-генерал, нечистый на руку фуражир, интендант и прочая тыловая крыса — непременный персонаж «непобедимой и легендарной» образца ДО 1917 года. Если перечитать прессу 1914—1917 годов, то можно и вовсе вывод сделать, что войну с немцами проигрывали исключительно по вине вконец заворовавшихся снабженцев.

«Доисторическая» эпоха армейского казнокрадства завершается во время гражданской войны — вместе с Белой армией. Большая часть спецов по «прихватузации» в офицерских погонах сосредоточилась именно в тылах Добровольческой армии. В противном случае довольно трудно объяснить такой исторический факт: когда Красная армия взяла Новороссийск, то обнаружила, что там все забито продовольствием и военным имуществом (в том числе и вооружением), поставленным союзниками. Все это не попало на фронт именно по вине интендантов в золотых погонах. Судьба гражданской войны могла быть иной, если бы все это попало по назначению.

Становление «научно-промышленного» воровства в армии Советской с полным основанием можно отнести к периоду Великой Отечественной войны. Первые крупные состояния возникли именно тогда.

Высочайшее разрешение брать трофеи — это уже почти что лицензия на мародерство в покоренной Европе. И «процесс пошел» — эшелонами. Зарвавшихся лихачей время от времени отстреливали, невзирая даже на генеральские погоны. Времена были такие. Позже полегчало — «хозяина» сменил «кукурузник». И уж совсем лафа

ФОТО ДМИТРИЯ АЗАРОВА, КОЛЛАЖ ИРИНЫ ЦЫЦАРЕВОЙ

для избранных наступила во время всевозможных сокращений Вооруженных Сил начала 60-х годов. Расформировывали целые полки, дивизии, училища. А куда было девать «высвобождавшееся» имущество? Большая его часть испарилась в «неизвестном» направлении. Речь не о танках и пушках, разумеется, — разбазарили стройматериалы, обмундирование, продовольствие, автопарк. Тогда же нормой в нашей армии стало возведение дачных домиков из казенных материалов руками солдат...

Дальше все шло по накатанной дороге. А потом наступил Афганистан. В «Спрятанной войне» Артем Боровик писал: «Старческим мановением брежневской руки они были брошены в страну, где подкуп, взяточничество, спекуляция и наркотики были не менее обычны, чем у нас очереди в магазинах». Соединение скучного и серого армейского казнокрадства с не менее рутинной восточной коррупцией дало поистине взрывчатую смесь. Тем паче, что «война все спишет». «Московские новости» в 1993 году отметили любопытное совпадение: по данным специалистов международного центра по борьбе с наркотиками, в разгар афганской войны в 1988 году в Афганистане было произведено до 750 тонн опиума, а после вывода советских войск, в 1989—1990 годах, производство наркотика упало аж до 415 тонн в год. Случайность? Но далеко не случайно многие ветераны той войны едва ли не в один голос твердят, что в СССР из Афганистана валом шли наркотики, оружие, западная радиотехника, шмотки, валюта, золото, драгоценные камни... Подавляющая часть этого — награбленное. Как может догадаться читатель, вряд ли все это могло иметь масштабный характер, не будь к этому причастны высшие командиры 40-й армии и военные контрразведчики (то есть чекисты).

Технология контрабанды была достаточно простой. В Союз груз доставлялся на бортах военно-транспортной авиации, часто использовали вертолеты, прятали добычу в цистернах порожних «наливников», забивали товаром пространство между днищем и шпангоутом бронетранспортеров, не гнушались паковать наркотики и оружие в «груз 200» — цинковые гробы с погибшими. Это была действительно война мародеров! «Отцы-командиры» не брезговали приторговывать продовольствием, горючим, боеприпасами и оружием, в том числе и снабжая им своих противников, — подобного в истории нашей армии до сего времени еще не было! Многие попадались на этом — но то была лишь мелкая рыбешка. «Не дают нам заниматься крупными рыбами, — жаловался тому же Боровику военный прокурор. — Все сделано для того, чтобы не подпустить прокурора к настоящим

преступлениям, к мафии... А ежели иной раз возьмешь рыбину на крючок, так звонить начинают аж из Москвы, приказывают прекратить дело...» Ушла 40-я армия из Афганистана — концы в воду, ничего уже не докажешь. Впрочем, никто и не собирался доказывать...

В армии воровали тогда, воруют и сейчас. Но читая чудным образом схожие по стилю, языку и методам подачи материалы «Московского комсомольца» и «Завтра», можно всерьез поверить, что «сильнее Паши вора нет». Не берусь судить о честности или отсутствии оной у нынешнего министра обороны — не слишком убеждают тонны изведенной «комсомолятами» и «патриотами» бумаги, из коей следует лишь приобретение двух, но чудовишно недешевых «мерседесов». Правда, не в личную собственность — для министерства. Конечно, это уже основание для вселенского крика: «Караул, гра-а-бют!» Но разве в той же ЗГВ воровали лишь при Грачеве и Бурлакове? И почему так дружно накинулись на эту «бедную» ЗГВ? Не стоит ли поинтересоваться, как (в том числе и в смысле сколько попало на секретные счета в иностранных банках?) проходил вывод наших войск из Венгрии (Южная группа войск), Чехословакии (ЦГВ), Польши (СГВ), Монголии, Прибалтики, Закавказья?

Передо мной документы, появившиеся задолго до легендарного «доклада Болдырева». Доклад начальника Управления делами Объединенных Вооруженных Сил СНГ генерал-лейтенанта Л.Ивашова датирован 19 февраля 1992 года. Адресован тогдашнему Главному ОВС СНГ маршалу авиации Шапошникову. Там говорится, что на основе незаконного распоряжения Кабинета министров СССР № 315р за подписью В.С.Павлова и указаний генерала армии В.И.Варенникова (!) в апреле 1991 года международному концерну «Конверсия-жилье» безвозмездно передано имущество ВС СССР на территории ФРГ, заводы по ремонту танков, автомобилей, инженерной техники, ракетно-артиллерийского и радиолокационного вооружения и оборудования, базы и склады вооружения, боеприпасов, техники и имущества (более 200 объектов). Летом того же года тот же концерн подготовил проект постановления Кабинета министров, «согласно которому в собственность концерна безвозмездно передавалось все высвобождаемое имущество Вооруженных Сил СССР в группах войск и на территории СССР!» Лишь события августа помешали реализации замысла. Сухая справка перечисляет подставные фирмы, созданные задолго до августа 1991 года военными для приватизации военного же имущества (и успевших к тому времени немало прихватить): АО «Военно-бирже-

вая секция», АО «Нэвикон» (специализировалось на флотском имуществе), АО «Руссо Балкт Вест»... АО «Военно-биржевая секция», по замыслу его учредителей (в списке чуть ли не все тыловое руководство ВС СССР — многие из них и ныне на коне), должно было монополизировать рынок продаж военного имущества.

В том же году схожий документ получил и спикер Верховного Совета Руслан Хасбулатов. И в нем речь шла о злоупотреблениях «дореволюционного» периода. Скажем, в марте 1991 года был подготовлен контракт о продаже армейского дизельного топлива по 400 марок за тонну. Но некий генерал-майор сорвал подписание контракта, чтобы через месяц реализовать 10 тысяч тонн дизельного топлива по цене уже 255 марок за тонну фирме «Грюневальд и К^о Минеральное масло КГ». В качестве посредника сделки выступило СП «Мосэнико-Инвест» (учредители: Главное управление торговли МО и Главное техническое управление Министерства внешних экономических связей СССР). Комиссионные от сделки составили 100 тысяч марок, ущерб для государства — 1,5 миллиона марок. Сообщается в докладе и о деятельности АО закрытого типа «Реконт», получившего преимущественное право реализации и приобретения имущества ЗГВ. Среди основателей АО значится тогдашний начальник Главного управления торговли МО генерал-лейтенант Г.А.Каракозов и ряд других крупных военных. Правда, все сделано через подставных лиц. Еще в 1991 году деятельность сотрудничавшего с МО концерна «Интеркомцентра Формула-7» была квалифицирована как контрабанда. Концерн получил от армейской торговли товаров на 15 миллионов марок, но так и не оплатил поставки. Высшие чины Главного управления торговли (ГУТ) ЗГВ в феврале 1991 года перевели 5 миллионов марок в один из банков Цюриха, в марте 1991 года такую же сумму — в Женеву и в июне — в Хельсинки. В июле 2 миллиона марок было адресовано в Нью-Йорк... В справке на имя Хасбулатова утверждается, что уже тогда руководство МО было информировано «о злоупотреблениях главкома ЗГВ Бурлакова, как в Германии, так и в Венгрии». В начале 1992 года была проведена проверка коллективной жалобы ГУТ МО СССР. По итогам проверки опять мелькают знакомые имена и подставные фирмы. В частности, то же АО «Реконт»: документ утверждает, что через коммерческие структуры АО на территории Германии производится реализация «техники и вооружения войск», выводимых из Европы! Там же имеется и косвенный ответ на то, почему не последовало должной реакции, скажем, со стороны Шапошникова — на-

чальник ГУТ Каракозов утверждал, что 2 декабря 1991 года через подставное лицо для товарища Шапошникова была приобретена импортная мебель общей стоимостью 200 тысяч рублей (цены 1991 года!). Похоже на поклеп...

Но это Германия. Венгрия, между прочим, тоже была не бедной страной. В Польше Советская Армия совершенно бесплатно (!) оставила 58 гарнизонов, 13 аэродромов (располагавшихся на площади более 80 тысяч га), 7,5 тысячи жилых домов, магазинов, складов, бензоколонок. Можно лишь предполагать, сколько было продано налево, сколько денег осело на валютных счетах в той же Швейцарии... Не менее ужасающая картина казнокрадства и в Прибалтике. Возглавляемая Юрием Юдиным парламентская комиссия в начале 1993 года была просто в шоке от художеств наших генералов в Эстонии, Латвии и Литве: военные, уже никого не стесняясь, «толкают» авиадвигатели, валютную же выручку кладут на личные банковские счета в Нью-Йорке, Будапеште, Стокгольме. Только по оценкам правительства Латвии, стоимость оставляемого там военного имущества России тянула на 6 миллиардов долларов! Схема везде одна и та же: под видом металлолома западным фирмам за бесценок отдается вполне приличное оборудование (за соответствующие комиссионные в личный карман), а закупки у тех же фирм для нужд армии тем же генералом производятся по ценам, превышающим мировые. Также за соответствующий «гонорар», оседающий в генеральском кармане...

Cui prodest*

«Зри в корень» — гласит одна из заповедей Козьмы Прутков. И где он, откуда произрастает? Кое-что можно понять, внимательно проанализировав кампанию в прессе, поднятую сразу после взрыва. Для начала зададимся простым вопросом: где покойный Дмитрий Холодов брал свою разоблачительную фактуру? Ответ прост — компроматом его снабжали сотрудники ФСК. Называется даже имя одного из таких информаторов — полковника-особиста из Московского военного округа. Альтруизму чекистов нет предела — за здорово живешь, на халяву решили подбросить стовель не любимой ими прессе информацию! Но бесплатный сыр, как известно, бывает лишь в мышеловке. И гибель журналиста — лишнее тому подтверждение.

Итак, мы можем совершенно спокойно утверждать, что «МК» публиковал ежегодные для Лубянки статьи, компрометирующие нынешнее высшее армейское руководство. Газетный бум, возникший син-

хронно со взрывом, явно истекает все из того же источника, и рука дирижера тут не слишком хорошо замаскирована. Получается, что демонстративное убийство как бы стало знаком качества фабрикуемых в контрразведке материалов. А ведь мы не можем достоверно установить, что правда, а что откровенная «липа», «деза» среди того дерьма, которое фонтанирует из лубянской канализации. В «благости» намерений усомнимся сразу: с чего бы это вдруг? Ведь до сих пор контрразведчики даже и не замахивались ни на поставщиков контрабанды из Афганистана в военной форме, ни на казнокрадов из Северо-Западной группы войск, ни на наладивших наркотический «мост» из Таджикистана военных авиаторов! Да и у самих чекистов рыльце тут в пушку — на схожих делах попался один из руководителей военной контрразведки Балтийского флота...

Ясно одно: «МК» и Холодов играли по правилам Лубянки и никак не наоборот. Но почему тогда бомба? А вы почитайте публикации — практически все они ныне бьют лишь в одну точку: «Нити теракта ведут в Министерство обороны», «ФСК вряд ли причастна к организации взрыва», «Следы ведут в ГРУ»... И вывод: Холодов был убит сотрудниками государственной спецслужбы. Но разве у нас к таковому относится лишь военная разведка? Но вот тут-то для вящего эффекта начинают детально разбирать способ ликвидации, чтобы чуть ли не единодушно прийти к выводу: армейцы убрали, их рук дело, чекисты, мол, предпочитают яд, пулю или покушение под видом бытовых разборок. Вегетарианцы, одним словом, и величайшие гуманисты. Только вот все эти слова все из того же источника — многочисленные интервью налево и направо раздают сотрудники ФСК. Анонимные, разумеется. Прямо как в сказке про вора, который громче всех кричал: «Держи вора!».

В «Аквариуме», понятное дело, не ангелы работают, гуманистов там тоже не держат. Но вот аналитики там очень даже неплохие и просчитать ситуацию на много ходов способны, в отличие от тех, кто никогда не играл в шахматы. А посему хоть в минах военные разведчики кое-что понимают, но заниматься пиротехническими фокусами, устраивая фейерверк под собственной задницей, там уж точно не будут. В фокусировании же внимания на ГРУ и, соответственно, отвлечении его от ФСК, кто больше всех заинтересован? — Ответ очевиден...

Разумеется, Службе лично на товарищей Грачева и Бурлакова наплевать. Их мишень — армия, точнее, то место и положение в государстве, которое она заняла после 1991 года. К тому же не забудем регулярные «наезды» министра обороны на саму Лубянку — попытки подмять под се-

бя пограничные войска и военную контрразведку. В любом случае военным удалось отодвинуть чекистов в сторону в сфере добывания информации. Ныне уже нет монополиста на подачу свежей разведводки к утреннему чаю высочайшей инстанции. Информация же — это власть. Тот, кто знает людей Службы, вряд ли усомнится в том, что с потерей бывшего положения там не смирились и никогда не смирились. Разжатые вроде пальцы подразделения КГБ так и тянут смкнуться в зубодробительный кулак. Но первое, что надо для этого сделать, нанести сокрушительный удар «соседям», «поставив их на место». Скомпрометировав генералитет Вооруженных Сил, обезглавив тем самым противовес, Лубянка надолго выведет армию из большой политической игры, суть которой банальна — драка за власть. Но кто придет на смену продажному генералитету — капитаны, пока еще никаких Тулонов не бравшие? Для полноты счастья чекистам осталось подкинуть прессе информацию о «военном разговоре» и обезвредить парутройку путчистов в погонах. «Спасенная» нация закидает скромно улыбающихся спасителей в штатском цветами.

Резонно спросить: неужели Грачев и Бурлаков — «самые большие воры» в российском государстве? Но почему в таком случае тот же «МК» накинулся на них лишь сейчас — отмашку дали, «ату их»? А без команды «комсомольцы» не могут? Доклад Юрия Болдырева был известен в конце 1992 года, его полностью опубликовал в январе 1993 года немецкий журнал «Шпигель». Понятно, с немцем у журналистов проблемы, поэтому перевести его для «МК» смогли лишь спустя почти два года! Вдумайтесь, почему два года не давали хода этой бумаге, почему ни одно российское издание так и не решилось на публикацию? Команды из Центра не поступало, политическая конъюнктура не та была? Почти в то же время, когда впервые возник доклад Болдырева, в известной газете «День» появился большой материал с компроматом на генералитет. Между прочим, информаторы у «Дня»-«Завтра» те же, что и у «МК», — на одной площади работают, в одних кабинетах чай пьют. Но тогда время не подошло и решили подождать. Сейчас — самое то?

Хуже нет выбора, чем между ворами и кровопийцами. Другого генералитета, увы, у нас нет — имеем лишь халуг-казнокрадов. Но, глядя на тех, кто, исходя из самых «чистых» побуждений, «наезжает» на проворовавшихся вояк, начинаешь понимать старую русскую истину: воры милей нам душегубов...

Автор благодарит
Фахраддина Таирова
за помощь в подготовке материала

* Кому выгодно (лат.).

Дающему да воздастся

В один прекрасный вторник невероятное по четвертому году радикальных реформ событие стало очевидным. Как выяснилось, наша твердая национально-патриотическая валюта, сиречь рубль, дышит на ладан, все время норювит с копыт долгой и на ногах держится, только если его к стенке Центрального банка прислонить. Премьер-министр Черномырдин много месяцев подряд жизнеподобно докладывал народу, президенту и капиталистической общественности из МВФ, что жить при нем, при премьер-министре, стало лучше, стало веселее, что все системы работают нормально, что инфляция от стабилизации «бежит, бежит, бежит» и что страна успешно вступает во вторую пятилетку по строительству капитализма.

Ясное дело, от такой прекрасной радикальной реформации рубль должен был не падать камнем почти на 1000 пунктов в день, а взлететь на верхнюю ветку и запеть: «Коль славен наш Господь в Сионе». Но что упало, как говорится, то и пропало. Когда президент, еще не остывший от обещанной поволжским рабочим борьбы с буржуями, и народ, охрипший от воплей на митингах, где он исправно требовал за свои красивые глаза зарплат, стипендий, социальной защищенности от грубой прозы жизни и плюс к этому национального величия, повели вокруг очами, то обнаружилось много любопытного. Например, что если градусник не совать в стакан с горячим чаем, а поставить под мышку, то он покажет температуру тела. Биржа такую возможность нам предоставила. А поскольку такой вульгарный и прямой метод измерения экономической температуры в стране, где статистика всю дорогу занималась припиской «кубиков» и где была выдумана целая лженаука под названием «политэкономия социализма», был совсем не принят, то все должностные лица впали в тихую панику, подобную той, которая воцаряется в сумасшедшем доме, куда едет ревизор.

Пока рубль кувырчался в партере, в высших сферах, то есть в президентской администрации, его реставрацией занимались с позиции, которую можно условно назвать шаманско-чекистской. Базируется она на теории заговора. Устраняется зло, как водится, камланием. До рассвета президент и патриарх обходят с хоругвями и иконой Казанской Богоматери стены Центрального банка, кропя его святой водой и восклицая: «Vade retro, инфляция!» То бишь: «Изыди!» Злые духи разбегаются с визгом, а рубль тяжелеет, как урожайный колос. Честное слово, первоначальное президентское реагирование, особенно увольнение стрелочников — Герашенко и Дубинина, — было очень на вышеприведенную картину похоже. Чекистское же реагирование заключалось в создании ЧК для допроса с пристрастием бедного рубля.

Впрочем, больной мог бы сделать добровольное признание, даже без дыбы. Он поведал бы свою горькую повесть о том, что, например,

Валерия
НОВОДВОРСКАЯ

Ч через три года наконец-то прозвучало признание, что мы не строим социализм и не идем к коммунизму. Итак, мы выяснили, что мы не строим, после того как нас жареный доллар клюнул в макушку. Сколько лет понадобится на то, чтобы определить, что мы строим капитализм, и долго ли премьер будет читать Хайека и Адама Смита?

ни одно предприятие, кроме правительства, у нас не обанкротилось. И реальная безработица наступила только для Гайдара, Федорова и Авена. Да и то они трудоустроились и пособий не просят.

Рубль мог бы поведать и о том, во что обходятся «миротворческие» военные эксперименты в Таджикистане, Чечне, Карабахе и Абхазии. Нет повести печальнее на свете! Особенно обнадеживающе прозвучала озвученная В.Костиковым версия о том, что рубль свалился из-за происков красно-коричневых подрывных элементов. А что я всю дорогу говорю! У нас на Руси еще не то бывало. Саботажники песок сыпали в интимные места паровозов, стекло в масло подсовывали, скот ящуром заражали; кулаки посева уничтожали, насылая на них заморозки! Я замерла от восхищения. Причинная суровой жизненной необходимостью к формуле «Цель оправдывает средства», я приготовилась получить удовлетворение от красно-коричневой стороны за август 91-го и октябрь 93-го хотя бы по экономическим мотивам и уже села рисовать лозунг «Смерть врагам народа!». Было бы естественно после такого заявления пресс-секретаря увидеть наутро Зюганова, Анпилова, Жириновского и Баркашова в кандалах и в узилище. Но увы! Дальше слов дело не пошло. Вспомнили, наверное, что к красно-коричневым экономическим козням приложил руку щедрый розово-кремовый премьер.

Итак, дело дошло до голосования вотума недоверия правительству в Госдуме. Для вотума недоверия не хватило голосов, хотя голосили коммунисты и социалисты очень громко. Потрясенный такой неблагодарностью за умеренный курс, премьер провозгласил себя радикалом, последователем Гайдара, и обещал, что даже если рука берущего не отдернется, то рука дающего оскудеет. Поскольку раздача кредитов, зарплат и пособий приводит к неумолимой формуле инфляции: «Дающему да воздастся», то на ЦБ надо вывесить табличку: «Все ушли на Совмин» — и запереть дверь, выставив в окна пулеметы. Дай Бог г-ну Черномырдину преуспеть в этом святом деле.

Попытавшись Волгу замесить толокном, а щуку согнать с яиц для достижения экономической стабилизации, премьер, кажется, решил обратиться к объективным законам. Но вот ведомы ли они ему? Это мы не проходили, это нам не давали... Через три года наконец-то прозвучало признание, что мы не строим социализм и не идем к коммунизму. Итак, мы выяснили, что мы не строим, после того как нас жареный доллар клюнул в макушку. Сколько лет понадобится на то, чтобы определить, что мы строим капитализм, и долго ли премьер будет читать Хайека и Адама Смита? Что мы, кстати, строим в сельском хозяйстве? Судя по перестановке слагаемых, там Давыдова заменили Нагульновым. Но все из той же когорты двадцатипятилетчиков... А кадры ведь решают все.

Это — огненная книга.

Не только потому, что образ огня, всепожирающего и очистительного, — сквозной и ключевой в ней.

Нормальному, среднему человеку очень трудно читать ее.

Мы привыкли к чтению скорому и беглому, поверхностному и ленивому. Здесь — каждое слово требует жертвы. Как требует от тебя полной отдачи случайный прохожий или попутчик, отчего-то именно тебя выбравший, чтобы поверить тебе историю своей жизни, свою сердечную тайну.

Это книга о тюрьме, написанная в тюрьме. Но тому, кто ждет увлекательного сюжета, натуралистических бытовых подробностей или обличения палачей, лучше к этому тексту и не приближаться: обожжет. Это не шаламовский

первач и не солженицынский спирт — царская водка, да простит мне автор такое сравнение. Это книга о том, что каждый из нас должен понять и пережить хоть однажды. И для этого — вовсе не обязательно повторить путь автора. Просто — ей был послан вот такой путь...

Эта книга и сегодня, как и десятилетие назад, когда она писалась, — страшна и непонятна. Вот единственная причина, по которой она до сих пор не издана в России. В стране, где раскол следует за расколом и остановить их и предупредить все труднее — потому что каждая хата с краю.

Вот еще почему это огненная, огнеопасная книга. Пламя, бушующее в ней, ударяет не в кого-то — а в тебя.

М.П.

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

ОБ АВТОРЕ

З.А. Крахмальникова родилась в 1929 году в Харькове. Окончила Литературный институт. Работала в ряде издательств, затем, после защиты диссертации, в Институте социологии и в Институте философии АН СССР. В 1971 году пришла к Православию, за что была уволена с работы и лишена возможности печататься в СССР. С 1976 года в Самиздате, а затем в «Посеве» издавались составленные ею сборники христианского чтения «Надежда». За них Зоя Крахмальникова была арестована 4 августа 1982 года и осуждена по «антисоветской» статье. В марте 1987-го ей, наряду с другими политзаключенными, Горбачев предложил амнистию, в обмен на расписку в лояльности к коммунистическому режиму. Крахмальникова дать такую расписку отказалась. На свободу вышла спустя четыре месяца, после публикаций в ее защиту, появившихся на волне гласности.

В последние годы издала ряд книг и опубликовала несколько десятков статей. В «Столице» печатается постоянно с момента основания журнала.

Слушай, Тюрьма!

Главы из книги

Зоя КРАХМАЛЬНИКОВА

Человек ненавидит Бога. Он хочет Его убить.

Сначала он убивает Бога в себе, потом он хочет убить Его во мне, и, если я не даю убить своего Бога, он сажает меня в тюрьму, в лагерь или ссылает в пустыню. Мир живет ненавистью к Богу, эта ненависть есть единственная сила для строительства мира как кладбища, как поля, засеянного человеческим прахом. Единственная сила, которая взорвет мир, когда Бог захочет прекратить эту пошлость, не зависящую ни от социальных причин, ни от политики, ни от морали и нравственности.

Тюрьма срывает покровы с мира. Земля оказывается маленькой песчинкой в ладони Бога.

За дверьми камеры по лефортовским мосткам грохочут сапоги надзирателей, слышится чавканье и шелканье открываемых «кормушек» — кого-то берут на «вызов».

Я жду, когда откроется и моя «кормушка». Жду, и сердце мое вливается в Божий мир, мир любви и света, где маленькой песчинкой трепещет земля, слитая со своей тюрьмой и со своей камерой — временем и пространством, — которые будут сожжены огнем, вызванным на себя человеком, ненавидящим Бога.

Непостижимый, невидимый, незнаемый мир, созданный из ничего Словом Божиим, мир, в котором жалкой песчинкой трепещет Земля, ожидая огня, обещанного Богом, вмещает невмещаемое: любовь Бога к человеку, свободу человека и смирение Бога.

Не может быть! Не может быть, что вот этот человек, который ведет меня на допрос, мерзко чавкая (чтобы предупредить других, так же, как он, ведущих на допрос других преступников — мы не должны видеть друг друга), обладает свободой!

...Мы идем длинным гулким коридором, внизу часовой машет флагами. Это — регулировщик, он следит за нашим продвижением, и белые флаги должны дать знак другим конвоирам, ведущим других эзков, когда мы уйдем в боковой отсек.

Это не похоже на военную игру, это не маневры, это — тюрьма. Она поставлена и усовершенствована свободой человека.

Мне это знание дается не сразу.

По этим же коридорам водили и моего бывшего духовника, священника Дмитрия Дудко. Его взяли в облачении с наперсным крестом. Облачение сразу же сняли, крест, конечно, тоже (у меня тоже забрали нагрудный крест и образок Пресвятой Богородицы), сняли с него и ремень, и шнурки с ботинок.

Я вижу, как он идет по этим лефортовским мосткам — маленький, крупноголовый, с седой длинной бородой. Его глаза, широко поставленные под большим высоким лбом, встревожены. Они давно стали тревожными, хмурыми, мне даже казалось, мутными. Словно что-то замутило их.

Мы расстались с ним незадолго до его ареста, состоявшегося в день памяти Преподобного Серафима Саровского, 15 января 1980 года. Сказала, что ухожу от него. Он обиделся: «А если меня посадят?» — спросил он.

У нас давно не было духовного общения, его христианство все дальше, как думалось мне, уходило от Христа.

Теперь же в камере я с горечью вспоминала, как судила его. «Ты не был там», — крикнул Дмитрий Дудко первому из духовных чад своих, осмелившемуся упрекнуть его во лжи.

Теперь я там, где был он. Я пройду его дорогой, теми же коридорами и с теми же конвоирами.

Я должна понять его, простить его, помочь ему.

В чисто выбеленной камере нет ни пятнышка на стене. Видно, ее недавно отремонтировали, в тюрьме идет ремонт. Это самая худшая камера, как выяснится потом, окно ее упирается в высокие стены хоздвора, оно промазано белым, здесь никогда не бывает дневного света. Потом, перед судом, по моей просьбе, меня переведут в другую камеру, там будет изредка появляться солнце, и в окно можно будет увидеть зеленеющее вдали дерево.

Наверное, он сначала был в этой же камере. Это — самая плохая камера.

За стеной постоянно что-то гудит, сыро и душно. Такие «безрадостные камеры» существуют «для раскрутки». Раскрутка — подготовка преступника к поражению, к чистосердечному признанию, к самооговору, к оговору, к тому, чего добивается от него следствие...

На нем были облачение и крест, когда он пришел на мой суд. У нас были общие коридоры и общие конвоиры. Проходя по нашим коридорам, я жалела его, больного, старого, просидевшего уже один срок еще до рукоположения. Я протянула ему руки со скамьи подсудимых: «Благослови меня!»

Мы были одни с ним среди чужих враждебных зрителей. И еще моя дочь. Только ее одну и пустили в «зрительный зал», оснащенный микрофоном и телекамерой.

Зал был заполнен тайными и явными сотрудниками госбезопасности.

«Благослови меня!»

Мы были одни среди ненавидящих и равнодушных. Я думала, что мы — Церковь.

Если один падает — падают все. Страждет один — страждут все, все Тело.

Один встает — встают все. «Благослови меня!» Он осенил меня крестом. До того, как начал лжесвидетельствовать, и после того, как кончил лжесвидетельствовать. Он ничего не читал, не видел, не знал, хотя два эпизода из семи, приведенных в моем обвинительном заключении (а потом, естественно, и в приговоре), были связаны с ним. Меня судили за то, что я подписала письмо в его защиту и подарила его книгу своему сыну.

Облачение, которое ему вернули, и крест не помешали ему лжесвидетельствовать.

«Обвиняемая, у вас есть вопросы к свидетелю?» — «Нет, у меня нет вопросов». Нам запрещено судиться друг с другом у неверных. Они не поверили священнику, не поверили в его благословение.

Нас ждет другой суд. Мы — не Церковь, мы должны стать Церковью. Меня благословляет Бог его рукой. Если один падает — падают все, если один стоит, стоят все. Тело Христово — Его Церковь не может уйти от креста.

А мир — тюрьма, думаю я в тюрьме. Мир создает подобное себе, необходимое для себя в первую очередь. Блага. Тюрьма — благо, она уберезит его от внезапной смерти.

Человек, придя в мир, хочет жить в нем долго. Он не хочет умирать, для этого он строит

тюрьму, чтоб она ограждала его от смерти. Он будет прятать в тюрьму тех, кто помешает ему жить долго. И жить в свое удовольствие. Кто кого — вот роковой вопрос. Кто кого скорей упрячет в тюрьму.

«Или он меня убьет, или я должна его убить», — рассказывает мне молодая женщина в барнаульской тюрьме. Она убила своего отца, когда ей было 18 лет. Сейчас она старше на восемь лет. Я рассказала ей о двадцатилетней убийце, встретившейся мне на одной из пересылок; со слезами раскаяния она признается мне, что хочет принять Святое Крещение. Моя барнаульская сокамерница не чувствует никакого раскаяния. «Или я, или он»...

«Плетью обуха не перешибешь!» — сказал Патриарх Пимен одному молодому человеку, который осмелился спросить Патриарха: почему Церковь добровольно отказалась от той миссии, которая была завещана ей Христом. «Плетью обуха не перешибешь!» — ответил Патриарх Московский и всея Руси...

Это было не время сбора смокв, когда Господь подошел к смоковнице. На ней не было плодов. Она не успела дать плоды, потому что время не подошло. «Да не будет на тебе плодов вовек!» — сказал Он, и смоковница засохла.

Вера — не только, по словам Господа, может творить то, что Он сотворил с бесплодной смоковницей, вера побеждает «уставы естества», так утверждает Церковь, прославляя Пречистую Матерь Бога нашего.

Вера дает плоды даже тогда, когда по уставам естества и уставам времени еще рано собирать плоды.

«Мы еще слабы, мы не можем, подождем, еще не время сбора смокв», — говорит мне знакомый священник. Он молод, силен, он — ученый священник, знает хорошо тексты Священного Писания. Он был научным сотрудником в миру, он ушел с мирской работы и стал священником по любви к Церкви. К нему стекается народ, говорят, он дает духовные наставления. Как хорошо. Это — плод того самого духовного возрождения. Молодые люди из науки, культуры идут в священство.

Мой собеседник особенно заметен, он, как говорится, вышел из хороших рук, его духовный отец — ныне усопший известный в Москве пастырь. Он был знаменит в интеллигентских кругах, он был умным проповедником, философом, мудрым наставником, властителем дум. Вокруг него сложилась «христианская элита». Он, можно сказать, создал свою школу священников, школу нового христианства, христианства 60—70-х годов, огромный приход, храм полон детьми, их молодыми родителями, стариками, словом, это некий символ нашей религиозной жизни.

Еще не время сбора смокв, мы будем ждать, когда мы духовно созреем, духовно окрепнем, повторяли и повторяют за знаменитым пастырем его ученики. Чтобы подтвердить свою правоту, они ссылаются на где-то сокрытых от нашего

взора старцев...

Это очень тонкая подмена, настолько тонкая, что ее трудно описать. Евангелие знает эту опасность. Эта тема там названа жестко и бескомпромиссно: упразднение Креста Христова.

Сейчас не время для Креста, сейчас не время для Господней работы, для свидетельства, исповедничества, мир не хочет свидетельства. Мы будем пока исполнять другие заповеди. Крест — это символ, раскрывают современные наши богословы суть нового христианства. Крест — это терпение скорбей: сварливой жены, непослушных детей, болезней, вздорного начальника и всего, что несет нам этот мир. Наше дело исполнять нравственные нормы, остаться милостивыми, добрыми, порядочными, честными.

Крест — это терпение скорбей, повторяли мы слова епископа Игнатия Брянчанинова, сказанные в XIX веке, когда Церковь уже ушла из пустыни и поэтому становилась все более ненужной миру, он переставал верить в ее свидетельство, соль утрачивала свою силу. Оставались еще редкие пустытники в Церкви, среди них был и епископ Игнатий, живший в пустыне посреди мира.

По плодам узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? (Мф. 7,16) — говорит Господь. Но сейчас не время сбора плодов, объясняют нам. Мы не готовы умирать за этот мир.

«Мы — избранные, а мир во зле лежит». Он должен умереть для нас, а не мы для него. Так говорят те, кто считает себя аскетами, теперь часто встречаются многолетние пустытники, знающие святых Отцов и выбирающие из их наследия, так же как из Евангелия, то, что «исторически возможно». Для них епископ Игнатий непререкаемый авторитет: сказано, Крест — это терпение скорбей, и достаточно о Кресте. Но епископ Игнатий отвечает им: «Знай: Бог управляет миром, у Него нет неправды. Но правда Его отличается от правды человеческой. Бог отверг правду человеческую, она — грех, беззаконие, падение. Бог установил свою Всесвятую Правду Креста — ею отвергает нам небо...» Это писано в XIX веке, когда была другая, чем у нас, «историческая ситуация». Но гонения на веру никогда не могут прекратиться, таково обетование Господа. Нет веры — нет гонений.

Нам важно сохранить веру в людях, объясняет еще один теоретик христианства. Он тоже молод, пришел из науки в священство и тоже многое знает. Однако веру нельзя сохранять, как сохраняют запасы нефти, угля и прочих природных богатств. Она сохраняется не делами предосторожности, а отказом от предосторожностей, сохраняется жертвой, т.е. делами веры, и ими она достигает совершенства (Иак. 2,22). Он и это хорошо знает и даже как-то неловко напоминать ему знакомые тексты. Но все-таки нужно напомнить. Вы — соль земли, вы — свет миру, говорит Христос. Что будет с солью, если она потеряет силу? «Это не нам сказано, — говорит ученый священник спокойно, — это ска-

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Перед арестом. Август 1982 г.

В ссылке в Усть-Кане. 1983г.

зано Апостолам». У него свое Евангелие, с поправкой на время.

Сейчас не время собирания смокв, и мы пока оделись листьями, как та смоковница, которая стала бесплодной. Ибо листья — тоже своеобразный плод. Листья — форма, одежда, но ими нельзя насытить, а Господь взалкал, когда подошел к смоковнице, Он хотел насытиться ее плодами.

Мы сохраним форму, богослужение, иконы, храмы. Мы будем крестить и отпевать. Пусть будет полухристианство, обновленчество, неохристианство, комфортное христианство. Как его ни назови, главное, чтобы оно было в безопасности.

Плетью обуха не перешибешь. Благословите, Владыко, собрать с репейника смоквы!..

«**К**ак вам нравится у нас?» — спрашивает меня один из лефортовских начальников. Кто-то из нас безумен... «Тюрьма», — отвечаю я. «Вы еще не видели тюрьмы», — возражают мне.

Они гордятся своим порядком, чистотой, жестким регламентом, понимаю я. Здесь чисто, меняют регулярно постельное белье, водят регулярно в баню, по первой просьбе является фельдшер, еда вполне прилична для тюрьмы.

Я вспоминаю своего знакомого эстонского писателя. Его жена была постоянно занята стиркой, гладкой, уборкой. Она буквально вылизывала свое жилище.

«Фрейд, — говорил он мне, посмеиваясь, — Фрейд объясняет сугубую чистоплотность желанием человека спрятать свою внутреннюю нечистоту». Вымещение внутреннего во внешнее.

Фрейд повторил по-своему сказанное в Евангелии: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф. 23, 27).

Форма не только может стать поруганием смысла, форма может обнажить внутренний смысл. Лицемерие как сущность фарисейства всегда придает особое значение форме.

«Как вам нравится у нас?» Мне очень нравится ваша тюрьма. По-видимому, это лучшая тюрьма в мире.

...Я лежу спиной к моей сокамернице, спиной к «глазку». Я не знаю, откуда во мне возникает это незнакомое сочетание знакомых слов, но они все настойчивей звучат в моем уме.

«Как я хочу в твой преблагословенный покой». Видно, ветер в печи был слишком стремительным и жарким, и вот однажды на рассвете я впервые услышала эти слова, когда мой измученный ум, повторив бесчисленное число раз бессмыслицу и ложь, атаковующую мою душу на допросах, взмолился о покое...

Но что же такое *преблагословенный покой*? Начало? Исток пути? Царство небесное? Но у Царства Божия нет предела. *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* — взывает Господь. Приблизился преблагословенный покой Его. Он совсем близко у моего сердца, у моего лица, он ближе воздуха, которым я дышу, им дышит мое сердце, он в моем сердце, вместилищем глубины будущего века, и я жива еще потому, что мне дано время, чтобы войти туда...

Сними обувь, здесь земля святая. Здесь Господь. Здесь Его покой. Но войти туда можно с умом и сердцем, очищенным покаянием.

Мое путешествие начинается вновь. Каждый день это отрезок пути. Я должна идти, я должна пройти этот путь.

Лефортовские коридоры стали короче.

Меня судят за «Надежду», меня спасает «Надежда». Я читаю ее. Я учу наизусть ее тексты. Это голос Церкви. Маленькие желтые книжечки станут судебным делом. Они лягут в казенные тюремные папки. Предание Церкви.

Земная жизнь Пресвятой Богородицы. Описание ее чудотворных икон. Жития Святых. Проповеди Святых Отцов. Духовные наставления священников. Письма новомучеников своим духовным чадам. Статьи о необходимости проповеди Христианства в культуре.

Почти десять лет напряженной работы, десять лет Христианского Чтения, изучения духовного наследия Православной Церкви. Живая вода, обещанная Христом. Теперь ее хотят заточить в казенные папки.

Их кладут передо мной на стол. Это — мое «дело», пришла пора его закрывать.

Я с жадностью читаю «дело»: это — встреча с Церковью, с Надеждой, с теми, кого я давно не видела, передо мной протоколы их допросов.

Я прощаюсь с книгами «Надежды». Увижу ли я их когда-нибудь?

Мое сердце, моя память должна вместить то, что хотят заточить в тюремные папки. Господь снова дарует мне *Надежду*, чтоб через нее спасти меня.

Я возвращаюсь в камеру после каждого свидания с моим делом. «Что с вами? Почему вы радуетесь?» — недоумевают мои соседки по камере — теперь их двое, вторую поместили к нам недавно, она рассказывает ужасы, которые ожидают меня. «Вы умрете в лагере», — говорит она чуть ли не десять раз на день.

Страх рождается в пустоте. У него нет природы, он возникает в безводной пустыне, жаждущей живой воды, обещанной Христом. Значит, в сердце, где Он хочет создать Себе обитель, не должно быть *ни мгновенья пустоты*. Ибо, по Его слову, выметенная и чистая горница немедленно наполняется бесами, куда более свирепыми, чем те, которые только что были выметены отсюда. Ни одного мгновения безбожного бытия, ни одной минуты отдельного от Бога бытия...

Господи, почему они так боятся Тебя?

Как-то, примерно за месяц до суда, меня увели с прогулки к начальнику тюрьмы. Со мной некто хочет побеседовать, объяснил начальник. Мне все равно, кто это, и я спрашиваю его: «Социолог?» «Ну да, социолог», — с готовностью подтверждает начальник.

Нам приносят кофе и сладости. Мой собеседник хочет угостить меня кофе. Но я не буду пить кофе и есть сладости. Я в тюрьме, меня привел на эту трапезу конвой.

«Социологу» неловко пить кофе одному, он почему-то волнуется, много курит. Разговор начинается с комплиментов. О, это известный «вежливый стиль» допросов, угроз, обещаний, лести и лжи... Он начинает разговор с комплиментов моей статье в «Надежде», затем объявляет, что он «православный язычник» (?!). Может быть, мне это покажется интересным?

Он долго и охотно говорит о Боге, спрашивает меня, какое из Посланий к Коринфянам Святого Апостола Павла — первое или второе — мне больше нравится. Сразу видно «православного язычника». Он говорит о Священном Писании, будто о кинофильме: какая серия вам больше нравится?

«Как вам нравится у нас?» — вспоминаю я.

Я говорю, что здесь чисто, прилично кормят, дают таблетки, газеты и лечат зубы, мне это нравится. Мне не нравится, что каждые пять минут на женщин смотрят в глазок офицеры, даже тогда, когда смотреть не следует. «Да, да», — «социолог» соглашается со мной. И опять комплименты в адрес моей статьи, вернее, ее отдельных мест.

«Социолог» бежит по кабинету и спрашивает меня: нет ли здесь записывающей аппаратуры? Я, естественно, не могу этого знать. Он объясняет, что попал сюда «по блату», пишет книгу о религии:

Я помню юношеские годы моего сына. Он — артист. В институте, в котором он учился, от студентов первого курса требовали множество этюдов «на память физических действий», так они назывались. Он показывал мне их, и мы смеялись, придумывая все новые «физические действия».

Этюд, в котором участвуем я и «социолог», задуман как серьезное действие, но комизм ситуации взрывает несостоятельность сценария. «Социолог» каждую минуту вспоминает черта, я предупреждаю его: «Будьте осторожны, только вы вспомните о нем, и он тут как тут». Но наконец-то кое-что проясняется — «социолог» хочет

меня «включить» в политику, он говорит мне что-то о ЦРУ, об американском президенте, еще о чем-то подобном...

Но ни я, ни «Надежда» не имеем никакого отношения к политике¹.

Нам пора расставаться. Я с непривычки устала так долго участвовать в этюде, но «социолог» не хочет со мной расставаться. «Может быть, мне еще прийти к вам?» — спрашивает он напоследок...

Почему они так боятся Бога? Если они правы, мои обвинители, мои судьи, почему они так тщательно скрывают свою правоту?

Почему в зал суда не пускают моих близких, почему меня возят в суд тайно, подгоня маленьким «воронок» с открытым дверям «черного хода», почему меня привозят в этот загородный суд и увозят так, чтобы никто не видел меня?

Признаюсь, что я не могу не смеяться над этим абсурдом, в котором поневоле должна участвовать. Сатана явно смеется над ними, побуждая скрывать их «правду». Сатана — создатель ложных мыслей, он и побуждает так бояться Бога, чтобы гнать за веру в Него и скрывать гонения.

Но я не хочу ненавидеть. Я хочу любить. Мы призваны не проклинать, а благословлять. Бог населил эту землю, это Его земля, и каждая частичка мира пронизана Его неистребимым Светом.

Он населил зал суда. Моя встреча с этими людьми угодна Ему. Каждый из тех, кто населяет этот лес без леса, собрание, образовавшее пустоту, желанен Богу. Он умер за каждого из них.

Мои судьи свидетельствовали своей ненавистью о Боге, свидетельствовали, что Он истинен. *Радуйтесь*, вспомнила я сказанное нам Господом. «Радуйтесь! Господь победил мир», — сказала я в последнем слове себе, своим родным, своим судьям.

Пять тюрем, похожих друг на друга, пять тюрем, отличающихся друг от друга. Наверное, их имел в виду один из лефортовских начальников, когда сказал мне: «Вы еще не видели тюрьмы».

Всего шесть тюрем, не так уж много, всего лишь три месяца этапа, пять пересылок — пять тюрем. Две последние из них размещены в зданиях, некогда принадлежавших женским монастырям. Кельи стали камерами.

Дьявол однообразен. Ад страшен дьявольским однообразием, монотонностью безнадежности, ад — безличное бытие, серое ничто, безбожное существование.

Каждая тюрьма включает в себя все челове-

чество, капля воды есть частица потока, в ней вмещается все, что вмещает поток.

Все тюрьмы похожи адской монотонностью безобразия безбожного бытия.

Все тюрьмы похожи пустынным безлюдьем. В такой же пустыне, в больнице, похожей на тюрьму своим безлюдьем, умирала моя мама...

Я дышу как рыба, выброшенная на пылающую адским пламенем пустынную землю. Бесстыдство преступления, казалось бы, выжгло все живое на этой земле. Но это теперь мой мир, мое человечество, и я — частица его, моя свобода привела меня к ним, к этим людям, моя свобода бросает меня из тюрьмы в тюрьму, с этапа на этап.

В дымных накуранных камерах ни днем ни ночью нет покоя. Днем грохочет радио, перекрывая сквернословие, ночью песни у «решки» (зарешеченного окна), перебранка с «дубачками» (так называют надзирательницы), не позволяющими «гонять коней» — переписываться с заключенными мужчинами из соседних камер.

«Слушай, тюрьма!» — это позывные, с этого начинаются монологи и диалоги у «решки».

Слушай, тюрьма!

Мир должен быть исцелен, Бог будет терпеть этот мир, эту землю, трепещущую песчинкой в Его руках, до тех пор, пока христиане не перестанут исполнять завещанное Им дело исцеления мира. Начатое Богом исцеление и порученное Богом Своим ученикам.

В черном туннеле, выжженном грехом, преступлением, убийством, ложью, в тюремном туннеле постоянно горит электрический свет.

Он обнажает бессилие зла, безволие ада, равнодушие к смерти, жадность к жизни. Это — человечество, текущее сквозь черный туннель.

Кому же из тех, кто вовлечен чуждой силой сюда, удастся осознать в себе сокрытый Свет, для кого из них сквозь трещины в туннельной коре откроется Истина, Ее неистребимый, всепроникающий и всепобеждающий Свет?

Для того, кто возжаждет этого и выйдет обновленным из огня покаяния.

Каждый день — отрезок пути к Вечности. Туннель должен иметь конец.

Здесь, на этом безнадежном пути, мне светит моя надежда. Церковь, ушедшая в пустыню.

Последний раз вижу кресты Храма сквозь трещину в крыше «воронка», везущего меня снова в тюрьму после суда (1 апреля 1983 года), приговорившего меня к шести годам лишения свободы. Кончится год тюрьмы, и меня повезут по этапам в ссылку.

Я вижу сквозь трещину в крыше «воронка» кресты Храма.

Это Церковь святых Апостолов Петра и Павла, она стоит недалеко от Лефортовской тюрьмы. Я слышала в камере иногда ее благовест, теперь она склонилась надо мной свои кресты, благословляя меня. Отныне я буду видеть храмы только на открытках и фотографиях.

Меня лишили свободы ходить в храм.

Меня решили лишить Церкви. Но это отнять невозможно. Церковь мы носим в себе.

¹ О целях его визита долго догадываться не пришлось. Николай Николаевич, как назвал себя «социолог», попавший «по блату» в Лефортовскую тюрьму КГБ, был автором книги «ЦРУ против СССР» и других, подобных ей. Н.Н.Яковлев принадлежит к числу журналистов, которые призываются карательными органами для того, чтобы оправдать их действия через средства массовой информации. Н.Н. Яковлев специализируется на фальшивках и клевете в адрес не только «преступников», судимых за религиозную деятельность, он специализируется на подделках и клевете, пригодных для оправдания фабрикаций дел «узников совести». Так, в этой книге Н.Н.Яковлев, к примеру, утверждает, что меня наняло проповедовать Христа... ЦРУ. Н.Н.Яковлев, по-видимому, даже не потрудился согласовать свою клевету со следователем, составившим «уголовное дело «Надежды», — в моем деле не упоминается ЦРУ. Между тем появление Яковлева в тюрьме было еще одной акцией гонителей «Надежды», цель которых была, как я писала, сломать мою душу и сжечь мою совесть. Посещал Н.Н.Яковлев в горьковской ссылке, надо думать тоже «по блату», и академика А.Д.Сахарова, посещал после того, как в печати гнусно оклеветал жену Сахарова — Е.Г.Боннэр. И получил от Сахарова пощечину.

Цитатник

Сергей СТЕПАШИН,
директор ФСК:

«...Появилась новая тенденция — активная деятельность на нашей территории спецслужб из республик бывшего Советского Союза. Честно говоря, мы были несколько шокированы: вышли все, как говорится, из одного гнезда, из одних школ КГБ, и вдруг их сотрудники работают на территории России!»

(«Аргументы и факты»,
№ 40)

Борис ФЕДОРОВ, думский
декабрист:

«Если это... нормальное Правительство, то оно по крайней мере не должно заниматься размножением собственных структур, в результате чего в Белом Доме уже не хватает места...»

(«Россия», № 41)

Владимир ШУМЕЙКО,
верхний спикер, который выше
нижнего:

«Фактически запрет на участие государства в деятельности СМИ откроет дорогу к уничтожению самой основы российской информационной системы. <...> Представленный Вам Госдумой закон, кроме дестабилизации и вреда, ничего не даст.»

(«Коммерсант-DAILY»,
25 октября 1994 г.)

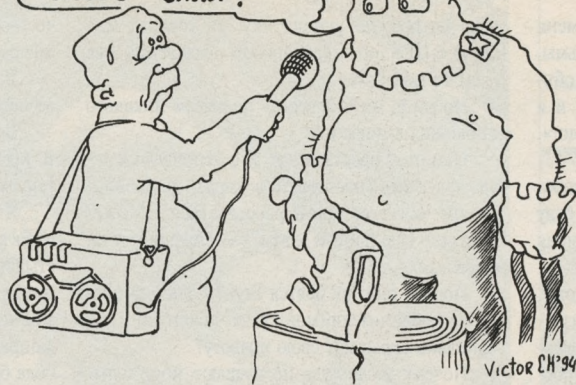
Спикер прав — какое же может быть в таких антигосударственных условиях «ТАСС уполномочен заявить»?!

Евгений НАЗДРАТЕНКО,
глава администрации
Приморского края:

«...Меня упрекают в каком-то большевистском управлении, но как же еще, скажите, восстанавливать сейчас экономику?»

(«Сегодня»,
26 октября 1994 г.)

ПУСТЬ ПРИДЁТ ТОТ,
У КОГО Я ЗА ПРАВДУ
ГОЛОВУ СНЯЛ!

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Александр РУЦКОЙ, экс-вице-президент:

«Я попал в сложное положение: пока находился в тюрьме, левые и правые «заполнили», если так можно сказать, мою политическую нишу, выделив мне место на самом краю правого фланга, с чем я никак согласиться не могу...»

(«Россия», № 41)

Руслан ХАСБУЛАТОВ, чеченский профессор:

«...Поскольку постольку я действительно признанный лидер для всех — и для противников, и для друзей, я просто необходим для того, чтобы установить там какой-то мир. <...> Я ведь решаю вопросы жизни и смерти целого народа?»

(«Совершенно секретно», № 10)

Джохар ДУДАЕВ, чеченский президент:

«М-да... Но об этом миротворце разговор вообще отдельный. Видно, долгое... пребывание Хасбулатова в России не пошло ему на пользу... Тем более что последнее время круг его общения составляли люди, прямо скажем, малокультурные...»

(«Совершенно секретно», № 10)

Валерий НЕВЕРОВ, президент концерна «Гермес»:

«...оптимальным вариантом могло бы стать создание под эгидой многопрофильного концерна сразу нескольких партий, которые в случае чего могли бы поконкурировать между собой.»

(«Сегодня», 6 октября 1994 г.)

Гениально! «Гермес-Демократа», «Гермес-Националиста»...

Сергей МАВРОДИ, новоиспеченный депутат Думы:

«...Нет ничего такого, из-за чего стоило бы волноваться.»

(«Комсомольская правда», 28—31 октября 1994 г.)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Павел ГРАЧЕВ, министр:

«Генерал Лебедь командует всего лишь неполноценной армией, а потому и серьезно относиться к его высказываниям об армейской реформе, как шутовском балагане, я не стал бы...»

(«Сегодня»,
26 октября 1994 г.)

Учитывая сомнения в полноценности российской армии вообще, относиться серьезно к словам самого г-на Грачева тоже не следует...

Григорий ЯВЛИНСКИЙ,
депутат Думы:

«...Сейчас больше всего беспокоит то, чтобы развал власти не произошел мгновенно и чтобы в результате этого не вышли пять человек и не заявили, что власть теперь находится у них в руках...»

(«Сегодня»,
26 октября 1994 г.)

Действительно, какие гарантии, что они подойдут именно к г-ну Явлинскому и спросят: «Шестым будешь?..»

Михаил СЕСЛАВИНСКИЙ,
председатель подкомитета
Думы по культуре:

«...В порядке информации сообщая, что Комитет по образованию, культуре и науке обратился к руководителю аппарата Государственной думы с просьбой закупить 450 экземпляров книги «Культура парламентской речи»... Надеюсь, что эта книга поможет депутатам в каждодневной работе.»

(«Комсомольская правда»,
28—31 октября 1994 г.)

Александр ЦИПКО, политолог:

«Пытаюсь стоять на позиции либерального русского патриотизма...»

(«Общая газета», № 39)

Смертники из хрущоб

Глеб КОТОВ

Конец 50-х — начало 60-х. Оттепель. Время перемен, время надежд и великих свершений. Как-никак не за горами обещан коммунизм. Царицей полей становится кукуруза, трактора сгоняют с целинных земель сусликов, строится Каракумский канал, все ближе, кажется, времена, когда в пески Средней Азии направят свои воды и сибирские реки, вслед за отважными Белкой и Стрелкой впервые в истории цивилизации в космос летит человек. И все же для миллионов наших сограждан те годы — это прежде всего время массового строительства знаменитых хрущовок, благодаря которому многие и многие обрели над головой пусть и не самую прочную и высокую, но крышу. По сути, это была эпоха счастливых новоселий. Однако неописуемая радость, сопутствовавшая въезду в пятиэтажку, со временем для тысяч, а может быть, миллионов людей сменилась разочарованием.

Для жителей же двух столичных домов — № 6 и № 14 по 2-й Новоостанкинской улице — счастье новоселья отступило когда-то перед натиском предчувствия трагедии. На первый взгляд обычные пятиэтажки — они в своем роде уникальны. Их возведением в 1959 году было положено начало эксперименту по избавлению домов от мышей, крыс, тар-

канов, муравьев и прочей живности, с которой на протяжении многих тысячелетий люди ведут безуспешную войну. Панели, из которых собраны дома, наполнены шлаковой, пропитанной синтетическими фенолформальдегидными смолами. Именно фенольные производные, по замыслу авторов проекта, руководимого приближенным к Никите Сергеевичу главным конструктором Специального конструкторского бюро «Прокатдеталь» Николаем Козловым, и должны были извести непрошенных спутников человеческих жилищ.

Первыми жителями этих домов стали руководящие работники системы Главмосстроя, среди которых были и служащие СКБ «Прокатдеталь». Но прошло всего лишь десять лет, и в 1970 году все они в одночасье согласно постановлению Дзержинского райсовета оставили свои квартиры, сменив их на новые, куда более комфортабельные. В этих же домах был проведен так называемый капитальный ремонт, заключавшийся в замене мастичных полов на паркет и поклейке новых обоев, после чего они были вновь заселены. В дом № 6 въехали лимитчики, а в соседний — работники все того же СКБ «Прокатдеталь», правда, рангом ниже. И вряд ли кто-нибудь из них задумывался, с чего это вдруг прежние жильцы столь поспешно покинули насиженные места, хотя и знали о загадочных смертях, случив-

шихся в домах. Начальник электроотдела СКБ Б.Келинзад в 41 год умер от рака надпочечника, примерно того же возраста начальник строительного отдела Н.Бригман — от инфаркта, причиной смерти Б.Грязнова, конструктора СКБ, спортсмена-разрядника, которому только исполнилось 32 года, стала саркома, иначе говоря, рак легких. Пожалуй, достаточно. Слышали новоселы и о том, что среди недавних жильцов нередки заболевания сердца, почек, печени, кожные и другие патологии. Да уж больно велико было счастье обретения полноценного как будто бы жилья.

Но прошли годы, и те смерти напомнили о себе новыми. В 1979 году в домах впервые проведена проверка санэпидемстанцией на предмет пригодности их для жилья. В квартирах были обнаружены пары продуктов разложения пропитывающих смол, проникающие в помещения через трещины в бетонной скорлупе. Для многих семей привычными стали протечки потолков. В дни, когда это случилось, концентрация смертоносных паров значительно возрастала. Это же происходило и в жаркие дни. Комиссии зачастую были неутешительные, ведь многие фенольные производные очень токсичны.

Между тем в домах расплодился и мыши, и крысы, и тараканы. Причем авторам идеи с фенолом чело-

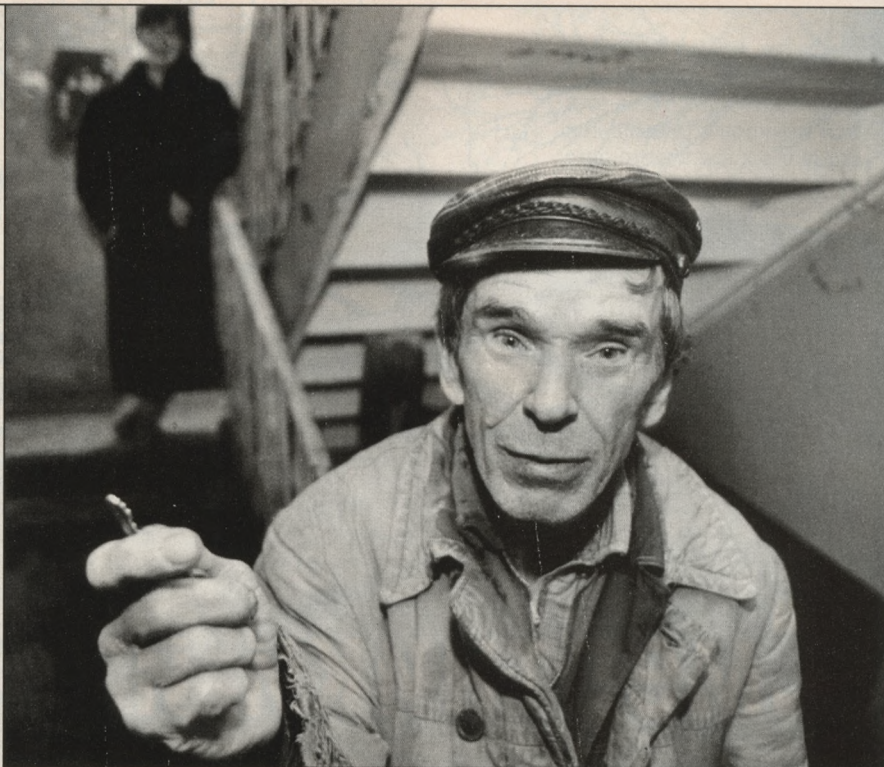
вечество должно быть обязано появлением на свет новой разновидности тараканов — прозрачных. И что характерно, по словам пенсионерки Л.Я. Погорецкой, проживающей в доме № 14 более двадцати лет, все эти существа проявляют удивительную устойчивость к любым дезинфекциям.

Несмотря ни на что, непригодность домов для проживания была признана властями лишь в 1991 году. Сделал это президиум Дзержинского райсовета, а чуть позже своим постановлением правительство Москвы обязало Департамент муниципального жилья отселить жильцов в течение 1993 года. Дома же предполагалось отремонтировать, то бишь в первую очередь устранить щели, через которые сочатся ядовитые вещества, и использовать под нежилые цели, скажем гостиницы.

Началась обычная бюрократическая возня. Департамент просит префектуру Северо-Восточного округа выделить жилье, префектура предлагает решать этот вопрос самому Департаменту, он обращается за содействием в правительство, последнее же только отписывается — дескать, не наше это дело.

С тех пор несчастные люди сидят на чемоданах в надежде, что справедливость все-таки восторжествует. И не раз уже надежды их, казалось бы, оправдывались, но в последний момент обещанные дома кем-то вдруг заселялись. Пару лет назад долгожданное избавление было совсем рядом. Здешним жителям пообещали квартиры в строящемся доме за номером 8, корпус 2, по улице Королева. Но в то же время острую нужду в жилье испытывали и нардепы. Вполне естественно, что простые граждане не смогли тягаться с борцами за народное благополучие, среди которых был и безызвестный заступник обездоленных И.Константинов.

Одним словом, на дворе 1994 год, а воз и ныне там, что и побудило отчаявшихся людей искать помощи в суде. Сегодня по делу проходят аж три ответчика, о продолжительной переписке между которыми писалось выше. Вера в победу у жильцов невелика, ибо наряду с упомянутым постановлением правительства существует и другое, датируемое летом 1993 года, которым переносятся на следующий год сроки всех незавершенных в предыдущем году мероприятий по ремонту домов. А весной 1994-го сроки всех незавершенок пе-

Слесарь-сантехник и его «хозяйство»

Незабываемый интерьер

ренесены на 1995—1996 годы. И подобные постановления могут, по-видимому, тиражироваться до бесконечности.

Но даже в случае признания судом правоты жильцов рассчитывать на лучшую долю им не особенно-то и приходится. Нет механизмов, которые позволили бы обязать виновных реализовать конституционные права людей на жилище, здоровье и благоприятную окружающую среду.

Кстати, после начала суда Департамент муниципального жилья на всякий случай организовал собственную комиссию по оценке состояния домов. По свидетельству жильцов, в отличие от прежних, которые за сутки до замеров просили жильцов изолировать для этого какую-нибудь из комнат, упомянутая комиссия пришла без предупреждения, настаивая на том, что окна и двери во время церемонии замеров должны быть открыты. Результатом стало заключение о том, что наличие формальдегида в этих домах ничтожно, и, возможно, он выделяется либо из мебели, либо его задувает с улицы. В первом случае жильцам рекомендовалось почаще проветривать помещение, во втором, соответственно, ни в коем случае этого не делать. Правда, весьма странно, что при столь оптимистичном взгляде на положение этих домов Департамент запрещает жильцам приватизацию своих квартир. Не потому ли, что отчаявшиеся люди пораспродали бы их согражданам, не ведающим о том, как хорошо здесь жить, лишь только получили бы такое право.

А люди продолжают умирать. Недавно в возрасте 56 лет от рака почек скончалась Г.Савушкина. Вскоре от инфаркта умер ее муж. Сегодня чуть ли не все дети в этих домах страдают диатезом. У людей выпадают волосы. Но самое страшное зло — это рак.

Между тем эксперимент этот изначально рассчитывался на двадцать лет. В случае его неудачи дома подлежали сносу. И такова судьба целого квартала в Кузьминках, к счастью, единственного из собратьев двух этих домов. Но сколько простоят опытные пятиэтажки на Новоостанкинской — остается только гадать.

А их жильцы продолжают умирать...

Фото Эдди Оппа («PRIMUS»)

Трижды повешенный

Он умирал медленной смертью в самом центре Москвы

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Инна МОРОЗОВА

Диму Хохрина повесили в кафе «Арктика» в Парке культуры и отдыха имени Горького. Удавку набросили ему на шею и перекинули через каркас, крепящий крышу летнего кафе. Поначалу Диму повесили не до конца, а понарошку — так, чтобы он касался пальцами ног асфальта.

Оставили минут на 10. Сбегали за водкой. Выпили тут же, возле недоповешенного, обсуждая, что они будут делать с трупом. Шмель сказал: утопим. Груз привяжем, и никаких. Айгин и Чурилов не спорили. Предложение оставили в стадии обсуждения. Хохрина отвязали и на поводке, как собаку, притащили за палатку, где ему тоже налили — выпей, последняя в жизни ведь. И покури — на сигарету. Здесь Чурилов снял с Димы «командирские» часы и обручальное кольцо. А на кой ему на том свете побрякушки?

Второй раз вешали уже всерьез, все, как положено. Поставили на табуретке со связанными руками, шею обмотали проволокой. Шмель выбил табуретку, но проволока оборвалась, и Хохрин, хрипя, рухнул. «Декабристов тоже вешали дважды», — сказал Чурилов. Диму вновь воздвигли на табуретку и снова повесили. Труп бросили в закрытой палатке. На следующий день трое убийц явились к «Арктике» рано утром, раздобыли тележку и перевезли тело Димы в другой конец парка. Его нашли через день под эстрадой «Беларусь», со связанными руками и четкой двойной странгуляционной полосой на шее. Диме было 22 года.

Димы не стало 16 мая, а 28 июня из Москвы-реки, как раз напротив кинотеатра «Зарядье», был извлечен труп молодого мужчины с завязанными глазами и руками, спутанными за спиной веревкой с двойным узлом. В теп-

лой — 17 градусов — воде труп уже стал разлагаться, и эксперты решили причину смерти назвать предположительно. Скорее всего, молодой человек захлебнулся. Полагали, что тело проплавало в самом центре города не менее недели. Предположения подтвердились, когда выяснилось имя умершего и обстоятельства его гибели.

28-летнего Петра Гирина привезли поздним июньским вечером на Кропоткинскую набережную, к месту, известному в Москве как «восемь ступенек». К воде он шел сам, с завязанными руками и глазами, уверенный, что его ведут к спасению. Трех друзей Петру представил его собственный шеф, как возможных спасителей. И к «восьми ступенькам» Петр приехал в надежде, что его спрячут в сауне, как было обещано. А что глаза завязали полотенцем — это ничего, так надо. Какая ему разница, где прятаться. В последнее время Петру только и дела было, что скрываться. Он перевез жену и ребенка в чужую квартиру, сам пустился в бега, его нашли и крепко отлупили, сломав челюсть. В такой ситуации спасителей не выбирают. И то, что шеф, владелец мастерской «Шиномонтаж» Митин, сам приехал за Петром в Туапсе, где тот укрылся, отругал за глупость, познакомил с потенциальными защитниками, подозрений не внушало. С месяц промаявшийся в нелегалах, Петр жаждал надежного убежища. Сауна представлялась ему просто раем, не хуже, чем Туапсе.

Его вели, бережно поддерживая под локоть и направляя. Он чувствовал прохладу и слышал плеск воды — наверное, это была сауна на берегу водоема. «Сейчас, ключи достану», — сказал спаситель и тронул Петра за плечо. Минута промедления, тихое бряканье. «Давай, шагай, тут ступенька». Петр шагнул в пустоту и холод Москвы-реки. Он утонул там, где глубина была не больше двух мет-

ров. К воде Петра привели Шмель, Чурилов и третий приятель — Зидин. Он и сказал друзьям, что надо сделать так, чтобы Петра не было.

Самое трудное при изучении страшных московских историй — это понять, не как именно людей убивали, — после десятого по счету прочтения материалов уголовного дела, внимательного изучения снимков и насилия над воображением можно представить себе сцены смерти и избиений достаточно подробно. Самое трудное понять, за что убивали. Что именно, какие обстоятельства могут сравниться с человеческой жизнью и перевесить ее. Петра Гирина продал его собственный начальник — Митин. Продал за 500 тысяч. А точнее — за железную дверь. Дверь установили в жилище Зидина, организатора исчезновения Петра, а от дальнейшей оплаты Митин уклонился. Допустим, Митин вынужден был избавиться от Петра, с его путаной жизнью, судимостью и с его связями-долгами перед бирюлевской группировкой. И года не проработавший у него подчиненный притащил с собой такую кучу неприятностей, какой хватило бы на несколько контор. Убийство было заказано и исполнено. Но чем помешал троице поделщикам тихий Дима, приезжий из Иванова, неудавшийся студент института физкультуры и еще менее состоятельный бизнесмен, Дима, торговавший пивом у колеса обозрения в Парке культуры? За что его притащили в «Арктику», где в течение часа методично избивали, а потом повесили, причем трижды повесили?

Смерть Димы была хорошо отрекламирована. Помимо троих исполнителей — Айгина, Чурилова, Шмеля — о ней знал еще добрый десяток человек. Зидин — постоянный член группы, которую пока нельзя назвать бандой, — узнал о том, что убили Диму, утром в «Шиномонтаже» Митина, в присутствии самого Митина и его жены. Ему сказали: так получилось. Избили, а чтобы не донес — прикончили. Косвенно тому, чтобы прикончили, содействовала начальница Димы, владелица «точки», от которой он торговал. На вопрос Айгина, не побежит ли Дима стучать в милицию за избиение, начальница ответила: не

знаю, не поручусь. Я его вообще плохо знаю. Плохо знавшая Диму женщина, однако, не раз пускала его в свой дом переночевать, одалживала ему деньги. Она была в кафе «Арктика» в самый момент избиения, как раз тогда, когда каратели решали, что делать дальше.

Были еще две девушки — их Айгин и его друзья притащили с собой в кафе, и одна из них, Наташа, послужила Айгину для создания версии о причинах разборки с Димой — дескать, заразил подлый Хохрин Наташу нехорошей болезнью, за то и поплатился. Экспертиза подтвердила, что ни девушка, ни Дима ничем не болели. Когда Хохрина били, обе девушки были в кафе, и Айгин, перемазанный кровью, снял с себя майку и велел Наташе замыть пятна. Она замыла. Через несколько дней Зидин пригрозил им, что, если бабы откроют рты, с ними будет то же, что и с Димой, и девушки молчали еще долго, долго.

Были и еще две девушки — сотрудницы кафе, когда они уходили, избиение продолжалось. И еще рабочий кафе — уходя, он оставил ключи от ворот кому-то из оставшихся. И уборщица, утром замывавшая следы крови и убиравшая осколки. Эта всеобщая осведомленность позволяет догадываться о настоящей причине избиения и смерти Димы. Диму били за недоплату. Дело в том, что друзья промышляли рэкетом. Возможно, погибший был одной из первых жертв вымогательства, но никак не последней.

Последняя жертва оказалась зубастой. Владелец магазина А. после визита к нему Чурилова и сопровождающих приготовил вместо требуемых 150 тысяч 50. Но и те оказались мечеными — на переписанных купюрах люминесцентным карандашом было занесено слово «вымогательство». Никакие уверения рэкетиров в наличии совместной с А. коммерческой деятельности не помогли. Перед судом оказались и вымогатели, и убийцы, и виновные в умолчании.

Наверное, история не помнит столь отвратительного поведения обвиняемых в суде. Айгин и Чурилов подрались за решеткой, Зидин колотился об нее головой, крича: почему мне не верят? Был удален из зала суда на три дня. Свидетели и родственники обви-

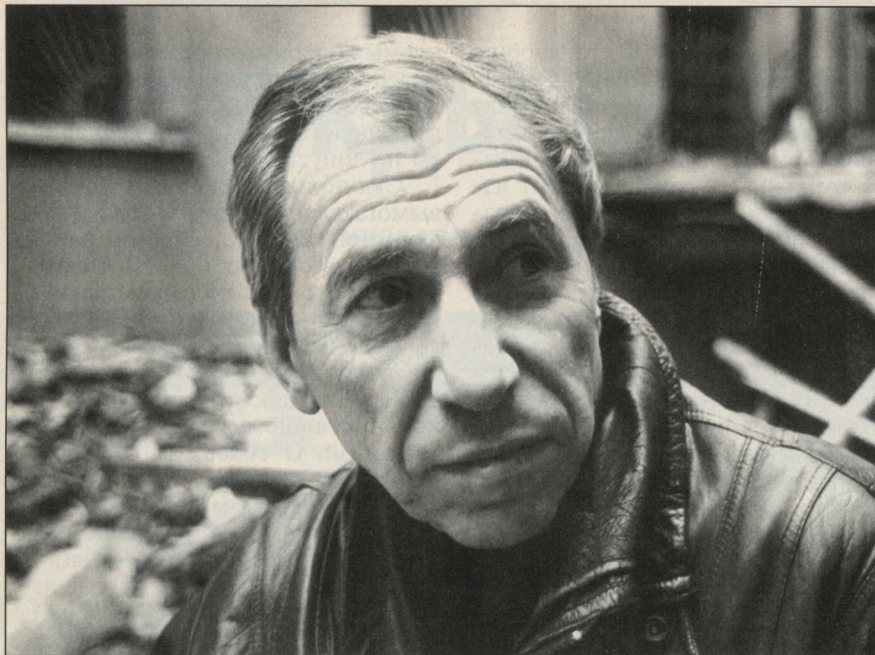
няемых бросали за решетку записки. Все это привело к тому, что процесс был объявлен закрытым, и ни родственники, ни журналисты не допускались.

Суд не назвал команду убийц и вымогателей бандой — для этого формирование не обладало достаточной устойчивостью. Но обладало одним очень весомым признаком банды — оружием.

Две спортивные сумки, вмещавшие целый арсенал, кочевали от Чурилова к его приятелю Г., перепрятавшему сумки у своей знакомой. О содержимом Г. был прекрасно осведомлен, поскольку оставил у себя в момент перепрятывания пистолет Марголина и наган. Помимо пистолета и нагана в арсенал входили популярные автоматы Калашникова, обрезы винтовки и охотничьих ружей, ручная осколочная граната, шнуры с электродетонаторами, взрывные устройства кустарного изготовления, взрывчатые вещества, расфасованные в бутылки из-под шампанского, и даже такая редкая вещь, как трассер для противотанковой управляемой ракеты.

Если бы они вешали Диму и топили Петра одним и тем же составом! Если бы ходили убивать и вымогать одной и той же командой! Тогда они осуждены были бы как бандиты. Однако в «тройках играющих» происходили регулярные замены. И еще были те, кто находился на периферии компании, участвовал с ними в делах, о которых нет в уголовном расследовании сведений, и кто знал о совершенных убийствах. Когда вешали Диму, с одним из таких «периферийных» персонажей состоялся телефонный разговор. Дима просил не добивать его. Айгин перехватил трубку — все, вопрос решен.

И еще был один человек — Митин, имевший отношение и к смерти, и к хранению оружия. Но он уже ничего никому не расскажет. Митин исчез в сентябре. У него были основания опасаться Зидина, которому недоплатил. Митин уехал к Чурилову, оставив жене записку, и доехал до квартиры Чурилова. Там его ждали Шмель, Зидин и хозяин дома. Свидетеля, привезшего сюда Митина, быстро заперли в сортире. А когда выпустили, Митина в квартире уже не было. И никто его больше не видел.

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

Посланничество*

Борис Литвак. Директор

Алла БОССАРТ

Московский профессор указал Борису Литваку, что потребление никотина следует сократить втрое, и образ жизни, батенька, надо менять. С куревом Боря, так и быть, ужаслся до пачки в день, а по поводу жизни возразил, что для этого нужен еще один человек. Чтобы соблюдал режим.

Вряд ли у Бориса Давидовича в ближайшем будущем прибавится здоровья: с учетом возраста и того, что на Бога ему (как и мне) рассчитывать особенно не приходится.

Атеист, футболист, депутат горсовета, заслуженный тренер Украины, директор школы, в прошлом — член партии Литвак — тоже, конечно, выдвигенец пролетариата. Ему тоже не довелось нормально доучиться в школе, правда, по другим причинам.

Смотрите. Ни возраст, ни мировоззрение, ни биография, ни характер, ни прочие личные обстоятельства общей собачьей жизни не сбивают с курса судно, самостоятельно бегущее по волнам к Земле Самовыражения, куда стекаются мужские экипажи, чтобы закладывать фундамент, возводить стены, настилать полы и крепить стропила. Особенно, когда корабль, как удачно сформулировано в песне Но-

веллы Матвеевой, сам себя построил и спустил со ступеней, когда он сам свой боцман, свой лоцман и свой капитан — ну, в общем, наш случай. Хотя в своей байке о том, как он знакомился с основами иудаизма при помощи пособия «Осторожно, сионизм», Шая Гиссер сослался по обыкновению на Всевышнего: по его, мол, словам, если пророки не будут выполнять свою работу, за это возмущаются змеи и скорпионы. В смысле — всегда найдется, кому тебя правильно воспитать.

Змей и скорпионов хватало, надо думать, и за бортом Бориса Литвака — парохода, танка, школы, подъемного крана и перед сном — человека. Жизнь вообще кишит ядовитыми гадами, таково свойство серпентария, и не только бывшего советского. Не заметить эту фауну и не вступить с ней в контакт трудно. Но мало кто умеет извлечь из такого контакта пользу, выявить закономерность: чем хуже, тем лучше. Назовем это первым законом Литвака.

Он, кстати, не противоречит кодексу, с которым может свериться еврей во всех случаях жизни. Четыре раза просил Шая Гиссер у Ребе разрешения уехать из Одессы. На коленях умолял, писал ему кровавыми чернилами. И был ответ: «Пусть продолжается твое посланничество, и заслуга этого посланничества будет в его нужде и тяготах, и я буду вспоминать его в своих молитвах». Так судили мудрецы.

Как сказал бы Борис Литвак: «Бог — не фраер, Боречка, получи самую собачью работу и сиди ровно, если у тебя есть совесть».

О себе Боречка предпочитает — во втором или третьем лице, дружески. Видимо, в порядке небольшого поощрения. Видимо, компенсируя суровость трудного детства.

Значит, так. Война застала Боречку крепким одиннадцатилетним мужиком. Первым делом они с дружкой разоружили храпящих морячков — экспроприировали трофейный шмайссер и гранату и рванули на фронт. Развернули добровольцев, правда, у соседнего дома. Потом — оборона стремительно пустеющей Одессы. Как в кино: кони, мусор, мальчишки на крышах, разоренные голубятни, кружится нежный пух; выпав из дырявого кармана, гулко звякает в подворотне стреляная гильза. В конце сорок первого последним судном эвакуировался в Среднюю Азию.

Много позже, уже в мирное время, тот город рухнет от подземной аритмии. И опять со всей страны, как тридцать лет назад, приедут сюда люди. Строители. И построят они так много и так быстро, как раньше на нашей родине только разрушали. Больше такого не повторится на всей обширной территории страны. Уникальный случай, доказывающий, однако, что земляки наши — не безнадежны. Даже метро построили.

А до 44-го город был набит эвакуированными. И Боря работал слесарем в МТС. И метро никогда в жизни не видел. Потом за нашими войсками вернулся в Одессу — и пошел работать. Был сильно голодный и сильно гордый — рабочая хлебная карточка давала в этом отношении целый ряд преимуществ. Потом была Победа. Потом — Римма. Боречка все точил, сверлил, паял. Десятый класс заканчивал заочно, когда дочке Ирочке было уже четыре года. Потом заочный пединститут. Учитель физкультуры в техникуме. Через четырнадцать лет партия сказала: все, Боречка, погулял и — шабаш. Получи свою школу олимпийского резерва номер два и сиди ровно. И с тех пор Боречка не имеет ни дня ни ночи, хотя мог бы, за те же деньги, забивать пенальти в городе, где знают толк в футболе. И прославиться на всю Одессу. Что и состоялось — за те же деньги.

Теперь излагаю содержание идеи, которая за последние три года стала материальной силой, овладев Боречкой.

Посмотрела бы я, кстати, на такую материю, которая вздумала сопротивляться, оказавшись данной ему в ощущение. Хороша бы она была. Я как раз вскоре опишу такую объективную реальность. Вообще-то — ничего, что я так и сыплю марксистскими терминами? Дело в том, что у меня, как и у каждого советского

* Окончание. Начало в № 46

гражданина, обладавшего в студенчестве пытливым умом, была двойка по научному коммунизму. И теперь я хотела бы отыграться. Хотела бы поспорить с еврейскими мудрецами (Марксом, Лениным и, возможно, Троцким), которые отравили мне юность своими фантазиями о матери: что она, дескать, отображается нашими ощущениями и существует независимо от них. Не много же им встречалось настоящего крутых ребят. Весь этот революционный серпентарий, который только и знал, что бил себя в грудь и вывешивал на мостах и телеграфе лозунги: «Круче нас — только яйца!» — на деле занимался всю дорогу тем, что собирал Шалтая-Болтая, поскольку яйцо их любимого рабоче-крестьянского мироздания оказалось всмятку, если не сырым, и зародыш нового мира они дружными усилиями паскудно размазали по всей обширной территории нашей родины. А отскрести — Шае, да Боречке, да прочим операторам строительного блока коммунистов и беспартийных.

Идея такая.

Много лет, с рождения страны, детские спортивные школы отбирали лучших: самых высоких, самых здоровых, самых красивых детей, которые и без того готовы к жизни, — и лепили из них олимпийских чемпионов. Слабые и больные, конечно, остаются за бортом. Традиция почтенная, восходящая к Спарте, Дарвину и Тысячелетнему Рейху.

Легионы детей подвержены страху перед внешним миром, поскольку из-за болезни и общего нездоровья не чувствуют себя равными среди равных. Моральные издержки этой категории накапливались обществом, которое и мутировало в конце концов в злополучного уродца Цахеса.

Одной из школ, сорок без малого лет способствовавшей этому естественному отбору, была одесская школа олимпийского резерва № 2. И вот именно в этой школе родился проект огромного лечебно-спортивного комплекса для больных, слабых детей и детей-инвалидов. Как покаяться перед теми, о ком семьдесят лет старательно забывали, — и возвращение к жизни тех, о ком спохватились. Это будет место, где обиженные судьбой и Богом ребята с ущербным опорно-двигательным аппаратом, слабыми формами церебрального паралича и прочими недугами аутистеров научатся чувствовать себя равными среди равных.

Такова идея.

Перед смертью Ира — любимая дочка Литвака, стойкая и справедливая женщина, которой собственные страдания не только не застили чужих, но и высвечивали их, словно пограничным прожектором, — взяла с него слово, что он построит такую больницу. Сразу после Израиля, где по нерадивости глупой родни она так и не добра-

лась до отведенного ей места в знаменитом госпитале, — уже раздираемая метастазами, она таким вот нерядовым способом распорядилась как бы своим правом на последнее желание. Больше она уже не вставала.

— Как же теперь, — спрашивала я Шаю Гиссера, — когда ваш наставник умер, кто отпустит вас и ваши грехи, кто вообще как-то оценит ваши поступки?

— Не хочу быть высокопарным, но пока я живой — он не умер. Я — его посланник. Шалиах.

Боря Литвак — тоже посланник. Шалиах, связанный обетом. Пока он жив — жива и плоть от плоти его. Ибо сказали наши мудрецы: «Когда цадик умирает, он присутствует во всех мирах даже больше, чем при жизни». Хотя женщина и не может быть сыном. Алеша. И он не дает забыть деду о тех вексялях, по которым тот обязан заплатить за всех за нас — в счет нашего общего праведного долга обиженным детям.

Конечно, Борис Литвак работает не один — даже при его дикой витальности невозможно за два года в одиночку снести целый квартал, расселить 39 семей, запроектировать и почти подвести под крышу пятиэтажный дворец, в котором новейшая диагностика и спортивная педагогика уполномочены выправлять детские кости, нервную систему и душу, изуродованные Богом неизвестно за что.

Должна признаться, что стала атеистом, проведя один самый жуткий день общей собачьей жизни в интернате для детей-инвалидов: полиомиелит, церебральный паралич, маленькие человеческие обломки, искореженные корешки...

У Литвака не будет стационара, никакой изоляции от мира, факультативный курс: игра и радость, которую можно выжать и в этих условиях. Директор канатного завода Леонид Шемякин строит гостиницу, в которой будут жить с родителями иногородние дети. Профессор Резник, крупнейший одесский педиатр, следит за комплектованием аппаратуры. Проект медицинской части отдал — «как родным» — госпиталь Бурденко, проект здания за символическую оплату сделал Гипроград. Заместитель Литвака по строительству — бывший зам. командующего войсками округа. Борис Давидович брал его в расчете на то, что при аврале военные строители помогут. Вышел, однако, облом: бывшие начальники и подчиненные немедленно забыли коллегу. Зато не забыли военврачи, которые когда-то лечили его в госпитале. Нейрохирурги, терапевты, ортопеды высокой квалификации, многие готовы уволиться в запас и перейти к Литваку. Уже сейчас они бесплатно дают ему все специальные выкладки, характеристики аппаратуры, консультируют в части медицинской концепции. А персонал школы

— от уборщицы до директора плюс сам «олимпийский резерв» — на подхвате у строителей. «Квалифицированный каменщик должен класть кирпич. А убирать мусор и подносить раствор могут и чемпионы по баскетболу». Это еще не закон, так, мелкое замечание по ходу, но оно имеет отношение к третьему закону Литвака, который вытекает из второго.

Второй закон Литвака формулируется довольно длинно и звучит примерно так: «Нельзя спасать за деньги. Нельзя брать плату с голодных и больных за то, что ты их кормишь и лечишь. Но у тех, кто сыт и здоров, деньги брать можно и нужно».

— Здесь ни одной копейки ни один ребенок не уплатит. И в тот момент, когда врач заглянет больному в карман — он будет свободным художником на всю жизнь.

Почему же высококвалифицированные военные врачи готовы идти в эту странную фирму, которая, между прочим, строится городом и принадлежать будет городу, и гроши на нищенскую зарплату будут выделены из городского бюджета? А потому, что под диагностику, спортзал, игровые комнаты, лечение будут отведены верхние этажи комплекса. А первый этаж полностью отдается под коммерческие структуры: банки, туристические агентства и прочие мощные дела, которые и будут содержать всю эту мечту Вилли Старка! Ну а сам в каком-то смысле Вилли Старк — город-побратим Балтимор открыл у себя корпорацию, которая так и называется: Одесский детский реабилитационный центр. Правда, корпорация существует уже два года, и когда она придет один цент, как говорит Литвак, — я вас разбужу.

В конце года он снова едет туда — «бить посуду». Но убежден, что приведет американцев в чувство. Что корпорация начнет работать и будет существовать столько, сколько будет существовать Центр, — всю оставшуюся жизнь. Потому что — надо же надежно обеспечить ежедневное бесплатное лечение 600 детей!

Сказ о том, как воевода Госплан победил (был)

Было это, детушки, почитай, шесть лет назад, при царе Горохе. Рядом со школой олимпийского резерва номер два падал дом. Трухлявый такой домишко. Вот и стал школьный воевода Борис просить его у горсовета — чтобы, значит, снести и на этом месте построить еще одну школьную хоромину: с новой залой, банькой, общежитием и иным-прочим подворьем. Горсовет: берите, мол, не жалко.

Дал городской голова воеводе Борису два письма заветных: к двум заместителям министра транспортного строительства, поскольку числилась та школа за Одестранс-

Прибыл воевода во Москву, аккуратно перед самым Новым годом. Приходит в это Министерство. Сидят в приемной два помощника, пьяных со вчера, и на порог его не пускают. Ну, то, се, дунул, плюнул, позвонил по телефонному аппарату — пронырился.

Входит. Хоромы — что аэродром. По стенам — картинки великих строек: БАМ, метрополитены — жуть одна. Стоит старик, высокий и грозный, а может — умаялся шибко. Спрашивает воеводу как на духу: ты в плане есть? А Борис про план и слухом не слыхивал. А Новый год, примечайте, детушки, на носу. И смотрит старик этот страшный на воеводу, как на полного идиота, и говорит: а лечиться не пробовал? А то у меня дел очень много.

И сказал тогда воевода-богатырь, на Марка Бернеса в ноль похожий, голосом его убедительным и сипловатым, хотя и дрогнув маленько: я, говорит, ничего такого не понимаю. Но смотрю на ваши грандиозные стройки и думаю про свою спортшколу. Про резерв свой олимпийский. Коли, говорит, придет ко мне горбатый малец и попросится — я ему не откажу. Мы никому не отказываем. Возьмите и вы нас, как горбых, суньте куда-нибудь в щелочку между вашими великими стройками!

Объясняет ему боярин, теряя последнее терпение: вот если бы прошел ты Госплан Украины, да Госстрой Украины, да строчечкой махонькой попал бы в их цидулу, да мы эту строчечку согласимся ли еще перенести в план общегосударственный, который завтра, между прочим, окончательно верстаем, — то тогда... А так — и речи быть не может!

Звонит воевода по телефонному аппарату в Киев. В Украинский этот Госплан. И битый час в упрос просит, в улом уламывает могучую атаманшу внести его строчечкой махонькой в общую хохляцкую цидулу. Баба-атаман условия разные ставит, чтобы до завтра выполнил, — воевода все сделал, как велела. А назавтра сама приезжает. Во Москву. Борис — к ней. Баба руками разводит вот так: безнадега! Хохляцкое правительство говорит, вместо всех школ, домов и прочих глупостей велело строить мост в городе Запорожье. Стратегический объект. Так что все, воевода, мой тебе совет — возвращайся восвосяи.

Воротился воевода в Одессу, буйну голову повесил... И наутро, 29 декабря, спозаранку, обратно звонит по телефонному аппарату бабе этой чудесной в стольный град. Девять утра. А в одиннадцать — совещание это самое! Атаманша гневается, сетует ему по телефонному аппарату, что у ней несчастье покруче: не может, верите ли, детушки, не может она со своими писарями удалыми в Киев вылететь, домой, на

Новый год! Нету билетов в министерстве!

И — ну как пошел воевода, сидючи в Одессе, поднимать на ноги всю Москву! Бояр партийных, космонавтов безудержных, а особенно дружинничков своих, воевод спортивных.

И примечайте, детушки! 30 декабря утром бабе этой и двум ее писарям в постпредство привезли аж девять билетов на вечерний поезд!

И смлела тут атаманша могучая. И объявила в самых высочайших хоробах: гори огнем мост в городе Запорожье! Школу будем строить спортивную и Бога молить за тебя, Борис-воевода!

И слово свое атаманское сдержала. Вот такая могучая баба.

Вот такой упорчивый воевода.

Сила Литвака — конечно, в работоспособности, в гигантском обаянии, притягивающем к нему людей, в собственном даре восторгаться и обожать всех вокруг. Но и еще кое в чем. В несокрушимой уверенности, что он делает самое главное дело в мире и весь мир должен принимать в этом участие.

Балтимор. А как же? Город-побратим. Идея благородная. Страна нуждается. На Одессу дохнул Чернобыль. Горисполком? А как же! Я — депутат горсовета. Доложил о проблемах больных детей. Надо было быть последним идиотом или сволочью каждому депутату, чтобы эту идею не принять. Эрнст Неизвестный — ну а как же?! Проговорили три часа. Тем более он делает для Одессы Золотого мальчика — символ благоденствия, будет стоять в порту. А тут — больные дети. Проникся как художник. Взаялся оформить Центр.

Третий закон Литвака совсем прост и очень доходчив.

Вот он: «Люди должны помогать друг другу».

Никаких противоречий, согласитесь, с заповедью «помоги ближнему». Но порой возникают разночтения — кого считать ближним.

Борис Литвак и Шая Гиссер делают, в конечном счете, одно дело. Спасают душу и тело ближнего. Но у Шайи есть «порядок приоритетов: если будет голодным мой ребенок — я накормлю его. Если останется — накормлю других. Уж извините. Это мой ребенок. Моя семья. Мой народ». А Борис Литвак хочет накормить всех — ну и Алешу, конечно, в том числе.

Наверное, поэтому Ишай отказывается деятельности Бориса и множества других «просто добрых» людей — в духовности. Потому что их поступки не имеют отношения к работе на душу, к самовозвышению, к работе над собой. Если человек совершает доброе дело по свойству характера — это не духовный акт и в доброте его нет заслуги.

— Но это казуистика! — вскричала я в ответ.

— Простите, — возразил Шая. — Есть понятие Служения. Авраам был избран для своей миссии, потому что был безумно добр. Сама доброта. И если бы Бог сказал: раздай все — он бы раздал, с легкостью и радостью, и это не было бы для него испытанием. Бог же хотел испытать Авраама, испытать меру его духовной самоотдачи...

Для этого, как мы все помним (даже я со своим прославленным атеизмом), Бог повелел Аврааму убить любимого сына. Что тот с готовностью и принял за выполнение. И ангел, Божий посланник, остановил, помнитса, занесенную руку. Бог был удовлетворен.

Ну, в смерти детей некоторые из нас и так искушены. Борис Литвак прошел испытание. И выдержал. Правда, с ним Бог подстраховался — обеспечил результат. Видно, были сомнения, что духовность достигнет необходимой критической массы.

Посланичество Ишайи Гиссера — тяжелое испытание. Урок праведникам. О своей синагоге он говорит: «Я строю себе надгробный памятник».

Посланичество Бориса Литвака — работа по свойству характера. В ней не содержится ни урока, ни заслуги. Свою больницу он рассматривает просто как «реальное возвращение к жизни».

Я гойская женщина и, как можно заметить, атеистка, но хочу помочь Шая Гиссеру, чем могу, потому что мне больно видеть, как молодой человек изнуряет себя с Божьей помощью. Я публикую номер расчетного счета (рублевого) одесской религиозной еврейской общины, потому что по свойству характера Шая испытывает трудности в сборе средств, а ведь одесским евреям в самом деле нужна синагога, и кинотеатр имени лихого красного командира Григория Котовского проблемы не решает.

Вот он: р/с 700902 Коммерческий банк Порто Франко Одесса МФО 328180.

Борис Литвак Божьей помощи не заслужил, а в моей — не нуждается. С ним все в порядке.

Шая Гиссер объясняет это так: «Боря — старый волк. А я — молодой волчонок».

На правах публикатора вношу поправку. Небольшую.

Вот она: один просто молодой. А другой — просто ровно вдвое старше. И вдвое больше жил и учился в людях.

Не считите за плоскость. Хотя, конечно, как гойская женщина и так далее... Не берусь судить. Может, этот, что постарше, может, он в конце концов вдвое лучше научился их любить, людей-то.

А с другой стороны — запорожцы: так, что ли, виллавы и добираются?

Уважаемые дамы и господа!

Акционерное общество «STB Card» поздравляет Вас
с приобретением нашей пластиковой карточки!

Мы публикуем адреса и телефоны московских предприятий торговли и сервиса, принимающих к оплате STB Card. Но для начала немного о самой карточке. Получив STB Card, Вы автоматически открываете личный счет в банке, который выдал карточку. С помощью STB Card Вы сможете, не затрачивая серьезных усилий, перевести со своего счета деньги за покупку в магазине, или обед в ресторане, или турпоездку... И снять необходимую сумму наличными в отделениях (филиалах) банков или через круглосуточно работающие банкоматы.

STB Card лучше, чем деньги. Чем?

- Владельцу карточки не обязательно иметь при себе крупные суммы наличных денег;
- Вы сможете хранить деньги на счете в любой валюте;
- открыть несколько счетов на одну карточку или несколько карточек на один счет, как Вам удобнее;
- расплатиться по STB Card можно как в рублевых, так и в валютных точках торговли и сервиса, причем при оплате в валюте Ваши рубли конвертируются по курсу ММВБ на день покупки;
- пропажа карточки не является потерей денег.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ

М.«Каширская»
Тел. 323-65-10
10.00—19.00

EUROPEAN MEDICAL CENTRE

Грузинский пер., д.3, корп.2
М.«Белорусская»

SANA

Нижняя Первомайская ул.,
д.65
М.«Первомайская»
Тел. 464-12-54
10.00—20.00

АПИКОР

Молдавская ул., д.2, корп.3
М.«Кунцевская»
Тел. 444-42-18
10.00—19.00

АССИСТ-24

Пушкинская ул., д.7/5
М.«Театральная»
Тел. 229-65-36, круглосуточно

ГНС ИМПУЛЬС

Нижегородская ул., д.28
М.«Таганская»
Тел. 270-59-20,
8.00—19.30

ГОМЕОПАТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Энтузиастов ш., д.64/2
М.«Шоссе Энтузиастов»
Тел. 176-28-28
8.00—19.00

ГОРОДСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА № 38

Верхняя Красносельская ул.,
д.21
М.«Красносельская»
Тел. 261-30-22
9.00—18.00

ГОРОДСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА № 7

Б.Харитоньевский пер., д.6
М.«Тургеневская»
Тел. 261-30-22
9.00—18.00

ДЕТСКАЯ БОЛЬНИЦА МЖД

Плющева ул., д.15, корп.64
М.«Шоссе Энтузиастов»
Тел. 261-30-22
8.00—19.00

ДИНА-МЕДИКА

Каширское ш., д.44

ЗДРАВНИЦА

Турчанинов пер., д.1/2
М.«Парк культуры»
Тел. 167-04-97
9.00—16.00

Открытое ш., д.40

М.«Улица Подбельского»
Тел. 167-04-97
9.00—16.00

ИНТЕРМЕД-ТЕСТ

Б.Пироговская ул., д.6
М.«Кропоткинская»
Тел. 261-30-22
8.00—19.00

ИНФОРМСТРАХ

Маросейка ул., д.13, корп.2,
офис 1
М.«Китай-город»
Тел. 928-05-26
9.00—18.00

КОЛИНЗ

Суворовская ул., д.35
М.«Преображенская площадь»
Тел. 963-58-27
10.00—15.00

КООПЕРАТИВ

«УНИКУМ»
Чаплыгина ул., д.8, офис 13
М.«Тургеневская»
Тел. 925-85-51
9.00—18.00

ЛЕЧЕБНИЦА В ОЛИМПЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Мичуринский пр-т, д.25
М.«Юго-Западная»
Тел. 437-45-47
8.00—20.00

ЛЕЧЕБНО- ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «РИТМ»

Осипенко ул., д.72, корп.1
М.«Павелецкая»
Тел. 233-16-84
9.00—20.00

МЕДИКОЛ

Ленинский пр-т, д.8, корп.6
М.«Октябрьская»
Тел. 236-91-70
9.00—14.00

МЕДИТОН

Писцовая ул., д.10
М.«Савеловская»
Тел. 285-86-94
9.00—16.00

МЕДИЦИНА АСК

Ленинский пр-т, д.90
М.«Университет»
Тел. 133-84-13
9.00—19.00

МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

«БОНЭКС»

Лобачика ул., д.2, корп.2
М.«Красносельская»
Тел. 150-21-41
10.00—18.00

МЕДХЕЛП+

Варварка ул., д.3, офис 4
М.«Китай-город»
Тел. 298-35-12
9.00—18.00

МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

«ГИППОКРАТ»

Грузинский пер., д.3
М.«Белорусская»
Тел. 253-51-59
9.00—19.00

МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

«КОНКРИМ»

Ленинский пр-т, д.8, корп. 1а
М.«Октябрьская»
Тел. 236-91-69
9.00—16.00

МОСКОВСКИЙ ГОСПИТАЛЬ ГЛАВМОССТРОЯ

Мичуринский пр-т, д.56
М.«Университет»
Тел. 932-42-65
8.30—17.00

НИИ МЕДИЦИНЫ ТРУДА

Соколиной горы 9-я ул., д.12
М.«Электрозаводская»
Тел. 261-30-22
8.00—19.00

НИИ ПЕРИНАТОЛОГИИ, АКУШЕРСТВА И ГИНЕКОЛОГИИ

Опарина ул., д.4
М.«Юго-Западная»
Тел. 261-30-22
8.00—18.00

ПЕНТА-ЛЮКС

Хорошевское ш., д.80

М.«Полежаевская»

ПОЛИКЛИНИКА № 1 МО РАИ

Сретенский б-р, д.6/1

ПОЛИКЛИНИКА № 5

Даев пер., д.3
М.«Сухаревская»

ПОЛИКЛИНИКА МИНИСТЕРСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Орликов пер., д.1/11
М.«Комсомольская»
Тел. 261-30-22
8.00—19.00

ПРОМЕД

Грохольский пер., д.31
М.«Сухаревская»
Тел. 261-30-22
8.00—19.00

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ

«СТИНКО»

Кропоткинский пер., д.25а
М.«Парк культуры»
Тел. 201-48-00
10.00—18.00

ТИТАНИК

Петровские линии ул., д.1
М.«Театральная»

ТОО «ЖЕМЧУГ»

Свободы ул., д.19/1
М.«Тушинская»
Тел. 261-30-22
8.00—19.00

ЦЕНТР СЛУХА И РЕЧИ

Варварка ул., д.3
М.«Площадь Революции»
Тел. 298-36-29
8.30—19.00

ЦЕНТР ЭНДОХИРУРГИИ И ЛИТОТРИПСИИ

Энтузиастов ш., д.62
М.«Шоссе Энтузиастов»
Тел. 305-02-67
8.00—20.00

ЦНИИ СТОМАТОЛОГИИ

Тимура Фрунзе ул., д.16
М.«Парк культуры»

ЭКОМЕДИЦИНА

11-я Парковая ул., д.36а
М.«Первомайская»
Тел. 468-63-77
10.00—19.00

Отдых и здоровье в Салтыковке

Приехав однажды — Вы будете приезжать всегда

Многопрофильный подмосковный санаторий «Дружба» АО «Дружба-Медсервис», расположенный в 18 км от Москвы, в живописной лесопарковой зоне, предоставляет возможность по доступным ценам, за короткий срок восстановить свое здоровье.

Лечение традиционными и нетрадиционными методами проводит опытный медицинский персонал.

За дополнительную плату в санатории возможны консультации и лечение у ведущих специалистов и профессоров Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова.

Санаторий располагает современным арсеналом физиотерапевтического лечения:

ВОДОЛЕЧЕНИЕ

ГРЯЗЕЛЕЧЕНИЕ

ЭЛЕКТРОСВЕТОЛЕЧЕНИЕ

ИНГАЛЯТОРИЙ

ФИТОТЕРАПИЯ

КВЧ-ТЕРАПИЯ

ЛАЗЕРНАЯ ТЕРАПИЯ

КВАНТОВАЯ АУТОГЕМОТЕРАПИЯ

ИГЛОРЕФЛЕКСОТЕРАПИЯ

ЛЕЧЕБНЫЙ МАССАЖ

МАНУАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ

ДИАГНОСТИКА, ТЕСТИРОВАНИЕ

И ЛЕЧЕНИЕ ПО ФОЛЛЮ И ДР.

За время отдыха Вы также сможете решить все проблемы, связанные с лечением и протезированием зубов.

К Вашим услугам — зимний сад, киноконцертный зал, библиотека, сауны, бассейн с каскадным душем, лыжная база, кафе-бар, зал эмоциональной разгрузки, светомузыка, телевизионные залы, аптечный киоск.

Бесплатный телефон-автомат с Москвой — круглосуточно.

Путевки для лечения на 12 и 24 дня с проживанием в одно-двухместных номерах с туалетом и ванной приобретаются в санатории «Дружба».

По всем вопросам обращаться по адресу:

143970, Московская область, пос. Салтыковка-1, Вишняковское шоссе, дом № 135, санаторий «Дружба».

Проезд: с Курского вокзала до станции Никольское Горьковского направления, далее автобусом № 22 до остановки «Санаторий «Дружба».

Телефоны для справок: 521-76-88, 521-01-94

РЕКЛАМА

Пиво на Чистых прудах

Бульвар как зазеркалье русской действительности

Алексей ЕРОХИН

Остановись, сними язык с плеча, спрячься от раскаленного, распаленного мегаполиса у него под самым носом — как хоронятся под самой амбразурой дзота, в мертвой зоне, недоступной для обстрела, так на бульваре отсидишься, отлежишься (коль ноги уж не держат), отбродишься, в конце концов. Тайм-аут.

Тут отступает куда-то в сторону современность в наиболее гнусных ее проявлениях. Тут не встретишь ни толстозадых «красных пиджаков», ни их подручных — шкафов с бычьими шеями. Где-то далеко стрекочут «калаши» спецназовцев и гангстеров, стучат колесами составы с краденым вольфрамом, шумят толкучки и биржи. Не видать за деревьями ни офисов, ни иномарок, и лишь только давленные баночки из-под «Хольстена» и «Спрэй-

та» могут напомнить о том, что в России за последнее время что-то такое произошло этакое.

Бульвар — не зеркало действительности. Он — ее зазеркалье. Тут и впрямь пыльно, покойно и тихо, будто за зеркалом, и цветочек, привядший, безуханный, забытый, завалился с ранешних времен.

Вот только пестрый ларек на торце — да ты его уже миновал, затарившись впрок парой бутылков «Ячменного колоса». И все — ушел, слинял, смылся. Пикник на обочине.

Или просто так кажется?

Бульварное кольцо кольцом только придуривается — оно разомкнуто подковой, подковой счастья.

Важно только место выбрать правильно: Суворовский, допустим, засижен шумными тинейджерами, Тверской перенаселен, Цветной, бедолага, раздолбан, перекопан, заалкашен. Са-

мое милое дело — Чистопрудный, не доходя до собственно пруда: там уточки, покормить хочется, а хлеба с собой нет, вот и будет досада.

Подкормишь же пару тихих бабулечек посредством пустой посуды. Тут они какие-то особенно светлые, милые, вежливые и памятливые — здороваются, встретив на той же скамейке неделю спустя. «Сыночек, бутылочка свободная?» Сколько нынче надо собрать бутылок, чтобы хватило на батон? Потому и покупаешь сюда пиво «советское» — импортные-то посудины им без надобности. И печально думать, что вдруг, придя сюда на будущее лето, бабулек этих уже не увидишь...

Впрочем, на узкогорлые из-под «Белого медведя» и «баварские» пузатенькие клиент все же сыскался: хлипкий, легко носимый ветерком, в коротеньких и потертых, но опрятных

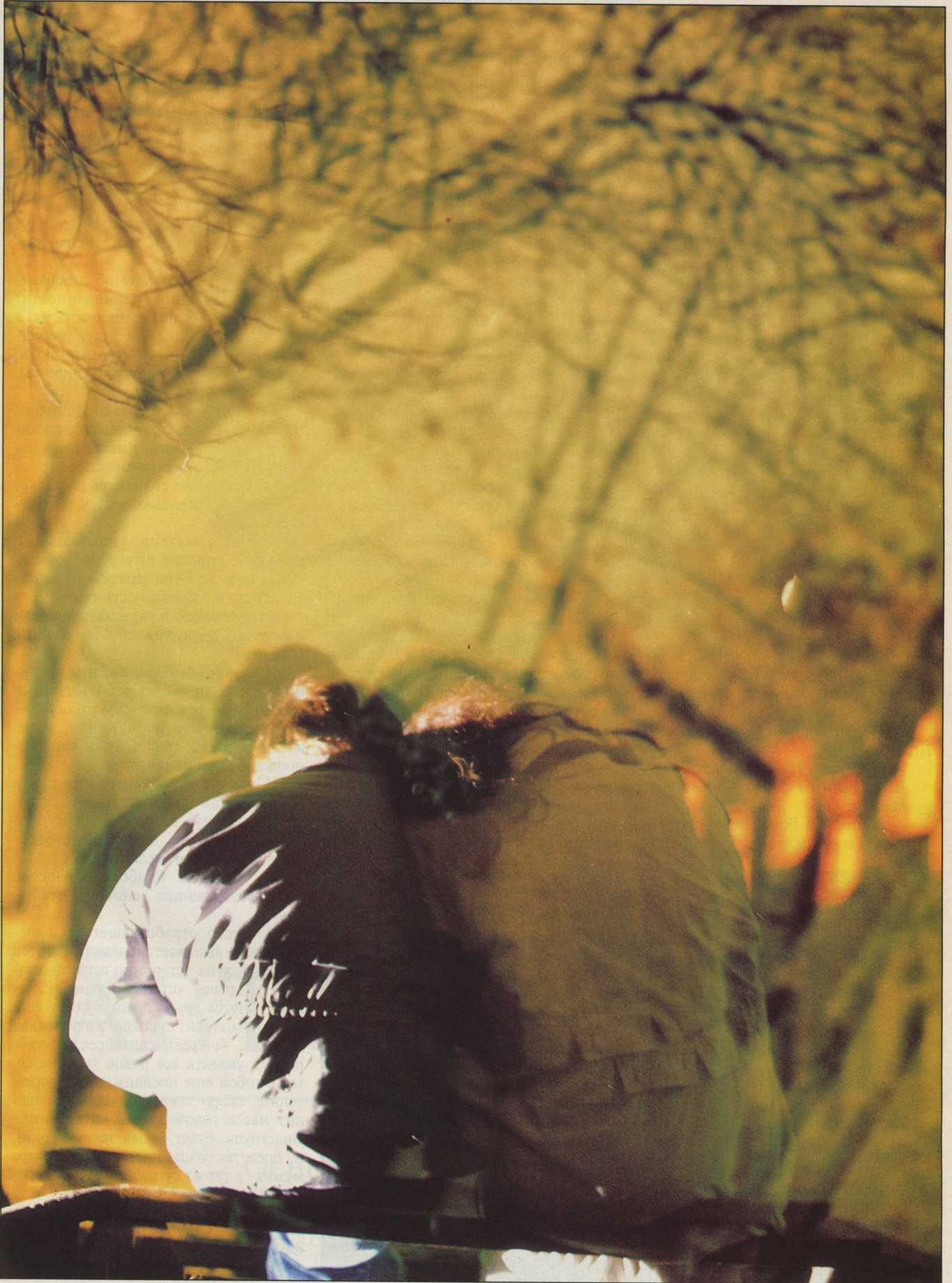
брючках, физиономия сосредоточена донельзя, как у физика-теоретика, да только колер носа выдает приоритеты. Неужто нарыл, где сбрызнуть этот ненашенский стеклянный мусор, — либо просто тренируется?

Что-то там такое за пределами бульвара все же произошло: иначе с чего бы это теперь вполне нормальные мужики — не доходяги, не ханьги — так извиняются за стрельнутую сигарету, так истово благодарят, прижимая руку к сердцу, будто ты оказал им неоценимую услугу?

И мусору полно, но нету «мусоров», и вольготно бражничают кругом задумчивые компашки, в коих немало служилого люда при галстучках: для них и столики с навесами имеются, есть где закусок разложить, и прятать ничего не надо — не заметут. Демократия, блин. Со странным представлением о национальной гордости великороссов как тут не проникнуться иронической снисходительностью к казовой заморской так называемой свободе, при которой нью-йоркские братья по разуму вынуждены свою виску паршивую посасывать украдкой, из захованных в бумажные пакеты бутылок? Срам да и только, господа американцы.

За удовольствие, однако, надо платить — и вот некий русский Антей уж

раз в четвертый пытается совладать с гравитацией, встает с травы, описывает изящную дугу — и вновь припадает со всего размаху к земле-матушке, дабы почерпнуть у нее сил. Бульвар к нему милостив, а шагни-ка отсюда на тротуары-мостовые — и «асфальтовая болезнь» обеспечена: специфические такие ссадины на морде лица, неохотно заживающие, — словно кастетом въехали. Бульвар же бьет мягко, по-дружески.

А на соседней скамейке трехнугая старушка начинает вдруг азартно голосить:

— Дура я, дура я, дура я, дура-я-дура-я-дура-я!..

Хватает ее минут на пять. Смолкает, аккуратно поправляет чуть сбившийся платочек, степенно оглядывается по сторонам — и, слава богу, идет восвояси.

А перед тобой вырастают два отрока слегка под мухой. О чем-то на ходу бурно спорили — и, видимо, возжелали найти третейского судью. С ходу, без предисловий:

— Вы в Бога верите?

Отвечаешь как есть — к чему душой кривить:

— Я агностик.

Интересно, что они подумали? Рты разинуты:

— Чтой-то?

Можно и послать в словарь подале, но надо же и об интеллигентской миссии помнить, да и ребята славные.

— Ну, это значит то-то и так-то. Понятно?

— Н-ну, да... Ну а в Бога-то?

В теологии ты слабак — надо выкручиваться:

— А что — в Бога? Бог — это как зеркало. Твое зеркало.

— То есть?

— Вот висит себе зеркало. Если в комнате никого нет — оно ровным счетом ничего не отражает, хотя кругом и шкаф, и стол, и прочее неодушевленное, незрячее. Таковы уж законы физики. Но вот вошел ты, взглянул в зеркало — и в нем появляется отражение. Можно даже увидеть себя. Отвернешься — фигурки: в зеркале опять пусто. Вот так, в общем, и Бог: если на него смотреть, если в него смотреться — он есть. Смотришься — и видишь свои недостатки.

— Ну а, к примеру, протестанты...

— Нэкст тайм, старички, я подружку жду.

— Нет проблем, командир.

Между тем надо ведь и отлучиться кое-куда. Аккуратное тут есть место под арочкой за символическую плату. Даже, кстати, с зеркалом (легко на помине). Тут же божм с помощью кипяильника варит в стеклянной банке супчик: прижился, уже второй месяц встречаешь. У тетки на контроле выставлен на продажу Войнович — «Москва 2042». Тетке скучно — что ж, предложи ей ввести льготные абонементы для постоянных клиентов на посещение сего весьма богоугодного заведения. Улыбнется.

Тем временем «твою» лавочку уже оккупировала замызганная троица в предпоследней стадии несвежести. Дабы не подцепить каких-нибудь невиданных зверушек, сядь подале, на краешек. Расклад у них такой: самую зачуханную и оборванную бабенку с лиловым фингалом посылают к метро с картоночкой в ладонь: «прошу помочь больному ребенку» или что-то в этом роде. Та то и дело возвращается несолоно хлебавши, ее го-

нят обратно матюгами. Уф-ф, слиняли наконец.

Новый персонаж подваливает: черная «косуха», ботва до лопаток вороновыми крыльями, котенок на плече. Обращается как к хорошо знакомому:

— Ты Хухрика не видел?

Что еще за Хухрик такой? Ответь предельно честно:

— Да вроде нет.

— Увидишь — скажи: Индеец тут проходил. Да, кстати, как котенка называть? Присоветуй.

Что вы там толкуете об озлобленности, отчуждении, разобщенности? Присаживайтесь на бульваре хоть раз в неделку на часок. Вам будут приветливо подмигивать незнакомые люди, улыбаться собаки и девушки. Впрочем, проще приходите со своей.

Усталый метростроевец подсядет, расскажет с болью, как сына отсуживал у жены-пьянчуги, живет теперь пацан у бабки, — и страшно спросит:

— Ну как мне его теперь растить?

Конечно, страшно: ведь у тебя ответа нет.

Девушка с глазами, уплывающими за виски, спросит штуку на кофеек, хоть видно же — на «травку» не хватает, всучит в благодарность темные очки, которые можно разломать пополам и поделить со спутницей — на память, если что.

И симпатяга Юра, коллега по кинокритике, подойдет с большущими лыжами наперевес почему-то, поинтересуется, отчего не в Канне, — да жизнь-то здесь, старик, а там одна киношка, бульвары там не те.

И юная парочка попросит пивка оставить (там два глотка), тут же радужно потянув из сумки дорожную литровую бутылку джина: хоть откажись, а счастья пожелают.

И чугунный Грибоедов ласково прищурится из-под ленноновских очков.

Из густо отработавшего «Современника» выливается нехилый поток публики, луна осторожно вскарабкивается на крышу, огоньки наших «кэмелов» тычутся друг в друга, будто и они озябли, холодит пальцы жигулевская бутылка, вечереет, сентябреет, октябреет, а уходить все равно не хочется, мы с тобой еще посидим, на коленках теплее, скоро зима, снег пойдет, завалит нас с головой, как на картинке Бидструпа, будет белый такой курган, и, представляешь, идет мимо в январе мужик, а тут из сугроба рука с сигаретой высовывается:

— Огоньку не найдется?

Фото Сергея Воронина («PRIMUS»)

Финансовой
столице
Поволжья –
шесть лет!

АВТОВАЗБАНК

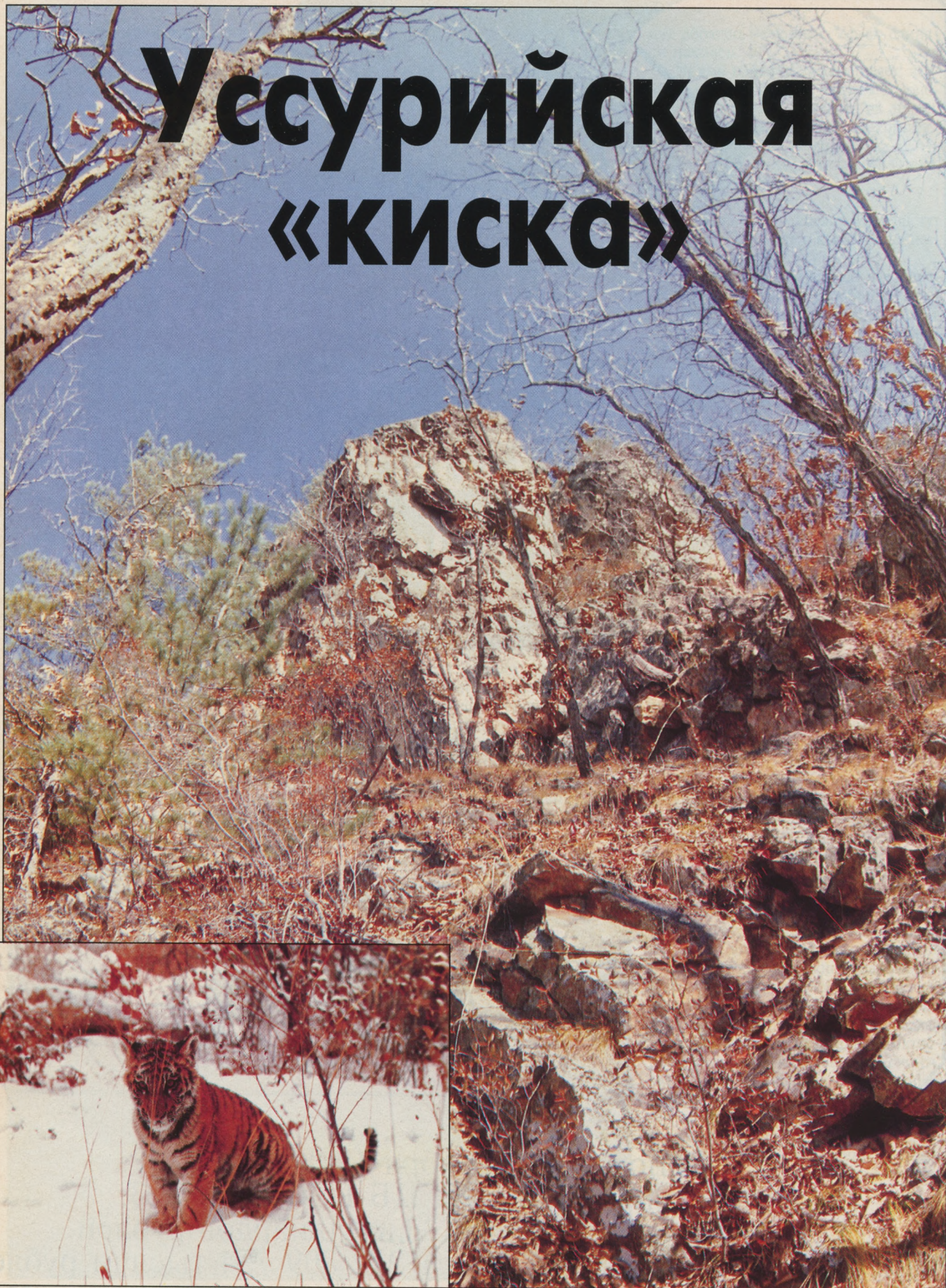
Основан 14 октября 1988 года.

Генеральная лицензия ЦБ РСФСР № 23.

Уставный капитал более 33 миллиардов рублей.

Размер активов на 1 октября – 1 272 809 754 тысячи рублей.

Уссурийская «Киска»

Ищу тебя, полосатый

Вот так петля намертво захлестывает лапу хищника

Вадим КАНТОР

Его выслеживали с воздуха уже не первый час. Оператор внимательно вслушивался в мерные щелчки, раздававшиеся в наушниках, стараясь по их громкости как можно точнее определить направление и расстояние до «объекта». Чем отчетливее становились удары «метронома», тем напряженнее члены группы всматривались в расстилавшуюся под ними заснеженную тайгу. Судя по интенсивности сигналов, их источник был уже где-то совсем рядом, но ни его самого, ни следов на снегу видно не было.

...Массивный рыже-черный силуэт неожиданно возник там, где его никак не ожидали увидеть, — на вершине старого высохшего дерева. Вертолет спустился на предельно малую высоту и завис, едва не задевая верхушек деревьев. Обнимая лапами толстый сук, на дереве флегматично возлежал... тигр. Вертолет ему казался большой назойливой мухой, нарушающей своим стрекотом послеобеденный покой. Поняв, что так просто от нее не отмахнуться, хищник по-кошачьи мягко свалился с высоты и неторопливо побегал, проваливаясь по брюхо в снег.

А вертолет, набрав высоту, пошел на поиск следующей «радиомишени».

Устойчивые стереотипы до сих пор связывают Россию почему-то исключительно с медведями, а тигры

Белый дальневосточный журавль поселился на кордоне заповедника

напоминают лишь об индийских джунглях да Кипплинговом Шерхане. А между тем Россия если уж не «родина слонов», то уж точно родина самых больших на Земле кошек — уссурийских тигров. Живут они здесь с незапамятных времен, обжив некогда немалые территории до Китая и Кореи. Но в Китае и Маньчжурии его практически перебили, и чуткий к геополитике зверь встречается сейчас почти исключительно в Уссурийской тайге: в Сихотэ-Алинском и Лазовском заповедниках. В Сихотэ-Алинском, например, сейчас обретается порядка двух десятков взрослых особей, а сколько же их всего, пожалуй, не ответит никто. Ведь тигр, как и всякая кошка, любит «гулять сам по себе». Например, один из полосатых подопечных — Коля (а в заповеднике большинство тигров имеют свои имена) — уходит порой на 100—120 км.

А слежение за тиграми при помощи пеленгатора и специального радиоошейника стало возможно лишь с недавних пор. Специалисты из американского Института охраны дикой природы, финансирующего проект мониторинга тигров, научили наших биологов этой несложной, но требующей специального снаряжения технологии. До этого перед-

вижения тигра можно было проследить лишь зимой — по следам на снегу. Но, чтобы повесить на него ошейник с передатчиком, тигра надо сначала поймать в хитроумную ловушку, усыпить из специального ружья, стреляющего шприцами с транквилизатором, а потом уже и радиофицировать, попутно взвесив, обмерив, взяв анализы крови и тканей. Такой «меченый» тигр в течение двух лет будет денно и нощно давать о себе знать, причем передатчик сконструирован так хитро, что по характеру сигнала можно понять — лежит зверь или идет.

Биологи заповедника о повадках тигра могут сказать кратко: «Кошка она и есть кошка. Даром что трехметровая». Весят отдельные особи до 350 кг и могут за один присест съесть несколько десятков килограммов мяса. Эта киска «Вискасу» явно предпочитает изюбря, оленину или кабана. Иногда завалит подгулявшую корову или козу, чем немало сердит жителей поселка, в большинстве своем не питающих к «краснокнижным» хищникам большой любви. На людей нападает редко — чит. Но браконьеров не любит и потому делает для них исключение. Последний раз — минувшей зимой: от одного из них остались лишь ружье да сапоги. Такое, впрочем, случается редко. Вообще же, за последние 30 лет тигр лишь трижды неспровоцированно напал на человека, в большинстве же случаев его агрессия — это ответ на выстрел или угрозу для детенышей. Кстати, детей защитить может толь-

Утро России

Когда тигру хочется соленьенького — он приходит к берегу моря

ко мать — чувство отцовства незнакомо тиграм настолько, что папаша может даже придавить тигренка. В отличие от львов, живущих семьями, тигр, сделав свое дело, идет дальше гулять по тайге — эдакий производитель, не знающий семейных уз.

Говорят, тигров стало больше. В прошлом году даже таможенники подивились, настолько часто контрабандой пытались вывезти шкуры. Но опасность их исчезновения не стала меньше. Уже дважды в этом столетии они пропадали из Приморья. Сейчас их популяция близка к необходимой для выживания вида. И если человек не сделает для этого всего необходимого, то мы рискуем потерять одного из самых красивых животных планеты.

Фото автора и РИА—Новости

Уик-энд в Монреале

В отличие от запыленной Москвы в Монреале все спокойненько, не нужно нервничать, и тот, кто там уже не раз бывал, все знакомое найдет на своих местах.

Словно там не бывает ни финансовых крахов, ни политических баталий, ни даже самой смерти. Все на месте. Те же здания. Те же вывески. То же такси на углу. Те же люди. Знакомые. И незнакомые, но все равно знакомые, потому что и они — на своих местах.

Словно не прошел целый год.

Валерий КИЧИН

Мудрый кот и политика

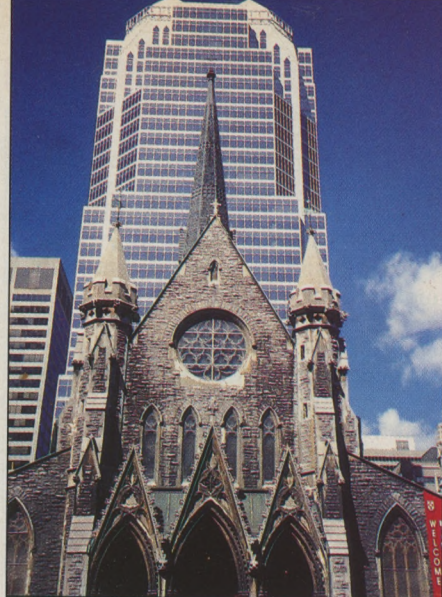
Все так же возле супермаркета играет на аккордеоне старик, розовощекий и живописный, как Санта-Клаус, — зарабатывает свои центы. А вот и старуха — говорят, русская по происхождению, она постоянно живет возле забора, замотанная в тряпки, в картонных коробках, которых во множестве натащила отовсюду. Живет в толпе, среди шагающих ног, невозмутима и загадочна, и видит, кажется, только чужие ботинки да надраенный до блеска тротуар, никогда не поднимая глаз выше. Она здесь привычна, как мусорная урна, ее никто не замечает, и даже приветливые черно-бурые канадские белки, идущие на любой зов, избегают эту женщину. Она живет словно в другом пространстве, нелюдимая и отчужденная, как горьковская Изергиль.

В нашу прошлогоднюю встречу она обедала, выгребая ложкой из котелка какое-то варево. Теперь спит, чуть похрапывая. И опять не удалось познакомиться...

Это, выражаясь милицейским стилем, бомж. Из породы маргиналов, людей с обочины. Им просто нравится такая жизнь, объясняют мне канадцы, это их выбор. Потому что есть пособие по безработице, и можно было бы существовать небогато, но безбедно.

А вот нечто новое для благополучной Канады: инженер-очкарик. Просит поделиться мелочью — голоден. На груди табличка подтверждает: инженер. Вот пробежал студенческого вида парень-рикша, остановился: подвезти? Рикш явно больше, чем пассажиров.

В России нищий непременно

Джон и Мэджик

Саксофон с улицы Сент-Катрин

выставит напоказ свою убогость, свою язву, свою обнаженную культу. Здесь нищие — гордые. Они одеты чисто и с обдуманной живописностью, их манера артистична, у каждого свои фирменные «приколы»: они доставляют вам некое художественное впечатление, а за впечатление надо платить. Это уже не нищенство. Это — работа. Как у того совершенно профессионального саксофониста, ловко балансирующего на ходулях, — он развлекает толпу у фешенебельного универмага «Бэй», в ритме знаменитого шлягера «Sunny Side of the Street» попеременно задирая, на манер Надежды Павловой, то одну, то другую ходюлю куда-то на высоту третьего этажа — артист, виртуоз, мастер.

С ума сойти! — знакомый кот. Я же помню его по встрече двухлетней давности. Он так же шурился на прохожих из лукошка, заботливо устланного мягкой рогожкой, а хозяин сидел рядом, на тротуаре, закрыв лицо руками, и фигура его излучала полную безнадегу. Табличка у ног взывала: помогите нам обоим. Сердце разрывалось на части, и я положил возле кота-попрошайки постный канадский доллар. Кот прищурился еще больше, в зеленых глазах мелькнуло что-то вроде сочувствия наивному сентиментальному русскому — зверь был толст и ухожен и ел явно больше, чем можно было предположить.

Теперь зверь спал, свернувшись клубочком, хозяин нежно его поглаживал по лоснящейся шубке,

сердобольные прохожие охотно вступали в беседу, присев на корточки прямо перед сияющей витриной Армани, тоже гладили кота и за это ни с чем не сравнимое удовольствие платили.

— Привет, — сказал и я обоим. — А ведь мы давно знакомы!

Человек не удивился. Наверное, привык к фамильярности прохожих, и ответ — приветливо-корректный, без заметного желания разжалобить и полный достоинства — как бы входил в положенный сервис.

— Спит! — кивнул я на кота, и это получилось так, будто я уличил животное в пренебрежении его профессиональными обязанностями. Хозяин печально-мудро посмотрел на меня и сообщил тоном зоопаркового гида:

— Он спит восемнадцать часов в сутки. Это Мэджик, кот магический и загадочный, он — все, что у меня есть.

— Можно погладить?

— Пожалуйста, сэр.

— Толстый какой...

— Он меня кормит, и я стараюсь, чтобы ему было хорошо.

Хозяина звали Джон, по его словам, он радиомеханик, но давно уже без работы и без надежды ее получить:

— У меня были проблемы в юности. Знаете, попал в плохую компанию и все такое. Потом,

когда вышел на свободу, устроиться уже не смог. А теперь и вовсе не получится: здесь — Квебек, англофонов на работу не берут.

Это было эхо давней вялотекущей войны, которую ведет франкоязычная канадская провинция со всем английским и заодно — американским. Местные политики из набирающей популярность Партии Квебека вообще зовут к полному отделению от Канады и в воспаленном своем воображении видят Квебек самостоятельной могучей страной, где процветает культура исключительно французская (Трюдо по этому поводу сказал язвительно: кожа хочет стать независимой от ребенка. Летальный исход, мол, обеспечен).

В сентябре сепаратисты победили на выборах, с сухим счетом разгромив правящих либералов, вялотекущая война перешла в активную фазу, и газеты уже прогнозируют грядущие экономические и социальные потрясения, ожидающие страну в том случае, если «безумство храбрых» будет поддержано всенародным референдумом 1995 года.

— It's madness! — сказал хозяин кота Джон. Безумие — других мнений я в Канаде не слышал, ни в каких слоях местного общества. Но Партия Квебека идет к власти семимильными шагами, и сепаратистские тенденции набирают силу. По-видимому, отдельные мнения, собравшись воедино, каким-то мистическим образом переплавляются в действия, прямо проти-

В супермаркеты ходят как в театр, парк и кафе одновременно

Монреаль считает себя полпредом Франции в Америке. У подъезда Нотр-Дам

воположные по смыслу и вектору, — вечная загадка толпы и надежный рычаг, которым стремится овладеть каждый политик.

Дворцы на час

— It's madness! — сказала пышная блондинка с ярко разрисованным, как у индейца в национальный праздник, лицом — последний писк моды: панкуют нынче все — от младенцев до старцев, шеголяющих к тому же в обтянутых кожаных штанах и жилетах на босу грудь (впрочем, это, может быть, уже из жизни секс-меньшинств). Блондинка еще некоторое время крыла местных политиков, которые щедры на обещания только в эрогенную пору восхождения к власти. А потом счастливо зажмурилась от солнца:

— Да Бог с ними. Осень-то какая!

Осень в Монреале всегда феноменальна. Солнце заливает прощальным светом голубое поднебесное стекло небоскребов, и наивно аляповатую роспись старых брандмауэров, и зеленый с золотом убор парков. И горожане спешат ис-

пользовать каждый миг уик-энда для того, чтобы насладиться своим спокойным городом и вволю погулять с детьми. Да они и сами не прочь стать детьми — вот ведь сколько солидных людей с уморительно серьезным видом возятся в огромной песочнице, устроенной муниципальными властями в парке Лафонтен. Трудолобиво возводят дворцы и замки, поливают шоколадный песок пустынь водой из шлангов и пульверизаторов — чтобы лучше лепился. Идет общегородской конкурс на самую фантастическую архитектурную фантазию из самого непрочного в мире материала.

Никто никуда не спешит. Главное субботнее развлечение — солнце и шоппинг. С утра пораньше на горбатой улочке Сен-Дени хозяйка дешевых лавок выкатывают на тротуар столики и вываливают на них свои богатства — хозяйственную утварь, сковородки разные, часы, тарелки, долларовые джинсы, тишотки, свитеры, компакт-диски... Это скорее экзотика, чем серьезный бизнес, сюда идут посмотреть, порыться в завалах, как

роются в развалах парижских букинистов. Старик-еврей каким-то деспотичным чувством тут же распознает в нас людей из России:

— Русские? Идите, идите сюда, у меня все есть. Что вы хотите? Джинсы? Кожаную куртку хотите? У меня есть дешевые. Вот видите, специально для вас.

— Она же рваная!

— А что вы хотите? — внезапно обижается старик. — Всего за двадцать долларов, да еще чтоб целая?

Психология и акцент одесского толчка в полном составе перекочевали на другую сторону шарика, ничуть не изменившись. Вопреки поговорке, отечественный наш сервис, будучи импортированным, становится не только предельно назойливым, но прямо-таки прилипчивым, от него бежишь, чертыхаясь, отплевываясь и удивляясь тому, что, даже обжившись в Канаде, наши люди ухитряются сохранить всю живописность родных нравов:

— Цилия! Ты представляешь, он не хочет брать куртку! Совсем заелись...

В грандиозных монреальских универмагах все иначе. Здесь пах-

В парке Лафонтен все впадают в детство

нет хорошими духами и респектабельностью. Здесь бьют подсвеченные фонтаны, шелестят эскалаторы и журчат тихие разговоры в бесчисленных кафе.

Такое ощущение, что сюда ходят не покупать, а — отдохнуть. Провести время. Как в парк, ресторан, театр и картинную галерею одновременно.

Привычных нам толп здесь нет. Просторно. Бродишь в одиночестве среди магнитофонов и велосипедов, спортивных тренажеров и плюшевых зайцев, «адидасов» и «версачи», зеленых крокодилчиков «лакосты» и магнетически влекущих экранов «денди», гигантских холодильников и СВЧ-печек, белоснежных кресел «для вашего сада» и совершенно застеленных, розовых, пушистых, вполне готовых к употреблению, зовущих к исполнению супружеского долга пятиспальных кроватей...

Пока не одуреешь совершенно.

Для советского сознания это — давно замечено — испытание непосильное. Мы привыкли: выбросили — надо брать. Теперь учимся искусству выбора. Выбираем пока, конечно, пепси. Может, однажды повзрослеем...

Сады Семирамиды

Монреальский Биодом — несомненно, одно из чудес света. Сначала здесь был парк, затем к небесам вознеслись фантастичес-

кие по тем временам сооружения очередной Олимпиады, потом олимпийские страсти отбушевали и встал вопрос: как использовать все эти никому более не нужные спортивные залы.

Эта проблема неизменно встает перед всеми городами, из соображений престижа готовых на самые безумные затраты, чтобы на две недели прослыть столицей мирового спорта. В Монреале ее решили наиболее радикальным образом.

Циклопический черепахоподобный велотрек переоборудовали под приют для сотен тысяч растений и животных — к 350-летию Монреаля, в июне 92-го на месте, где шли банальные велогонки, возникла уникальная искусственная экосистема, не имеющая аналогов в мире.

Биодом построили в кратчайшие сроки, со всеми его ущельями, озерами, пещерами, лесными долинами, скалами, водопадами и островами. С тропической жарой и полярной стужей. С царствами подводным и надводным. С холодными айсбергами и уютными хатками бобров. Со всем, что существует только в природе, потаенно для глаз людских, и от этого — ощущение чуда, сопровождающее вас в пути.

Это не зоопарк, хотя в Биодоме живут крокодилы и обезьяны, пугаи и рыси, летучие мыши, пингвины и удавы. Это не аквариум, хотя тысячи рыб, речных, озерных

и морских чудищ, от неповоротливых, похожих на Тараса Бульбу, сомов и тугих, как ракета, лососей до юрких кроважидных пираний, изящных морских звезд и коварных ядовитых лягушек населяют открытый всем взорам подводный мир Биодома. Это не ботанический сад, хотя гибкие лианы тропических джунглей то и дело касаются вашего плеча и душистый аромат неведомых цветов поднимается откуда-то из туманной, полной испарений долины.

Это — экосистема. Жизнь естественная, способная к самопроизводству и саморегуляции. Здесь рождаются, любят, воспитывают потомство и умирают. Осенний лес сбрасывает листву. Диковинные бабочки опыляют невиданные растения. День сменяется ночью, лето — зимой. Ночью температура падает, днем становится тепло, а в тропиках — невыносимо жарко и влажно.

Этот мир переменчив. Люди собрали в пространстве Биодома совершенную технику, позволившую воспроизвести все условия (температура, влажность, освещение) четырех климатических зон земного шара. И посетители, выходя коротким коридором из зноя тропического леса прямоком в прохладную пойму реки Святого Лаврентия, должны немного постоять на нейтральной территории — акклиматизироваться.

От перепада температур запотевают объективы фотокамер. От близости живой природы теплеет на душе. Сюда приходят целыми семьями, сюда приезжают со всего мира — два с половиной миллиона посетителей прошли за два года по его извилистым тропам, став чуточку умнее и добрее.

Вечер. Недолгое осеннее солнце мгновенно сваливается за частокол небоскребов, улица Сент-Катрин вспыхивает рекламами ночных клубов и стриптиз-шоу. На смену здоровому семейному образу жизни монреальского уик-энда приходит полная соблазнов порочная монреальская ночь. Не случайно за этим городом укрепилась репутация самого веселого мегаполиса Канады. «Маленький Париж», — гордо говорят монреальцы, особенно упирая, конечно, на второе слово.

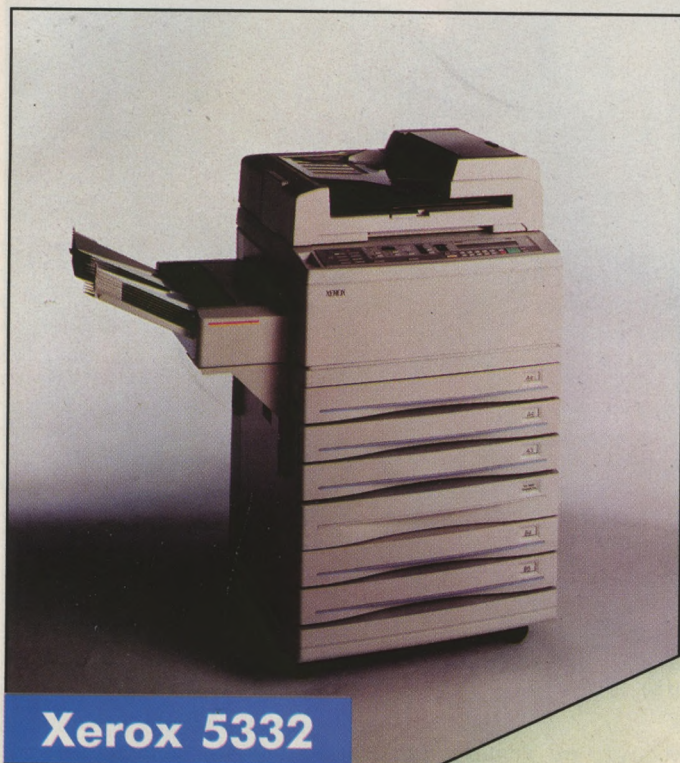
Не такой уж маленький. И не такой уж Париж. Это Монреаль, тем и интересен.

Фото автора

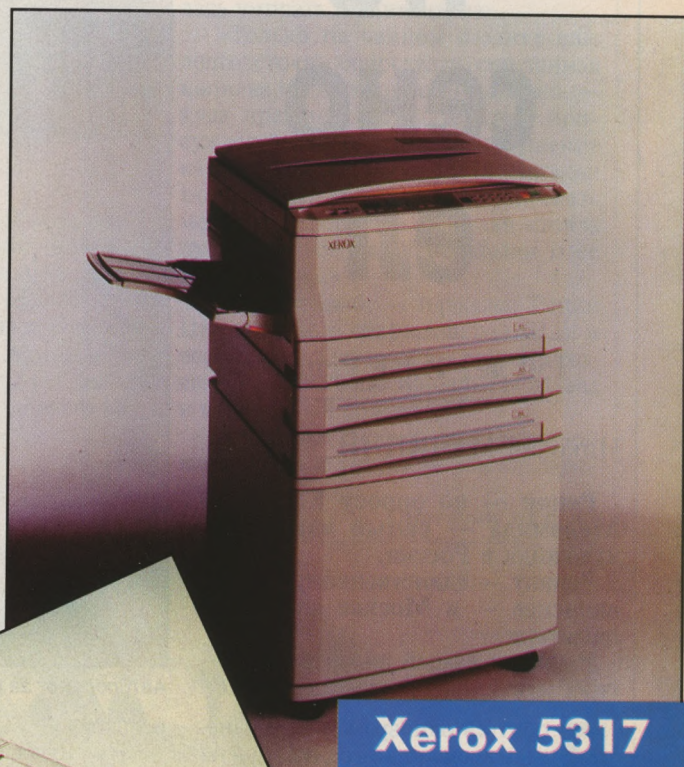
КОПИРОВАЛЬНЫЕ МАШИНЫ, ОТВЕЧАЮЩИЕ ВАШИМ ПОТРЕБНОСТЯМ

Наши копировальные машины, простые в обращении, бесшумные в работе и безвредные для окружающей среды, создадут Вам максимум удобств и сделают работу просто удовольствием. В этом Вы можете быть уверены, сотрудничая с компанией, имеющей почти 30-летний опыт продажи высококачественного офисного оборудования в СНГ.

По вопросам покупки и обслуживания машин Xerox обращайтесь к ближайшему Уполномоченному дилеру фирмы **RANK XEROX**

Xerox 5332

Xerox 5317

Xerox 5220

Уполномоченные
дилеры Rank
Xerox в Москве:
Фан: 943-6216
АДФ: 299-4675
Мегалит: 111-7719
А1.ТИС: 928-4831
Лампорт: 125-1101
Инвен: 962-9104
Ками: 278-9412
Линко: 292-7985
Ранибо: 203-0407
Атлас: 928-320
Авалон: 143-8786

Уполномоченные
дилеры Rank Xerox в
Москве:
РВК: 924-7986
Майкросэйдж:
316-8742
Глобал:
245-8789
Балчуг: 124-4938
Интерюнити:
318-5113
М.Т.Т.: 492-0301
Лизинг Бизнес: 128-9590
Контракт-М: 286-0538
Модитар: 292-3612
Вега-С: 127-9005
Альфа: 229-6034

Xerox
The Document Company

Тот самый, что сено ел

150 лет Илье Репину

Николай МАЛИНИН

Репин — по опросу Комара и Меламида — самый известный художник в России.

Репину — единственному из живописцев — в Москве поставлен памятник.

Репин — самый дорогой из русских мастеров на мировом рынке.

Добиться одновременно признания всенародного, официального и коммерческого — едва ли кому так удавалось.

За одно творчество так не любят. Так любят — за жизнь. А в жизни Репин был силен. «Не только мастер замечательной живописи, — писал Корней Чуковский, — но и мастер замечательной жизни».

Жизнь себе нарисовал такую, что живопись на ее фоне блекла. Вегетарианством настолько прославился, что Чуковский своими ушами слышал, как, узнав о смерти Репина, одна профессорская вдова сказала другой:

— Тот самый, что сено ел.

Что же касается творчества, Репин — наверное, единственный, чей гений всерьез сомнению не подвергался.

Ну, Бенуа считал его гений «сырым», а талант — «не до конца соз-

Автопортрет за работой. 1915 г.

ревшим».

Ну, Врубель рубанул, что Репин «рисовать не умеет».

Ну, Набоков обмолвился: «Бездарный».

Но даже Розанов, клеймивший личность Репина «ложной, притворной и невыносимой», признал: «А гений».

С этим соглашались все. Кроме... самого Ильи Ефимыча, ловкого и блистательного мастера антирекламы.

Поленову писал: «Тебе ведь известна моя бездарность»; Чуковскому: «Сам я был в числе не признающих за собой таланта»; Жиркевичу: «Вы сами расхохотались бы, увидев мою заурядную фигуру, вскарабкавшуюся так высоко...»

Сколько же надо иметь уверенности в себе — чтобы так себя порочить!

И сколько надо неуверенности, чтобы так поносить других... Бенуа

— «недоносок», Ларош — «вошь», Философов — «филосошка, сошка куриная, головка на ходулях», Сытин — «бездарность, хам, борода, сапоги бутылками»...

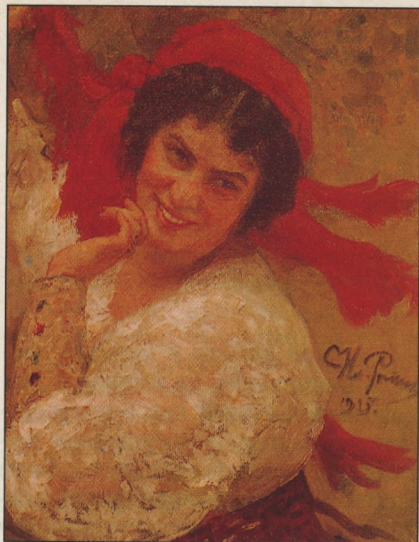
И еще интеллигентно кривился: «Да, Дягилеву не дал Бог такта»...

Зато как хвалил!

Ге — «необыкновенный талант», Васильев — «феноменальный юноша», Куинджи — «чародей», Бродский — «современный Рафаэль», Персанов — «редкий и сильный талант»...

Чуковский только диву дается, как Репин превозносит бездарей и пошляков. А страницей ниже — заверяет, что художник был всегда и во всем абсолютно искренен.

Остается только сделать вывод: вкус у Репина был неважный. А сделал — удивиться: как человек с неважным вкусом оказался таким важным живописцем?

Портрет А.Л. Андреевой — Шкилодэнь. 1915 г.

«Красота — дело вкусов, — напустил туману художник, — для меня она вся в правде». А правда та — на кончике кисти, а кисть его была «правдивее его самого». Самый известный пример: вознамылившись написать Николая Ге таким, каким тот был прежде (страстным и восторженным), изобразил совсем иное: «...передо мной сидел мрачный, разочарованный, разбитый нравственно

Портрет Е.Н. Званцевой 1889 г.

пессимист». Кисть не дала соврать.

И даже жена — спящая, обнаженная, танцующая — одинаково чудовищна и безобразна. Мелькнув в красках, искренность вылупилась наружу сразу после смерти Натальи Борисовны Нордман: Репин тут же упразднил введенное ею вегетарианство, разрешил гостям садиться кто где хочет (при жене рассаживались через лотерею), с облегчением вынес

дурацкие плакаты (типа «Бейте весело в тамтам!»).

Однако «замечательной жизнью» обязан был именно ей, мастеру нечаянных перформансов и демократических мистификаций. Бедная женщина, в сорок лет возомнившая себя писателем, задолго до Брижит Бардо отказавшаяся от мехов (плата простудой за гуманизм), создавшая мужу вычурный, но плодотворный быт («поглотившая Репина, как кит Ионо» — по Розанову), она патетично, но, в сущности, великодушно удалилась умирать в Швейцарию.

«Только на чайном столике еще долго стояла осиротелая стеклянная копилка, — вспоминал Чуковский, — куда прежние гости Пенатов, присужденные к штрафу за нарушение какого-нибудь из запретов Натальи Борисовны, должны были опускать медяки. Теперь эта копилка стояла пустая, и все сразу позабыли о ее назначении...»

«Осиротелый, — плакался Репин Цветкову, — я очень горюю о Н.Б. и все больше жалею об ее раннем уходе. Какая это была гениальная голова и интересный сожитель!»

Не только «мастер замечательной жизни», но и смерти — мастер замечательный.

Окончание на с. 43

Какой простор! 1903 г.

«Только товаропроизводитель МОЖЕТ ВЫВЕСТИ ЭКОНОМИКУ из кризиса...»

Иван Филиппович Анюховский — генеральный директор АО «Славич». Родился в 1939 году. Окончил Пермский государственный университет по специальности «экономист». С 1962 года в течение двенадцати лет работал на Урале. С 1974 года на протяжении десяти лет был заместителем директора производственного объединения «Славич» в г.Переславль-Залесский Ярославской области. В 1984 году назначен на должность заместителя начальника Главного управления «Союзхимфото» Министерства химической промышленности СССР, где проработал до 1988 года. В этом же году избирается директором «Славича» — крупного многопрофильного предприятия химико-фотографической промышленности, ныне акционерного общества.

И.Ф.Анюховский — председатель Совета директоров Ассоциации «Химфото», член президиума промышленного Совета при правительстве Российской Федерации.

— Моя работа в первую очередь направлена на защиту товаропроизводителей как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, строительстве, сфере услуг. Только товаропроизводитель может вывести экономику из кризиса. Нельзя организовать социальную защиту людей в отрыве от работы того или иного предприятия. Первый вопрос, который я постарался поднять в Думе, — о согласованной программе действий товаропроизводителей в городе и селе, призванной сдвинуть с мертвой точки застоявшуюся экономику. Я сторонник не только того, чтобы требовать от правительства, но и самостоятельно принимать энергичные меры. Надо чаще думать самим и брать больше ответственности на себя, — утверждает И. Ф. АНУХОВСКИЙ.

Завод магнитных лент. Линия сборки компакт-кассет «Джима»

В 140 километрах к северо-востоку от Москвы, за лесами, на берегах Плещеева озера в 1152 году князь Юрий Долгорукий заложил город Переславль-Залесский.

Этот город — родина Александра Невского. На Плещеевом озере при Петре Первом начинался российский флот.

В XX веке Переславль-Залесский стал, как и многие другие города с древней историей, промышленным центром. Здесь в 1931 году была построена первая в России фабрика киноплёнки, той самой, на которой отсняты такие шедевры отечественного и мирового киноискусства, как «Чапаев», «Депутат Балтики», «Александр Невский» и многие другие.

На базе фабрики выросло многопрофильное предприятие химико-фотографической промышленности, ставшее так называемым градообразующим, т.е. содержащим город. Фирма «Славич» — крупнейший в России производитель черно-белых и цветных фотобумаг, фотопластинок, светофиль-

тров, бумаг технического назначения, магнитных носителей информации, ди-азопленок, материалов для полиграфии и отделочно-упаковочных материалов.

С сентября 1991 года «Славич» — акционерное общество. На базе производств с законченным технологическим циклом созданы дочерние акционерные общества, гарантирующие эффективность инвестиций.

Говорит генеральный директор АО «Славич» **И.Ф.Анюховский**:

— Пять лет назад наше объединение занимало в СССР третье место по объему выпускаемой фотохимической продукции. Многие считали, что это расточительно — иметь в одной стране три крупных производителя фотоматериалов. Мировой опыт показывает, что одна крупная фирма способна закрыть потребности региона. Скажем, для США это «Кодак», в Японии — «Фудзи», в Европе — «Агфа».

Отечественной фотохимии 60 лет. За истекшие годы в стране возникла и достигла высокого уровня фотохимическая наука. Освоен весь ассортимент материалов, производимых в мире. Организовано производство фотоматериалов, предназначенных для применения в различных отраслях народного хозяйства: обороне, науке, технике, медицине, электронике, радиопромышленности.

Сегодня российский центр фотохимического производства концентрируется на базе АО «Славич», выпускающего широкую гамму материалов для регистрации информации. Стратегия развития АО «Славич» основана на инновационных программах, каждая из которых включает полный цикл — от идеи нового товара, анализа его будущих рынков до формирования этих рынков с учетом окупаемости программ в сжатые сроки. К их реализации привлекаются ведущие группы специалистов отрасли.

О продукции АО «Славич» можно с уверенностью сказать, что она конкурентоспособна: новые цветные фотобумаги не уступают изделиям фирм «Агфа» и «Кодак», причем комплектуются они соответствующими концентрированными обрабатывающими растворами; компакт-кассеты «Славича», производимые на итальянском оборудовании, отвечают европейским стандартам, черно-белые фотобумаги получают самые высокие отзывы фотодожников.

Производство АО «Славич» обеспечивает жизнедеятельность наиболее важных отраслей народного хозяйства России — магнитные ленты для вычислительной и импульсной техники оборонного назначения, фотобумаги для аэрофотосъемки, криминалистики, геодезии и картографии, бессеребряные све-

тучувствительные материалы для микрофильмирования, радиопромышленности и микроэлектроники, ассортимент фотопластинок для науки и техники.

Потребность в материалах для этих целей сегодня еще не удовлетворяется за счет собственного производства. Поэтому рынок насыщается за счет импорта. Активное внедрение ведущих мировых производителей кинофотоматериалов в Россию и страны СНГ ставит в затруднительное положение отечественную фотохимическую промышленность. Ей необходима государственная поддержка. Учитывая накопленный потенциал, опыт ученых и специалистов нашей страны в области производства химико-фотографической продукции, необходимо произвести капитальные вложения для модернизации производства. Затраты для этой цели значительно ниже, чем закупка продукции по импорту.

С целью полного обеспечения внутреннего рынка современными кинофотоматериалами и создания новых производств нами разработана программа действий. Она сформирована с учетом следующих предпосылок: удобное географическое положение в центральной части России и близость к основным потребителям продукции; наличие производственных площадей с развитой инженерно-энергетической инфраструктурой и транспортно-складской системой.

Следует особо подчеркнуть, что в программе речь идет не только об организации выпуска конкурентоспособных видов уже известной продукции, но и о создании производств новых отечественных образцов техники, не уступающих мировым аналогам.

Руководство Роскомнефтехимпрома с вниманием отнеслось к проблемам АО и, рассмотрев наши предложения, обязало комитет совместно со специалистами АО «Славич» разработать и представить на утверждение комплексную программу развития «Славича» до 2002 года, отразив в ней вопросы маркетинга продукции, инвестиционной деятельности, социальные аспекты и другие направления деятельности предприятия.

— Государственный комитет по химии и нефтехимии РФ рассматривал стратегию развития АО «Славич», а как к вам относится Ярославская областная администрация?

— В ведущих западных странах развитие одного предприятия тесно увязывается со всей региональной политикой. Так, в Германии, например, всегда думают о том, чтобы каждая сотка земли давала отдачу. И на этом строится как экономика, так и политика. Начало возрождения промышлен-

ности в Переславле, где из восемнадцати тысяч работоспособного населения каждый третий до 1992 года трудился в структуре «Славича», мы видим в комплексе региональном развитии. Стареемся решать и продовольственные программы. Понемногу стали выпускать макароны, пиво, пробурили скважину и начинаем разлив минеральной «Переславской» воды. Она полезна при гастритах, других болезнях язвенного характера. Анализы показывают, что под нами на глубине 950 метров — «соляная бочка» и в следующем году мы будем иметь этот рассол для собственных нужд. Начали производить оборудование для переработки мяса. Вместе с промышленниками Ярославской области думаем над расширением списка продовольственных товаров. При этом рассматриваем триединую задачу: местные ресурсы, промышленный потенциал и кадры. Здесь главное — использовать региональный интеллектуальный потенциал. Рядом с нами — Институт программных систем Российской академии наук, который при всей своей специфике принесет пользу и в деле задействования местных ресурсов и расширения промышленных и продовольственных возможностей региона.

— Когда речь заходит о том, что продолжается спад производства фотобумажного направления, магнитных носителей, а некоторые предприятия вообще стоят, то многие руководители ссылаются на финансовые трудности, считают, что были бы деньги — и все проблемы можно будет решить.

— Жизнь показывает, что это не так. На сегодняшний день фотохимические производства в кризисном состоянии. Происходит это потому, что рынок не принимает ту неконкурентоспособную продукцию, которую раньше мы выпускали в больших объемах. Появились первоклассные цветные фотобумаги; «Кодак» предлагает сервисные услуги, которые мы оказать пока не можем; в продаже аудио- и видеокассеты самых знаменитых фирм, цены которых близки к нашим.

Поэтому сейчас на «Славиче» идет сложный процесс становления производств на конкурентоспособной основе. Если взять всю продукцию, выпускавшуюся нами ранее, за 100 процентов, то доля старого ассортимента осталась в пределах 25 процентов. А остальное оборудование сегодня простаивает, так как продукция, выпускаемая на нем по устаревшим технологиям, никому не нужна или нужна, но не в прежних объемах. И нужно найти, чем заполнить эту нишу.

Поэтому передо мной, перед правлением АО «Славич» встал вопрос: куда идти дальше? И если продукция не нужна, а новую, совершенно другого

профиля, на этом оборудовании по прежним технологиям не выпустишь, то, значит, нужно переориентировать производство. Мы разработали несколько инвестиционных программ, и некоторые уже действуют.

Вышла на проектную мощность линия по сборке аудиокассет. На сегодняшний день линия «Джима» — единственное оборудование на «Славиче», которое имеет постоянную загрузку и хорошую перспективу.

На «Джимере» с момента пуска линии произведено уже более десяти миллионов аудиокассет на шесть миллиардов рублей. Аудиокассеты — основная конкурентоспособная продукция «Славича», а линия «Джима» — самое высокопроизводительное оборудование в нашем акционерном обществе. Прибыль, полученная за этот год от продажи «джимовских» кассет, уже трижды окупил затраты на приобретение и монтаж оборудования.

Смонтировано импортное оборудование и получены первые образцы продукции на шестицветной печатной машине, предназначенной для производства упаковочных материалов для пищевых продуктов и товаров народного потребления.

Введено производство пресс-композиций для микроэлектроники. Сейчас, на первом этапе, производится до тысячи тонн пресс-композиций в год, но я думаю, что мы можем выйти на мощность до трех тысяч тонн.

Начался серийный выпуск системы мини-рентгенкабинетов, предназначенных для получения сухих и позитивных рентгеновских снимков на прозрачной основе в незатемненном помещении. Их область применения: хирургия, ветеринария, дефектоскопия, криминалистика.

Наряду со сложным наукоемким производством я вижу на «Славиче» развитие предприятий, выпускающих продукцию, которая напрямую с фотохимией не связана. Это — полимерная тара: канистры, бочки, бутылки, упаковочные материалы.

— Вы в разговоре не уходите от фотохимии. Но, предположим, что «Славич», получив самостоятельность, переориентировался и, не имея возможности сбыть фотохимическую продукцию, подобно некоторым конверсионным предприятиям, начал заниматься «сквородаками»...

— Слава Богу, мы пережили такой период и поняли, что размениваться на мелочи и уходить от дела, которое знаем, не стоит. Славичане могут гордиться тем, что они остались преданы фотохимии.

Наше счастье — в уверенности в будущем, беда — в неумении правильно выбрать ведущее направление

деятельности. Повторюсь, мы переболели посторонними производствами и сами чувствуем, как они постепенно теряют силу, давая место традиционным фотохимическим направлениям.

Можно, конечно, развиваться отдельно от мировых фирм, которые конкурируют с нами. Но целесообразнее совершенствоваться вместе с ними. Координационный совет, куда привлечены лучшие ученые фотохимического направления, работающие в различных научно-исследовательских институтах и Российской академии наук, помогают нам отфильтровать имеющиеся инвестиционные программы, найти совершенно новую направленность развития «Славича». Уже в ближайшее время мы начнем осваивать фототехнические пленки для полиграфии, рентгеновские пленки для медицины и газовой промышленности.

Что касается взаимосвязей с иностранными фирмами, то мы нашли подход к совместной деятельности с «Кодаком» и швейцарской «Гретаг», которая производит мини-лаборатории и фотобудки для моментальной фотографии. В Ярославле открыли первый такой фотосервисный центр, в Ессентуках — второй, до конца этого года собираемся поставить еще 4—5 подобных центров и 30 центров — в следующем году. Если этот проект нам удастся задействовать, то есть гарантия, что удержимся на рынке цветных фотобумаг.

По технологической цепочке, наличию оборудования, подготовленности кадров мы близки к производствам, выпускающим медицинские препараты. Если правительство утвердит развитие этого производства на нашей промышленной площадке, будет решен вопрос обеспечения России обезболивающими лекарственными препаратами и появится возможность уже в начале следующего года иметь дополнительно более 400 рабочих мест.

Далее просматривается программа организации совместно с финской фирмой «Геркофин» производства специальных пропитывающих веществ, которые можно будет разливать в выпускаемую нами же полимерную тару. Это даст еще около ста рабочих мест.

— Вы говорили о государственной поддержке предприятий, что вы имеете в виду?

— За 1992—1994 годы, когда начали заниматься диверсификацией производств, мы привлекли более 3,5 млрд рублей негосударственных инвестиций. АО «ЛЛД» заинтересовала перспективная программа развития цветных фотобумаг. АО «Гаммахим» — программа упаковочных материалов и пищевых продуктов, АО «Аргомак» — строитель-

ство жилых домов из легковозводимых конструкций, АО «РОНИС» — магнитные носители... Список инвесторов можно продолжить. Но производство средств регистрации и информации желательно развивать без участия государства, так как это направление необходимо стране, если она хочет быть независимой в области обороноспособности и безопасности.

Во-вторых, чтобы поддержать производство широкого спектра фотоматериалов для народного хозяйства, мы просим то, что имеют наши конкуренты на мировом рынке. Например, государству необходим переход на общепринятую систему идентификации личности. Можно поручить ее внедрение коммерческой структуре, и она с фирмами «Полароид», «Фото-ми» организует стопроцентное импортное производство. Мы просим передать это «Славичу», так как имеем подобную технологию, будем частично использовать свою продукцию, располагаем подготовленными кадрами. Тогда АО сохранит рабочие места и укрепит государственную безопасность в этой области.

Мы вместе с фирмами «Кодак» и «Гретаг» готовы создать разветвленную сеть фотослужб в Москве. Но правительственного решения по этому вопросу пока нет.

Или такой пример. Цена на серебро для ювелирных изделий одна, а на азотнокислосеребряное для фотохимии должна быть другая, гораздо ниже. И это везде регулируется государством. Так же как и плата за электроэнергию во всех странах для частного потребления значительно выше, чем для производственных нужд. А у нас — наоборот!

Это далеко не полный перечень вопросов, где необходимо государственное регулирование. Оно позволит товарам насытить рынок, сохранить и развить российскую фотохимию. А в целом только отечественное товаропроизводство в большей мере должно сбалаंसировать наличие на рынке денежной и товарной массы, стабилизировать финансовое состояние страны и не допустить массовой безработицы.

Записали
Александр ТРУТНЕВ,
Наталья ШАПОВА

Контактный телефон
АО «Славич»:
(08535) 2-12-81
Факс: (08535) 2-25-60

Публикуется на правах рекламы

Тот самый, что сено ел

Окончание. Начало на с. 38

Охотно ее портретировал («Иван Грозный и сын его Иван», несколько «Дузелей»), но еще лучше умел наклеивать. История известная: кого ни нарисует — тот вскорости умирает. Писемский, Мусоргский, Пиров, Мерси д'Аржанто. С ним в сравнении Бэзил Холлуорд просто гуманист первостатейный.

Но личное начало никогда не заслоняло художнику его исторической миссии. Когда умер композитор Серов, Репин убивался, что не сообразил «зарисовать эту красивую смерть... Голова освещалась великолепно, с тенями. Как рассыпались волосы по белой большой подушке!».

Умер Третьяков. «Вот свалился дуб могучий, — пишет Репин, — развесистый, под ветвями его широкими столько жило и благоденствовало хороших русских художников».

Умер Куинджи. «Свалился дуб развесистый, — пишет Репин. — Много росло на нем золотых жолудей и много слабых захудалых кормились его жолудями».

А вообще пошлость ненавидел. Чему есть свидетели.

Наклеивал порой и целые течения. В юбилейном каталоге Репину переадресованы чеховские слова о Толстом: «...сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех».

Так и Репин в разведку ходил: повсюду. И к редутам Климта (портрет Званцевой), и в направлении

маявинских баб (портрет Андреевой-Шкилодзнь), и в сторону Корина («Протоиакон»), и в сомовские территории (этюды к «Парижскому кафе»), не говоря уж о социалистическом реализме и модерне.

Последний-то его в академики и вывез. В 1876 году в Париже пишет «Садко», где наличествуют все мотивы грядущего стиля: морские глубины, сказочный сюжет, загадочные дамочки. Ни до, ни после — ничего похожего. Но именно за эту картину получил «академика». Крамской только удивлялся: ведь чтоб эдакое вытворять, «надо с детства слушать шансонетки»!

А какие, к черту, шансонетки, если Репин — из Чугуева, откуда по реке утюг плывет? Город — в народной мифологии — что Жмеринка, Тамбов или Мухосранск. Да и сам Стасову признавался: «Ведь я, как Вам известно, мужик...» Потом, правда, искусство подняло художника по социальной лестнице: «Знайте, я стал аристократ», — заявил в 1925 году.

Кроме того, искусство Репина обогатило. К пятидесяти годам разжился именьем (108 десятин, 40 голов крупного рогатого скота да 4 лошади); шел, бывало, а карманы золото отягивало. При этом был скуп: узнав, что питерские трамваи с утра стоят пяточок, а днем гривенник, торопился приехать пораньше, чтоб сэкономить; обожая дорогой чай, в отсутствие гостей обходился дешевым; бечевочки на посылках не рвал, а аккуратно развязывал...

На то, видимо, советская власть

и уповала, когда звала вернуться: соблазняла пенсией (250 рр), машиной и казенной квартирой. Но Репин все же полагал, что «искусство любит богатство», а потому от советской живописи ничего выдающегося не ждал.

...Мужик-аристократ, богач-бедняк — он остается неопределим. 70 лет его считали революционером: за «Бурлаков», «Не ждали», «Отказ от исповеди», «Сходку». А он, ровно лакей, мундир царев чистит (написав Николая, взял его напрокат, чтоб доработать — и краской заляпал); в 1885 году Александр III запрещает показывать в Третьяковке «Ивана Грозного» — а Репин преспокойно пишет его портрет.

«Оба они, — язвил Розанов о Репине и Нордман, — погружены в демократию и — только и мечтают о том, как бы получить заказ от двора. Точнее, демократия их происходит от того, что они давно не получают заказов от двора...»

Интересно, что знаменитая размолвка Репина со Стасовым (1893—1894) имела две стороны. Этическая заключалась в том, что Репину надоели занудные передвижники и он подался в Академию художеств; Стасов тут же обвинил его в стремлении к чинам, наградам и положению. А эстетической стороной был крен Репина в «чистое искусство», восторг Брюлловым и апелляция к форме; Стасов, естественно, алкал лишь правды-матки.

(Державник всегда найдет поддержку у эстета; именно на волне имперских юбилеев 1912—1913 годов расцвел неоклассицизм, потом он — руками Весниных и Жолтовского — перерос в сталинский ампиризм; а кто был первый эстет среди философов и первый же промеж них поклонник «крепкой руки»? Константин Леонтьев.)

В той полемике Репин, может быть, единственный раз выказал себя подлинным философом: «У меня, положим, начала сесть голова, — писал он Стасову. — Разве я виноват? Разве я в сила остановить свою седину? А Вы с утра до вечера готовы пилить человека, что он поседел и зачем он не остается таким кудрявым, черноволосым, как был 20 лет назад».

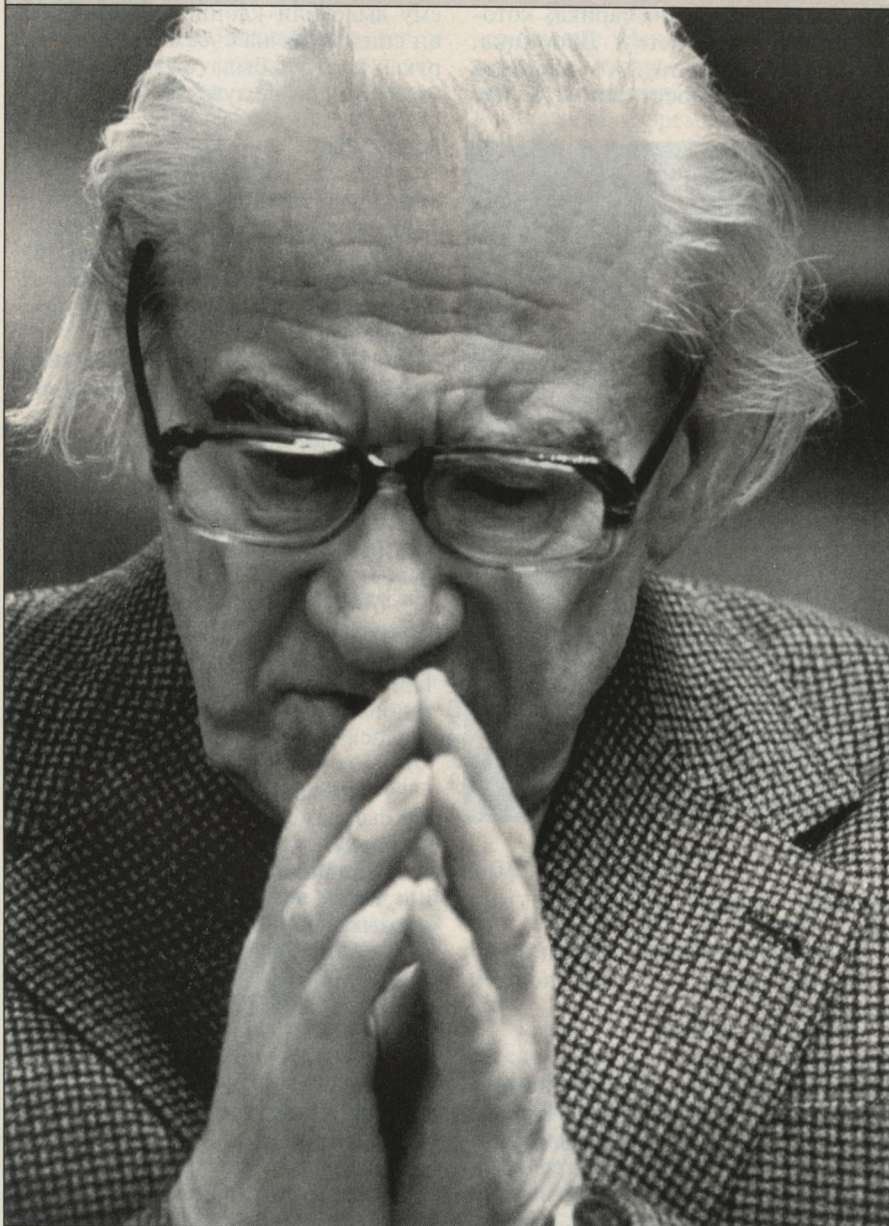
В широте своей — почти Пушкин, в переменчивости — ровно Розанов.

«Терпеть не могу виртуозничать!» — ругался; но в анекдот вошло друтое. Тактичный Чуковский как бы невзначай засыпал снегом собаку

Бурлаки, идущие вброд. 1872 г.

Борис ПОКРОВСКИЙ: Я угадал свою судьбу

Несколько цифр: Борису Александровичу Покровскому 82 года. 50 лет проработал он в Большом театре. Из них 30 — главным режиссером. В январе 1994-го состоялась 40-я премьера Покровского в Большом («Князь Игорь»). А всего им поставлено более 200 спектаклей.

Несколько имен: Ростропович, Вишневская, Самосуд, Голованов, Мелик-Пашаев, Плисецкая, Лиела, Максимова, Васильев... Имя Покровского в этом ряду. В ряду изгнанных из Большого. Созвездие перечисленных имен наводит на мысль, что изгнание из Большого стало чем-то вроде высшей степени признания заслуг Артиста перед своим народом.

Несколько слов, привычно стоящих перед этой фамилией: главный режиссер Московского музыкального камерного театра, лауреат Государственной и Ленинской премий, профессор.

Уроки Покровского

Я пришла несколько раньше назначенного времени. Борис Александрович еще не закончил занятия со студентами. Мне было разрешено попристутствовать на уроке. Кое-что из сказанного учителем я записала.

...Работа режиссера — это как карточный домик. Строишь его, строишь... Потом кладешь последнюю карту, и все рассыпается. А не надо было ее ставить! Но когда ее не было, не было ясности.

...Вы можете заставить людей решать вопросы, ответов на которые сами не знаете. Режиссер должен ставить вопросы. Отвечать — не его задача. Более того, если вы на этот вопрос ответите, все разрушится. Если оставите без ответа — запомнится надолго...

...Критики — бедные люди. Им надо зарабатывать деньги. Они что-то находят, к чему-то призывают... На это не надо обращать внимание. Они ищут и находят только там, где мы уже открыли. Вот есть бегемот. А рядом с ним всегда — птицы. Они от него питаются. Это хорошие птицы. Замечательные. Но — птицы, а не бегемот.

О величии и великих

— Вы встречались, работали с Прокофьевым, Шостаковичем. Вы ощущаете себя исторической личностью?

— Я? Упаси Бог. Один герой Тургенева говорит, что в старости есть свои собственные удовольствия — воспоминания. И он прав. Я вспоминаю эти встречи с удовольствием и удивлением. Я репетировал оперу Прокофьева, а он сидел рядом. И я не стеснялся его. И не стеснялся при Шостаковиче репетировать, и при Стравинском... Сейчас бы, наверное, не посмел... А тогда молодой был, смелый. Хотя мы и тогда знали, что Прокофьев гениальный... И Шостакович... Но они не думали, что они великие. Нормальные люди, со своими заботами, оценками. И умением жить сегодняшним днем. Ходили на репетиции, писали, но великими себя не ощущали.

— Сейчас многие люди, актеры в частности, добившиеся популярности, ощущают себя великими. И это заметно.

— Им трудно жить, наверное. Не смейтесь, я серьезно говорю. Ощущать себя великим — это такое

испытание, которое невозможно вынести.

После 80-ти

— Знаете, я понял одну вещь. Очень трудно дожить до восьмидесяти. Действительно трудно. Болезни были — и печень, и сердце... И так далее. Врачи запрещали то, это... А после восьмидесяти — никаких болезней. Кроме типично

путают понятия «культура» и «искусство». А это совсем разные вещи. Культура — это отношения людей. Почитание человека человеком. Разрушается почитание — разрушается и культура.

Вот идет артист Малого театра. Его надо почитать. Старика, который сделал табуретку. Дворника, который метет улицу. А у нас быть дворником «непрестижно». У нас

лифтером хорошим не любой может стать.

Кстати, тот Евсеич, о котором я говорил, был таким замечательным дворником, знаменитым на весь район, что в итоге его повысили. Он стал начальником дворников, ему выделили кабинет... Через год он спился. Не на своем месте! В его руках должна была быть метла. И метла ничуть не хуже, чем скипетр.

После окончания спектакля «Хованщина» в постановке Бориса Покровского (справа)

старческих. Единственное — теперь приходится зарядку делать. Минут сорок каждое утро. Иначе не разогнуться. А разогнуться-то надо — артисты на репетицию ждут. Репетиция — единственная моя любовь. Ради этого я живу.

— Я пыталась догнать вас на улице и не смогла — вы так быстро шли...

— Я привык быстро работать, быстро ходить. Мне много лет — многое надо успеть.

Почитание

— Силу, энергию дает ощущение того, что я нужен. Нас зовут в Англию, Японию, Америку... К сожалению, у русских часто бывает так — нужен везде, только не на родине.

— А почему, интересно, всем нужно, а нам — нет?

— Я думал об этом. Затоптана культура. Люди потеряли способность что-то ощущать... У нас часто

каждый решил, что ему нужно иметь высшее образование.

— Вы полагаете — не нужно?

— Я думаю, каждый должен найти СВОЕ дело.

Евсеич

— Когда я был мальчишкой, у нас во дворе был дворник Евсеич. И его ПОЧИТАЛИ. Не только дети. Мой отец, когда с ним встречался, снимал шляпу! А отец был учителем — по тем временам элитой. Но это был замечательный дворник! И он был на своем месте. Я хочу сказать — я думаю, это очень важно, — каждый должен найти предопределенное ему место. И каждая работа должна быть одинаково уважаема: нельзя говорить, что у шахтеров работа труднее, чем у лифтеров.

— Но тогда и зарплата должна быть у всех одинаковая?

— Зарплата должна зависеть от того, как человек работает. Не каждому дано быть шахтером, но и

Мораль

— Было время, когда все должны были жить двойной жизнью... В это время меня очень клеймили. На собраниях артисты говорили обличительные речи в мой адрес... А потом шли в зал и с удовольствием со мной репетировали.

— Боялись, значит, на собрании сказать то, что на самом деле думают?

— И не надо было говорить. Прокофьев, Шостакович — сколько у них произведений, посвященных Сталину! Вы думаете, они это от души делали? Нет, просто так надо было.

— Вы обижались, когда вас «прорабатывали» на собраниях?

— Нет. Мне даже приятно было: Прокофьева прорабатывают, Шостаковича и меня. Мое самолюбие грелось в этой компании.

— Вы вступали в партию?

— Я всегда был беспартийным. Не был даже ни пионером, ни комсомольцем.

— Как это вам удалось? Это же был такой поступок — сказать, что отказываешься вступить в пионеры...

— А необязательно что-то демонстрировать: можно надеть галстук, а идти «в другую сторону».

Начало

— Был ли у вас в семье кто-то, имевший отношение к театру, музыке?

— Никого. У нас было пианино. Я стал бить кулаками по клавишам. Родители пожалели инструмент и отвели меня к знаменитой учительнице Е.Гнесиной, в школу на Собачьей площадке. (Да, это та самая Гнесина. Их было две сестры. Потому они стали знаменитыми...) И Елена Фабиановна меня приняла. В середине года, когда приема не было. Она была строга. Она меня даже била по рукам. Потому что я был ленивый. Любил музыку, но не любил учиться музыке. А почему? Потому что я должен был стать не музыкантом, а режиссером. Мыслить

звуками и мыслить действием — это разные вещи. Но ведь никто не знал, кем я стану. Меня готовили в пианисты: у меня было, как тогда говорили, «хорошее туше». Но я был создан не для этого.

Мой Бог

— Когда мне было десять лет, у меня началось увлечение церковью. Я познакомился с псаломщиком. Приходил в церковь в четыре утра, псаломщик давал мне ключ от колокольни, я забирался туда, наверх, и бил в колокол! Я помню это наслаждение! Ночь, сугробы... Черные фигурки людей, идущих в церковь, — потому что это Я бью в колокол! Потом спускаюсь, облачаюсь — именно облачаюсь — в стихарь... Зажигаю свечи... И я, десятилетний мальчишка, читаю на старославянском!

А отец мой был учителем. Заведующим единой трудовой советской школой. Человеком очень законопослушным. Его вызвали: «Как же так? Вы — заведующий единой трудовой советской школой, а вашего сына старухи чуть ли не святым почитают! Скажите ему, чтобы в церковь больше не ходил».

Я расскажу вам, что сделал мой отец, и вы поймете, что с таким отцом можно было жить и можно было СТАТЬ. Но узнал я об этом потом, когда был уже главным режиссером Большого театра, — мама рассказала мне об этом много лет спустя... А сделал он вот что: не сказав мне ни слова, он купил мне билет в Большой театр. На галерку. И больше я в церковь не ходил: стал ходить в Большой. Каждый вечер. И даже мой дедушка, который имел высший сан священника, исповедовал меня и отпустил этот грех: «Бог прощает тебя. Большой театр — это тоже храм. Храм духа нашего».

Галерка

— А как же вы ходили в Большой театр каждый день? Нужно же было билет покупать?

— И это тоже чудо. Меня все капельдинеры пускали без билета. Еще и поругивали: «Опаздываешь — беги скорей». Каждому было ясно, что я должен быть на спектакле. И каждый вечер я был на галерке, куда в то время был особый вход — там, где теперь 16-й подъезд. И никакого общения с нижними ярусами — ни-ни. Особый вход, особый мир! Что за чудесный мир — галер-

ка! Там были учителя, студенты, врачи. Это был клуб! Там шли обсуждения, споры... И я, десятилетний, наравне со всеми высказывал свое мнение — и меня слушали.

«Дальтон-план»

— Я не сразу угадал свое предназначение. Искал, пробовал, работал хронометристом, работал на радио, играл в кинотеатре на рояле... Кстати, в свое время этим занимался и Шостакович. Это был заработок.

Потом я поступил на химический факультет фабзавуча. Учился плохо. Не мог сдать ни одного экзамена по химии. Но как раз в это время был введен «Дальтон-план». Этот Дальтон предложил учиться бригадным методом. А экзамен идет сдавать кто-то один — представитель от бригады. За всех. Вот такой метод. Меня все выручали. Ребятам было смешно, что я такой дурак и вожу их в оперу... Благодаря этому Дальтону я закончил учебу, стал аппаратчиком 5-го разряда. Работал на Дорхимзаводе четыре года. Был ударником. И как ударника меня послали учиться в менделеевский институт. Без экзаменов... А были ребята, которых не пускали — у них происхождение не соответствовало... А они, может, прирожденные химики... Но я через два дня ушел — понял, что это совсем не мое.

Звездный час

— Решил поступать в театраль-ный институт. Год сидел, готовился. Библиотекари мне помогали — подбирали книги... Я же не знал, что читать.

Пришел на предварительное собеседование. В комиссии молодой Завадский — шикарный, эlegantный: «Какой конкурс? Его надо брать!»

Счастливым днем в моей жизни — в списке абитуриентов моя фамилия с припиской: «Принять вне конкурса». А потом Завадский был моим другом, мы даже были на «ты».

Шуточки

— После ГИТИСа меня направили по распределению в Горький. Я там должен был поставить дипломный спектакль. Вхожу в кабинет главного режиссера, он меня обнимает: «Наконец-то к нам художественный руководитель приехал!» Что это? Шутка? А через два года я

стал художественным руководителем этого театра.

Потом артисты пошутили — написали мне письмо какое-то веселое и адресовали «Главному режиссеру Большого театра Б.А.Покровскому». Пошутили. Через два года меня пригласили в Большой театр. А еще через три я стал главным режиссером.

Поэтому, когда говорят: надо иметь цель, идти к ней, добиваться, — это все чушь! Ничего я не добивался. И ничего не просил. Ни у кого.

Приехал в Большой — мне сразу дали ставить «Войну и мир» Прокофьева. Это моя первая постановка в Большом! И я за нее получил Сталинскую премию. Думаете, я что-то делал для этого? Ничего подобного. Все происходило само собой.

Плохо — хорошо

— А потом меня выгнали из Большого театра. Можно было подумать, что это плохо. Оказалось — хорошо. Я пришел сюда, в мой Камерный театр, который я создал за десять лет до того и за который мне не стыдно. В Большом я не получил бы такого признания.

Свободное время

— Я создал этот театр. Сейчас смотрю — как я это сделал? Почему никто другой такой театр не создал? Я не делал свою карьеру. Она сама делалась. Но разве теперь убедишь кого? Буквально все в моей жизни происходило само собой. Конечно, я знаю — это все потому, что я нежно любил Шаляпина и Станиславского. Я их и сейчас люблю как своих родственников. То, что сказал Шаляпин, я знаю наизусть. Я ничего собственноручно своего не сделал. Ничего. Только Шаляпин и Станиславский! Я их читал внимательно, и то, что они не могли сделать, не успели, то, что им, гениям, было недосуг, я — средний человек — сделал. У меня было время свободное. Теперь у меня времени мало осталось, но кое-что я успел. Поставил больше двухсот спектаклей!

Я счастливый человек, потому что я попал на свою колею. И шел по своему пути — любимому. Я счастливый, потому что угадал свою судьбу.

Наталья ЛОГИНОВА

М.Кондратьева
и А.Соколов
в спектакле
«Любовью не шутят»

ВЕРА ПЕТРУСОВА

Пристрастия, позы и причуды

**«Любовью не шутят»
Театр им. Моссовета,
сцена «Под крышей»,
реж. М. Вайль**

Разговор о новой постановке Марка Вайля стоило бы начать стертой формулой «блеск и нищета...», использовав ее именно как клише, претендующее на интеллектуализм и парадоксальность. Вайль верен своей устойчивой, слишком устойчивой режиссерской манере, когда-то — в годы всесоюзных триумфов «Ильхома» — острой и манкой. Он по-прежнему любит эффектный жест, резкое обозначение характеристики (при несколько рваном — или, напротив, сугубо статичном — психологическом рисунке), внешнюю динамику, дробность сценического времени. Он умеет удивить неожиданно затеянной игрой, заразительностью которой снимает всякие вопросы об уместности. Он увлеченно придумывает нарочито странные мизансцены и причудливые атрибуты (сачок, похожий на огромный ночной колпак с помпоном; букет из сухих цветов и павлиньих перьев; записка «Приходите к роднику», по-детски сложенная корабликом — подобных деталей в спектакле избыток). Все это

интересно разгадывать, додумывать, увязывать между собою. Однако на какой-то минуте понимаешь: разгадки, пусть даже ловкие и остроумные, заведомо неверны — точнее, так же необязательны, как и сами детали.

Подлинная цель у всего одна: чтоб чудней было и теребило мысль пестрой напраслиной. Сценограф Данила Корогодский как будто подбирал декорум в разбомбленной антикварной лавке — из недорогих. Занятно поглядеть? Да, пожалуй, но не более. Актерам предложено для игры действительно много ярких подробностей — мизансценических ходов, жестов, оценок, забавных гримас, комичных интонаций, но все эти мелкие предметы роскоши остаются неприисвоенными, нежившими — они взяты напрокат. К ним нельзя прилепиться душой как к своей, любимой вещи. А если верить фразе де Мюссе, поданной в спектакле крупно и повторенной раз пять, — «Жить надо там, где есть жизнь». Здесь стоило бы поставить точку, но в спектакле есть одна безусловная и серьезная удача, которая обязывает пересмотреть дело Марка Вайля. Речь идет о роли второго плана — о Даме Плюш, гротескной приживалке, сыгранной Алексеем Ленковым. Его работа — бесподобная эксцентриада, канкан в миноре, страстный и трагикомичный. Игра Ленкова показывает, чего добивался Вайль от актеров, и полностью оправдывает вышедший из моды, но по-прежнему живой театр «игры и натиска».

**Александр
СОКОЛЯНСКИЙ**

Русская страсть (польский вариант)

**«Прекрасная
незнакомка»
«Зодиак», ТТО «Приз»,
к/ст. «Ленфильм»,
реж. Е. Гофман**

То обстоятельство, что рассказ графа советской литературы Алексея Толстого «Страсть» не вошел в России ни в одно его собрание сочинений, едва ли трагическим образом отразилось на самочувствии местной словесности. То обстоятельство, что польский режиссер Ежи Гофман именно по этому рассказу снял фильм «Прекрасная незнакомка», едва ли изменит расстановку сил на поле боя мирового кинематографа. И пусть. Зато теперь наличествует отнюдь не лишний на нашем безрыбье экземпляр нестыдного и профессионального жанрового кино, которое можно не слишком задорого снимать в наших широтах (пусть даже не совсем нашими силами). Прекрасно знакомый по «Знахарю» знаток зрительских сердец поведал историю трагической любви молодого благородного офицера к прекрасной незнакомке, которую он повстречал в поезде, устремленном в Стокгольм. В свою очередь, он там оказался по причине секретного задания военного командования. Время на дворе нешуточное — первая мировая как-никак. Проявив отменные кулинарные способности, Ежи Гофман свел в нужной пропорции любовную страсть в духе дамского чтiva, детективную паутину в духе восточных экспрессов тетушки Агаты, сентиментальный задрызг в духе жестокого романа и приправу с ненавязчивым историческим ароматом (по вкусу). Даже легкому сюрю нашлось здесь место и время. Со временем режиссер счел необходимым вообще не

церемониться в угоду капризному ритму: каждый эпизод длится ровно столько, сколько ему имеет смысл длиться. Пускай эстеты морщатся от чуть заметного клюквенного привкуса в расейско-деревенском эпизоде. Это вполне понятно в случае с польской режиссерской душой, пусть даже и нашего разлива. Пускай пеняют режиссеру за компромисс с возрастным цензом исполнительницы главной роли — Гражина Шаполowska сполна добрала необходимое обаянием. Пускай осуждают излишне терпкий мелодраматизм финала (убийство героини и самоубийство героя) — «Прекрасная незнакомка» сделана так, что выдерживает на своих плечах его и впрямь нелегкое бремя. К тому же для эстетов и ценителей уготован свой сувенир — Никита Сергеевич Михалков в погонах царской армии и с низким грудным голосом.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Опера без героя

**«Кармен»
Театр «Геликон»,
дир. К. Тихонов,
реж. К. Хармуш
(Швейцария)**

Обычно «Геликон», отмечающий в этом сезоне свое пятилетие, предпочитает знакомить столицу с операми, почти никогда не шедшими на русской сцене. Театр дерзко заявляет о своей единственности, понимая, что быть первым всегда легко в плане того, что у аудитории отсутствует представление об эталонной версии произведения, а значит, и не с чем сравнивать предлагаемый сценический вариант постановки. В этом смысле выбор театра для своей последней премьеры такого шлягера, как «Кармен», выглядит неожиданным. Режиссерская концепция постановки изначально несет в себе некоторую оригинальность. Но

сценическое воплощение ее явно затруднялось неготовностью к этому солистов. Прежде всего это заметно у Сергея Яковлева — Хозе, так как по замыслу постановщика спираль действия раскручивается именно вокруг него: он беспощадный коллекционер женских сердец, постоянно пополняющий свой донжуанский список. В подтверждение этой идеи даже крестьянка Микаэла (В. Чумаченко) предстает в облике, близком к образу вердиевской куртизанки из первого акта «Травиаты». Но, несмотря на все режиссерские ходы, Яковлев честно не справился со своей ролью — ни актерски, ни вокально, — надрывно прокричав всю партию. В результате чего опера оказалась без героя. И в этом нет вины очаровательно-темпераментной Кармен (Е. Мельникова), в чьих руках пара изящных женских туфельек с успехом заменяет кастаньеты. Молодая певица на очень хорошем вокальном уровне и в элегантной актерской манере сделала свою роль, увиденную режиссером лишь иллюстрацией к основному действию. Цельного спектакля не вышло. И дело тут не только в «отсутствии» оркестра (игравшего нестройно, безбожно заглушая всех певцов и даже хор, который, создавалось впечатление, моментами вообще забывал о своей прямой обязанности — петь, а лишь исправно перемещался по сцене, «беззвучно» шевеля губами). Но и в какой-то суетливой невнятной разработке небезынтересной режиссерской идеи, и в грубых некорректных музыкальных купюрах. Концертность постановки к тому же подчеркивалась и репликами персонажей на русском языке, в то время как музыкальные сцены из оперы звучали на французском, правда оставившем желать значительно лучшего. Так что, пожалуй,

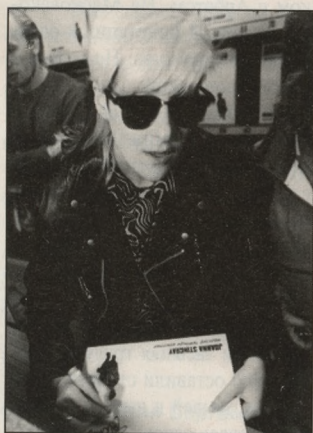
«Кармен» «Геликона» доставит минуты удовольствия только тем, кто никогда в жизни еще не слышал прекрасного творения 36-летнего композитора.

Мария БАБАЛОВА

Актриса весны с воображением дятла

«10 лет в России»
Бенефис
Джоанны Стингрей

Вышеупомянутая американка, когда-то положившая глаз на экзотичный советский андерграунд, пригласила теперь на свой праздник бывших товарищей по подполью. Сделать программу в составе Шевчука, БГ, Галанина, Сукачева и еще кого-то могло только существо «с воображением дятла», по выражению Ильфа и Петрова, и от этого все действие напоминало прокисший суп из безумных компонентов. Первым из них пел Шевчук, без «ДДТ». В аккомпанементе всего двух гитар и скрипки он звучал довольно навязчиво и уныло. Закрадывается мысль: а может, дело в песнях?.. После новых вещей уши релаксировали от «Актрисы весны», в конце которой Шевчук картинно упал на колени и как-то по-мушкетерски поцеловал Стингрей руку. Вообще концерт напоминал одновременно фильм «Несколько

Джоанна Стингрей

хороших парней» и встречу глав правительств брежневских времен с лобызаньем и объятиями. Спел под акустическую гитару Макаревич. Даже не спел, а проговорил речитативом пару песен; что-то пожелали Джоанне со сцены братья Соллогубы. Небольшое разнообразие внес в эту рутину еще один «хороший парень» — Сергей Галанин со своей новой группой «Серьга». Потом вышел второй экс-бригадир — Гарик Сукачев и «Неприкасаемые». Тут уж совсем стало непонятно, чей бенефис-то, Сукачева или Стингрей, так как «Неприкасаемые» играли столько, сколько хотели, даже больше, чем все остальные, вместе взятые, в то время как толпа надрывно звала Гребенщикова. Апогеем действия явилась песня «Come together», исполненная дуэтом Стингрей и БГ, все выступление которого этим и ограничилось. Действительно, зачем еще петь, если и так «монстр»?.. Все это перемежалось выступлениями героини дня, что как-то не отложилось в памяти. Плакаты ее, кстати, раздавались потом недоуменным зрителям в фойе.

Гала ТЕЛЕЖНИКОВА,
Гаянэ ПЕТРОСЯН

Нечто большее

Выставка художников
журнала
«Веселые картинки»
ЦДХ

Картинки и впрямь очень веселые. Яркие, красочные, радующие взгляд, а пожалуй, и душу. Напоминающие о том, как славно было когда-то в детстве, болтая ногами и звонко грызя леденец, их разглядывать. Впрочем, если бы дело шло лишь о лирических воспоминаниях, так хватило бы и частных ахов. Нет, суть в другом: смешно, но эта маленькая выставка больше сказала о природе авангарда (или,

во всяком случае, о некоторых ее составляющих), чем масштабные и концептуальные экспозиции. Скромно и ненавязчиво она показала нам, что и сюр, и дадаизм, и примитив, и гротеск, и вывернутая перспектива, и нарушение пропорций, и любое, самое резкое и причудливое искажение реальности — это просто забавные детские игры. Журналу «Веселые картинки» позволили в них играть. На просторах «большого» взрослого искусства шли битвы с абстракционизмом, бульдозеры, рыча, закатывали в землю картины, — а одно из самых массовых изданий мирно сеяло эстетическую крамолу. И допускало на свои страницы подпольного Кабакова, полуподпольного Пивоварова... Дело тут не только и не столько в смелости редактора Р. Варшамова, сколько в том, что любые модернистские навороты непринужденно вписывались в общий дух игровой условности. И, сохраняя свою узнаваемую стилистику, нонконформисты оказались не более «авангардными», чем другие, никогда не конфликтовавшие с официозом художники. Но — что значит стереотип восприятия! — именно присутствие значимых для авангарда имен и позволило увидеть на выставке милого детского журнала нечто иное, нежале просто «веселые картинки».

Алена ЗЛОБИНА

Дневник У.

Центр бургановских статуй

Алексей
МИТРОФАНОВ

Моя первая встреча со скульптором Александром Бургановым была заочной. Четыре года назад на одной из выставок я увидел скульптуру корявого, несчастного инвалида на разрезающихся костылях, одновременно отвратительного и притягательного. Инвалид назывался — «Россия». И подпись — А.Бурганов.

Впрочем, фамилия автора вскоре забылась.

С год тому назад я проходил по улице Мясковского со своею знакомой художницей. И вдруг рядом с домом 15 увидел странные скульптуры. Нечто подобное, помнится, было в городе Риге: рядышком с набережной Даугавы — Сад скульптур. Рижские работы были маленькими и, в общем-то, обычными. К тому же там стояла будочка с билетами, висела дощечка с подробной аннотацией и часами работы, здесь же — просто скульптуры за оградой. И вывеска — «Бурганов-центр».

— Это — частный музей Бурганова, — с почтением, даже с благоговением произнесла моя провожатая. — Туда можно войти.

Так сказала, что стало понятно: шуметь, держать руки в карманах и горбиться здесь никак не допустимо.

Мы вошли во двор. Там стояли все те же загадочные изваяния. В середине под стеклянным куполом...

— Нет-нет, туда неудобно заглядывать, — одернула меня художница...

Под куполом находилась недоделанная гипсовая заготовка. А перед куполом стоял уже знакомый мне урод по имени «Россия».

Третье свидание было уже очным. На заседание оргкомитета по проведению лермонтовского юбилея в Москве пришел скульптор — чуть более чем средних лет и вовсе не похожий на божественного творца. Скорее — научный сотрудник.

Он хотел поставить во дворе музея Лермонтова памятник поэту. А оргкомитет в этот день должен был донести до него отказ властей — нельзя нарушать мемориальную среду.

— Как?! — на секунду опешил скульптор. — Вроде все уже было улажено.

А когда стали подбирать новое место, вдруг предложил:

— Можно установить его в моем музее, на улице Мясковского.

Этот дом, а точнее, несколько различных корпусов под номером 15, постепенно готовился к музею Александра Бурганова. В 1910-е годы тут жил Котэ Марджанишвили — актер Художественного, ставший впоследствии маститым реформатором грузинского театра. После революции члены домового комитета обнаружили здесь множество ценностей, оставленных бежавшим коммерсантом Катуаром де Бионкур. Среди них — бронзовое художественное литье. Оно отправилось в хранилища отдела по делам музеев и охране памятников.

А в начале семидесятых здесь получил мастерскую скульптор Александр Бурганов.

Собственно, у него, в то время «активного члена» творческого союза, были возможности обзавестись мастерской много раньше. Но Александр Николаевич тянул. Не нравились ему ни Масловка, ни прочие, к слову сказать, приличные районы. Хотел чего-то сверх-сверх-сверх.

Ведь мастерская — не рабочий кабинет чиновника. Это — событие, это — судьба. Вся жизнь в ней проходит. Дома скульптор только спит. И торопиться ни к чему — лучше повременить, попривередничать, помечтать, а не набрасываться на первую же возможность.

Наконец, дождался. Рядышком с Арбатом. На Мясковского. Въехал. И приступил к освоению пространства. Не только в самой мастерской.

К примеру, в 1974 году сломали во владении 15 одно из небольших строений. Хотели строить гаражи на этом месте, но что-то с гаражами не пошло. Были иные идеи: хоккейная площадка, столы для игры в домино...

Александр Николаевич тем временем засыпал груды мусора, которую оставили строители-ломатели, землей и высадил цветы. Получилась огромная клумба.

И городские власти возражать не стали.

А спустя три года скульптор выставил на обозрение желающим первую работу — «Бегущую с птицей».

У нее была красивая судьба — эту скульптуру выпросили у Бурганова для какой-то московской окраины, а через некоторое время утопили в озере.

Мастер не горюет, даже радуется — вот найдут ее далекие потомки...

Так или же иначе, прецедент состоялся и музей Бурганова начал свою жизнь.

Ничего подобного в то время в Москве не было. Как, впрочем, и сейчас. Поэтому самой распространенной реакцией было удивление. Затем местные жители немного попривыкли. Даже сформировалось что-то вроде основного контингента посетителей. Интеллигенция и сотрудники посольств.

А случайные прохожие все так же удивлялись.

Со временем скульптуры прибавлялись. Казалось, ничего плохого и не ожидается. Но начались изменения в государственном строе, появлялось все больше богатых, и музей постепенно стал

превращаться... в автопарк. Сначала жильцы дома скромно попросили поставить во дворе свои автомобильчики. А Александр Николаевич — человек не вредный, да и с соседями не стоит ссориться. Позволил. Дальше — больше. Появились совершенно незнакомые авто. Попробовал вести переговоры — дескать, тут музей вообще-то. А ему в ответ:

— Тебе, мужик, что ль, жизнь недорога?

А как-то раз приехали сюда молодчики в кожаных куртках, развесили на статуях пивные банки — и начали по ним стрелять.

Нет худа без добра — пошел Бурганов по инстанциям. И в скором времени добился решения правительства Москвы. Его собранию официально присвоили статус частного музея. После чего машины удалили с помощью милиции.

Сейчас музей на улице Мясковского — уникальный для нашего города организм. Прохожие все так же удивляются, все так же парочки заходят — просто посидеть. Хулиганств особых не бывает. Как и воровства. Да не так и просто своровать-то. Скульптура — вещь тяжелая,

для нее кран требуется.

Только раз одну работу отрокинули. Голова у нее отлетела. Ничего, приварили — и снова стоит.

А клумбочка со временем просела. Обнаружился под ней подвал бывшего дома. Александр Николаевич накрыл подвал стеклянным куполом. Он тоже войдет в экспозицию.

Александр Николаевич музеем недоволен.

Нужны освещение, охрана. Иначе придется выставлять что потяжелее, а о концепции и речи не идет.

— Это должен быть не сад общественного пользования, а музей мира художника, — говорит Бурганов.

Он хочет выставить работы своих учеников, друзей. Он хочет создать не музей поколения, а, скорее, музей своего круга.

Предназначаться же он будет для тех, кто просто шел по улице Мясковского и вдруг увидел странные скульптуры.

И вряд ли музей будет платным.

Фото Анатолия Сергеева («PRIMUS»)

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Счастье жизни с идиотом

Говорят, будто французы ничегошеньки не понимают в стихах Малларме, немцы с трудом разбирают Целана, испанцы третий век гадают, что же имел в виду Гонгора. Ленивые и нерасторопные люди! Достаточно пару раз перевести текст на любой сопредельный язык и обратно — и все мигом прояснится. Переводчик, в отличие от автора, должен знать, почему он пишет так, а не иначе и что все это значит.

Здесь, впрочем, таится другая опасность: всякий, кто разгадывает символ, делает это на свой риск. Полагаю, всем памятен еще анекдот о двойном переводе, где «сени» делаются «вестибюлем», «баба» превращается в «леди», а «оголенный провод» — в «головопроводника».

Выходит, мы теперь в несчетное количество раз счастливее всех англоговорящих, ибо издательство «Северо-Запад» не только

одарило нас отличным томом стихов Нобелевского лауреата в поэзии Томаса Стернза Элиота, но и сделало его двуязычным. Поминутно залезая в комментарии, мы понимаем, о чем идет речь, наслаждаясь ровненькой настоящей английской ритмикой и сознанием собственной значимости. Крохотная черная книжечка вмещает поразительно много: и поэмы, и лирику, и пару пьес; шумит океаном, заывает перехлестом языковых волн, выносит на берег драгоценности и безделицы, от «In my beginning is my end» до «как противно встречаться с мистером Элиотом! (вечно выгладит он идиотом)». «Отом!» — счастливо повторяю я, зная, что жизнь моя переменялась, увиденная заново.

Эх, перевел бы кто-нибудь Парщикова на зырянский!

Александр ГАВРИЛОВ

...как много в этом book'e!

Все вокруг стало Белым (Андреем)

В каких-то три года Андрей Белый стал главной фигурой Серебряного века. При всей своей непопулярности у широкого читателя — благодаря филологам, — он оказался «нашим всем»: символом, солнцем, камертоном. А запевалами в этом деле — Музей Белого и Российское общество Белого. Их усилиями второй год подряд проходит международная научная конференция.

А.Лавров неожиданно спроецировал Блока на Кудрярова из «Серебряного голубя» (хотя прежде в нем видели Мережковского, а Блок — то как раз полагали Дарьяльского); музыковед Л.Гервер показала, как знакомство с Танеевым и его теорией контрапункта преломилось в творчестве Белого; С.Гиндин доказал, что стиховедение Белого вышло из брусковского сюртука; Д.Магомедова говорила о том, какое влияние на поэтические циклы Белого оказали вокальные циклы Шуберта и Шумана; В.Семенов убедил слушателей в том, что есть параллель между «Москвой» и «Доктором Живаго» (линия Лары — Комаровского и линия Мандро — Лизаши); а параллель между «Серебряным голубем» и Пастернаком («Сестра моя — жизнь») провел К.Поливанов; как всегда, интересно было послушать Л.Кациса и Е.Иванову, А.Бойчука и Ю.Орлицкого и, как всегда,

неинтересно — С. и В.Пискуновых...

Особо же хочется отметить доклад М.Спивак, сделанный на основе «всплывшего» год назад альбома рисунков Ф.Головина, где Белый неожиданно очутился в компании кадетов! Знакомство это поэт скрывал, ибо был в том кругу шпионом: якобы тусуясь, наблюдал нравы и быт кадетов (по большей части — масонов) с тем, чтобы отобразить все это в романе «Москва». Взяв столь скромную точку отсчета, Моника Львовна вскрыла всю подноготную романа, который, таким образом, оказался не просто романом о всемирном заговоре, а — о всемирном кадетско-масонском заговоре!

А.Белый и М.Кокошкина (оригинал хранится в музее А.Белого)

Вокруг book

Вторая последняя вечеря Рея Брэдбери

Когда нам было по тринадцать, Кинг-Конг свалился с Эмпайра прямо на нас. И на ноги мы встали друзьями. Мы поклялись сделать еще большего Зверя.

Киношный шлягер тридцатых годов, мир запомнил себя в черно-белых кадрах американских фантазмагорий и долго еще вздрагивал во сне от павильонных монстров Голливуда. Огромная Обезьяна, сошедшая с экрана, — вся Европа принимала тебя за чистую монету, пока полчища ассистентов и творцы с руками, вымазанными глиной, ночи и годы наполлет создавали этот город, где от римского Сената до паперти Нотр-Дама надо лететь самолетом — так они близко.

Рей Брэдбери написал «Кладбище для умалишенных» в 1990 году. Нынче в журнале американской литературы и культуры «Ниа-

гара» он появляется на русском (перевод И. Гуровой, 1994), и мистерии кинематографа с детективной интригой совершаются здесь постранично.

Кто бы он ни был, этот страшный человек с нечеловеческим ликом, сидящий за ширмой, он станет воистину самым сенсационным Зверем. Мир содрогнется от ужаса, когда его слепок появится на экране, — вот он, потомок Кинг-Конга, Человек, Который Смеется, и от смеха его открываются склепы и подземелья.

Квадратные километры студийных площадок, где от египетских пирамид пять минут пешком до Нью-Йорка, отделены от кладбища только стеной, и в этом есть свой резон: студия — это место, куда приходят умирать слоны-идеи. Кладбище — это место, куда идешь ты, беззубый волк-оборотень при луне, трепач по полудню и истерик на пенном закате:

сценарист, трусливый обожатель кинозвезды — выскоко над уровнем моря.

Но случилось именно так: под стеной оказался тоннель, под маской — восковая персона, и Зверь за зеркальной стеной управлял киномиром. Кем он был? Кто погиб в той давнишней аварии и почему гроб оказался пустым? Куда исчез И.Х. со креста, когда стали снимать третий дубль, и была ли она — вторая и последняя вечеря на берегу, с пекущейся рыбой и сидящими апостолами?

Ты не успел прочитать — свет в зале погас, и твои спутники окружили тебя: ты узнаешь их на этой пос-

ледней вечере — Чингисхан и Клеопатра, Дракула и Человек, Который Умел Творить Чудеса, Франкенштейн и Человек-Невидимка, Синяя Борода и Кинг-Конг, Красавица и Чудовище, Синдбад-Мореход и Квaziмодо. И когда круг их сужается, тебе становится страшно и ты тянешься к выключателю, не находишь и...

— Что это вы делаете, да еще в темноте? Вся компания в сборе, и все те же вкусы — мешать пиво и джин. А что это за голая баба рядом с тобой, дорогой?

Глеб ШУЛЬПЯКОВ

...На язык родных рябин

Семьдесят лет назад умер Валерий Брюсов. Наверное, единственный свидетель его похорон — Николай Трифонов — рассказал о них, открывая брюсовский вечер в Музее Андрея Белого на Арбате. Николай Алексеевич особо отметил правильный выбор поэта в 1917-м и осудил иных, кто предпочел эмиграцию...

Коллега Трифонова Юлия Благоволина рассказала о втором томе брюсовского «Литнаследства», который вот-вот выйдет в свет. Там: переписка с Гумилевым, Ремизовым, Волошиным.

Поздравления принимал Сергей Гиндин, составитель и комментатор только что вышедшей в «Радуге» книги «Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова». Хотя в недавние годы мэтра печатали куда охотнее, чем его соратников, все равно солидный 900-страничный том — событие.

Вийон, Мольер, Байрон, Гейне, По, поэты древнего Рима; множество первопубликаций и забытых текстов из давней периодики; и, что самое приятное — рядом с переводами, — тексты на языке оригиналов.

Виктор ЛЕОНИДОВ

Book'em

О полезных книжках непременно напишет «Литературка», о вредных — «Сегодня». А ведь бывают такие, что зацепят: обложкой, шрифтом, фразой, — и так хочется хоть одно доброе слово сказать! А никто и не отзовется... Исключительно в этих целях мы заводим новую рубрику «букет», куда и будем собирать неприметные издательские «цветочки». Если кому покажется, что наш «букет» больше похож на «венок», — извините.

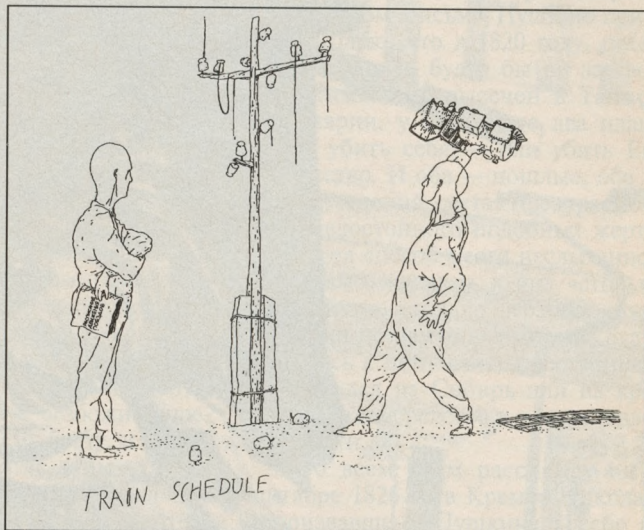
● Самарская областная универсальная научная библиотека выпустила роскошный библиографический указатель «Литературное семейство Аксаковых» (составители Э.Базилевская и А.Мартинюк). Здесь тщательно запротоколировано все, что выходило из-под пера семи представителей славного рода, и все, что о них писалось, — с 1821-го по 1991-й!

● Если книжка скучная — можно снабдить ее авторитетным предисловием, украсить ярким супером, сочинить броскую аннотацию. А вот еще способ: поставить на форзац фирменный знак легендарного издательства «Academia». С какой стати — непонятно, зато звучит. Именно так вышла книга стихов Сильвы Капутикян «Идет зима»: «В сумбуре мира, в корчах суеты!// Тяжелый крест несешь не только ты.// Я свой несусь, и ты свой донеси.// Мы все сегодня чуточку манси...»

● Даже к финским скалам бурным обращался с каламбуром французский пересмешник Раймон Кено. Его «Голубые цветочки» — очередной прокол серии «Мастера мировой литературы XX века» (изд-во Сабашниковых). На 90 процентов текст состоит из таких вот наворотов: «— Или забудутся до того, что воздвигнут буддуар. А то и вовсе оконфузятся, соорудив какую-нибудь конфуциальню». Приходит в мысль: что если это детская литература, да и дурная?

● Трогательный трамвайчик украсил обложку литературного альманаха «Кольцо «А», выпущенного Союзом писателей Москвы и издательством «Московский рабочий». Нарисовал «Аннушку» художник Владимир Медведев.

● Кагор и кокур, портвейн и херес, и даже сивуху по кличке «Солнечная долина» умудрился воспеть Василий Рыков в стихотворном сборнике «В гостях у Диониса», посвященном 140-летию одноименного завода (изд-во «Таврида», г. Симферополь): «Горчит, как волна океана,// Ее поцелуй на устах.// Она и легка, и желанна,// И всякой слащавости враг». С трех раз не угадаете: мадера!

АЛЕКСЕЙ ЧЕРВЯКОВ

● Трагически оборвалось издание «Страданий юного Вертера» путем односторонней переписки. Послав первые письма в соответствии с датами, проставленными самим Гете, издательство «ИМА-пресс» выдохлось и последние послания доставляет своим поклонникам пачками: штук по тридцать. Остается надеяться, что очередным проектом «ИМЫ» будет издание чапековских «Рассказов из одного кармана» (рассылка — вместе с пиджаком), «Рукописи, найденной в Сарагосе» (с вложенным авиабилетом) или, наконец, «Сундучка Милашевича» (вместе с сундучком).

● Впервые в России издан сборник стихов Владимира Смоленского. Координировал усилия Фонда культуры, Дома Цветаевой, изд-ва «Праминко» и фонда «Инесса» первый в стране спец по Смоленскому Виктор Леонидов. Иванов горчит в каждом стихе, впрочем, добродушные современники заносили это в плюс, а равнодушным потомкам все равно какой свежести осетрина. Обложка же книги так тускла, что вычленить ее в нашем поэтическом многолюдье можно только по sacramentalному названию: «Жизнь ушла, а лира все звучит...».

● «Книгой года» назвали слушатели «Эха Москвы» выпущенный «Прогрессом» второй том антологии «Из сокровищницы русской религиозно-философской мысли» (составитель — Н.Гаврюшин). В ней собраны замечательные работы Е.Трубецкого, В.Розанова, М.Тареева и других. Самое потрясающее в книге — название: «Смысл жизни»!

Пушкин как царь

«Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи». Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: «Я читал вашу оду «Свобода». Она вся писана немного сбивчиво, слегка обдуманно, но тут есть три строфы очень хорошие». <...> «Ах, ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3-ю и 6-ю песнь «Руслана и Людмилы», ежели не всю поэму, или 1 часть «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан». «Онегин» печатается: буду иметь честь отправить 2 экз. в библиотеку вашего величества к Ив. Андр. Крылову, и если ваше величество найдете время...» — «Помилуйте, Александр Сергеевич. Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай...»*

«Воображаемый разговор с Александром I», текст, сочиненный 170 лет назад в Михайловском, прочитывается сегодня или как политический памфлет, или как невинный пустяк. Его запросто можно выдать за один из пушкинских анекдотов Даниила Хармса: уже то, что разговор — воображаемый, как бы изначально исключает отношение к нему всерьез. А в придачу — эта прямота, с которой царь задает вопросы, и Пушкин на них отвечает: кажется, что не только разговор, но и собеседники — воображаемые. Скоморохи балаганные, Арлекин и Пьеро какие-то, а не император Александр I и его тезка, первый поэт России.

Да вот еще и концовка, сущая буффонада:

«Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами».

Ай да Пушкин, ай да сукин сын? В спектакле о Пушкине на Таганке, помнится, «Воображаемый разговор» именно так, в балаганном духе, и разыгрывался; тоже и в мультфильме Хржановского и Норштейна представлен был раёк.

Меж тем — ежели этот текст лишь безделица и шалость — с чего бы автору корпеть над ним, как над стиха-

ми, испещряя многочисленными поправками и переделками? И с чего бы оставить потомству два прямо противоположных варианта самого важного момента воображаемого разговора? В черновике царь замечает Пушкину: «Вы старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы; вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже в царях». В окончательном варианте Александр I судит Пушкина куда как снисходительно: «Поступив очень неблагоприятно, вы, однако ж, не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы уважили правду и личную честь даже в царях».

Ответ на вопрос не исчерпывается тем, что для Пушкина плоды вдохновенья, воображенья — отклик на повеление Судьбы не в меньшей мере, чем тот или иной поступок; что творческий акт для него — факт исторический.

Поздней осенью 1824-го он ожидает новых гонений. Отец, встревоженный ссылкой неупутевого Александра в Михайловское, вначале «беспреестанно твердил, что и его ожидает та же участь», затем взял на себя труд перлюстрировать его письма, затем принялся упрекать в безбожии, преподаваемом младшему брату, и запретил Льву общаться «с этим чудовищем, с этим вырожденком», а завершил — обвинением в покушении на отцеубийство. «Обвинение отца известно всему дому, — извещал Пушкин Жуковского 31 октября. — Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться — дойдет до правительства, посуды, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я hors la loi*...» Месяц спустя в письме к брату, уехавшему из Михайловского в Петербург, он умоляет его поторопить Карамзина и Жуковского с хлопотами перед Александром I, с тем чтобы государь как-то определил его положение: «Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надеялся на перемену судьбы моей, но со мной он поступил не только строго, но и несправедливо. Не надеясь на его снисхождение, надеюсь на справедливость его».

«Признайтесь, — спрашивает царь в «Воображаемом разговоре»,

— вы всегда надеялись на мое великодушие?» «Это не было бы оскорбительно Вашему Величеству: вы видите, что я бы ошибся в моих расчетах», — как на духу отвечает Пушкин...

Он не ждет от царя «помиловки» — он желает лишь решения своей участи. Он не суда страшится — лишения чести, и просит друзей не себя — только честь спасти, любой ценою, «хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем».

Невольник чести, он и весь следующий год проживет в ожидании объяснения с царем и уже совсем незадолго до смерти государя сделает новую попытку пусть воображаемого (письмо так и не было отправлено: оно просто не дошло бы до адресата), но откровенного разговора с ним. В этом письме Пушкин признается царю, что в 1820 году, после сплетни о том, будто бы он за свои эпитаграммы был высечен в Тайной канцелярии, у него было два плана мести: убить себя — или убить Его Величество. И оба — пошлые, оба — в угоду мнения света, презираемого им и недостойного подобных жертв. Он нашел способ мести неслыханной — стихами: вложить в них «столько неприличия, столько дерзости», что обидчики попросту вынуждены будут отнестись к нему как к преступнику. «Я надеялся на Сибирь или на крепость как на средство к восстановлению чести...»

Обо всем этом расскажет он в сентябре 1826-го в Кремле Николаю I, призвавшему Пушкина к себе из ссылки, сразу после коронации. Расскажет и о том, что, случись ему оказаться в прошлом декабре в столице, — вышел бы на площадь вместе с бунтовщиками, связанный с ними не образом мысли, но узами дружбы и чести. И — совсем как в сценарии разговора с покойным Александром — предложит его младшему брату-царю прочесть стихи, не какую-нибудь «детскую оду», а самое что ни на есть крамольное, почти никем еще не читанное, с пылу с жару, и царь оценит его прямоту, и скажет ему: «Отныне я буду твоим цензором» — и выведет из кабинета держа за руку, и представит челяди, гадающей в прихожей: тюрьма? сума? — как *своего* Пушкина.

Н адо еще оценить эту встречу, о которой, впрочем, много написано (хотя мало известно). Правнук Петра Великого — и правнук арапа Ганнибала, оба удивитель-

* Из книги «Пушкин как наше все». См. «Столицу» № 7 за 1992 год, № 10 за 1993 год и №№ 15 и 19 за 1994 год.

* Вне закона (*фр.*).

но похожие внешне на своих пращуров. Но и еще: Николай Романов — и Пушкин, шестеро предков коего «подписали избирательную грамоту! (в 1613-м. — М.П.) да двое руку приложили за неумением писать!..». Еще год назад в письме Дельвигу он восклицал: «А я, грамотей потомок их, что я? где я...» — и вот он где (и с кем)!

«Мысль быть сподвижником великого человека и совокупно с ним действовать на судьбу великого народа возбудила в нем в первый раз благородное чувство честолюбия», — напишет он вскоре об арапе Петра Великого; но и не о себе ли также?

«Быть сподвижником великого человека...» Миссия поэта — и долг рыцаря, дворянина с древней родословной.

Понять ли нам Пушкина — нам, ухитряющимся ежеминутно сочетать в делах и словах девизы «Кабы я была царица» и «До бога высоко, до царя далеко», мечущимся меж двух станов под лозунгами «Кровавый палач» и «Гарант конституции»; нам конечно же не понять, как это он в одночасье написал «Во глубине сибирских руд» и «В надежде славы и добра», как он мог дружить с Мицкевичем и опуститься до пиесы «Клеветникам России» и как после «Истории Пугачева» могла быть сочинена «Капитанская дочка».

И мы чувствуем себя вправе, открестившись от большевистского прочтения строки «Октябрь уж наступил...», подозревать Пушкина уже в пошлом верноподданничестве и, стало быть, в неискренности — там, где он кроет и Александра и Николая Павловичей в хвост и в гриву.

Мы убеждены, что не про нас написано им это:

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

И это — тоже не про нас:

*Поэт! не дорожи любовью
народной.*

«Памятник», давно всем опостылевший, очищается вмиг от слоев лоска и обнажает благородную патицу (именно этим сейчас заняты реставраторы на Тверском), если прочитывать «подражание Горацию и Державину» параллельно с сонетом «Поэту»: «Ты царь: живи один... не требуй наград... они в самом тебе...»

У академика Алексеева в его пухлом томе, посвященном «Памятнику», десятки страниц отданы комментарию к строке четвертой, насчет «Александрейского столпа». Говорится обстоятельно и о том, что 25 августа 1834 года Пушкин выехал из Петербурга, за пять дней до торжественного открытия Александровской колонны, нарочно чтобы «не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — своими товарищами», «молокососами 18-летними»: в качестве Пушкина, поэта и историографа — еще куда ни шло... Подоплека самоволки сведена к тому, что, во-первых, Пушкин не любил того, в чью память был сооружен монумент, и, во-вторых, тяготился своим камер-юнкерством. Но было для бегства из столицы и еще немаловажное основание.

Торжество, с его точки зрения, было неприличным. Как и очень многое другое, старательно зафиксированное им в последние месяцы в дневнике, — что видели все и что заставляло краснеть, кажется, его одного: «Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шляфорке, кого без шарфа. <...> Он поражен мыслию об упадке гвардии. Но какими средствами думает он возвысить ее дух?»; «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет»; «Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы петербургского дворянства: княгиню К.Ф.Долгорукую и графиню Шувалову. Первая — наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т.е. очень неблагопристойная»; «Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом, особенно в настоящее время, бедное и бедственное»; «Кочубей и Нессельроде получили по 200 000 на прокормление своих голодных крестьян. Эти четвереста тысяч останутся в их карманах»; «Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника. <...> Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на полмиллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?..»

Он бежит со стыда из столицы, чтобы не красоваться у подножия колонны, возведенной на деньги из государственной казны, — и нарывается в Тарутине на пьяных ямщиков,

которые его едва не убивают. «Какие мы разбойники? — возражают мужички храброму барину. — Нам дана воляность, и поставлен столб нам в честь». Незадолго до этой замечательной встречи граф Румянцев в память победы под Тарутином в 1812 году освободил своих крепостных, оставив за ними землю, с условием, что за их счет построена будет памятная колонна с надписью: «На сем месте российское воинство, предводимое фельдмаршалом Кутузовым, спасло Россию и Европу». Что мужички и исполнили. «Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее, — замечает Пушкин. — Я доволен с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет...»

Из огня да в полымя; из «свинского Петербурга», «нужника» (как именует он Зимний дворец) — да в авгиевы конюшни русской провинции. И привыкнешь поневоле к вонии — да как-то срамно. И чернь ничуть не чище царедворцев. Нессельроде с Кочубеем прикарманят четвереста тысяч, отпущенные на прокорм крестьян, а те, в свою очередь, если «узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода».

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу...*

Ты царь: живи один...

И до и после Пушкина русские писатели не жаловали своих царей; но, кажется, он один задумывался об одиночестве на миру любого из них и в оценке правления каждого исходил не из политических обстоятельств, а из понятия государя о чести и правилах приличия. Как скоро разлюбил он, между прочим, и Наполеона, прочитав в конце 1824-го (опять мы возвращаемся к дате «Воображаемого разговора») «Записки Бертрана и Монтолона» о пребывании Бонапарта на острове Св. Елены: «На своей скале (прости боже мое согрешение!) Наполеон поглупел — во-первых, лжет как ребенок, 2) судит о таком-то (т.е. об Александре I. — М.П.) не как Наполеон, а как парижский памфлетер...!» Он все готов простить любому из монархов, кроме потери достоинства. Любопытны здесь выражение «на своей скале» и

молитва в скобках следом за этими словами: «скалой», «каменным островом», «Патмосом» Пушкин, еще с южной ссылки, любил называть места своего добровольного или невольного отшельничества, отрешенности от «шума столицы и двора». Каменный остров Патмос — место, где апостол Иоанн в ссылке писал свое Евангелие и Апокалипсис. Шутка шуткою, но и в шутке есть доля истины: вот по какому высокому счету судит он и себя, и царей.

Каким только «Палкиным» не именовали Николая Павловича — но один Пушкин оценивал его поведение в свете и на людях, в толпе с точки зрения п р и л и ч и я . Да хоть и при двух-трех свидетелях! чего стоит, допустим, анекдот о поведении Николая в день казни декабристов: «Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец. Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фрейлина подняла платок в память исторического дня».

Если государь не может быть величествен (как Петр) или романтичен (как Павел), то, во всяком случае, он не может быть смешон.

«Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. <...> Чернь перестает скоро бояться таинственной власти и начинает тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его как необходимого обряда. Дольше государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражений. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя...» — записывает Пушкин в дневнике не в самую позорную для Николая минуту — когда он проехался по военным поселениям после подавления «холерных бунтов».

Не дорожи любовью народной...

В пору написания «Воображаемого разговора» и ожидания вероятной встречи с Александром в одном из писем он перефразирует известное посвящение Карамзина на титуле «Истории Государства Российского»: история народа принадлежит поэту. Не царю. Истина — выше царя.

Это Державин в своем «Памятнике» числит одной из заслуг своих перед историей то, что он «истину царям с улыбкой говорил». Говорил свободно, незлобиво, согласно этикету.

При Пушкине от этикета следа не осталось. Он об этом тоже писал — и скорбел. И истину царям не «с улыбкой говорил» — вешал, как власть имущий.

«С Божией стихией царям не совладеть» — и они, мало что встречая ее лицом к лицу, думать о ней боялись. Приведенные стихи из «Медного всадника» — в числе вычеркнутых при просмотре «высочайшим цензором».

Пушкин с «Божией стихией» был накоротке, как библейские цари и пророки. Войны, землетрясения, наводнения, чума, мужицкий бунт пленяли его не менее, чем любовные таинства.

И в письмах, и в дневниках, и в автобиографических записях стихийные бедствия следуют у него через запятую с государственными потрясениями и личными невзгодами. И он, отнюдь не суеверно, видел меж всем этим связь.

Его знаменитый рапорт Воронцову о саранче: «Летела, летела и села; сидела, сидела, все съела и вновь улетела», воспринятый графом как злая шутка, в действительности — грозная цитата из ветхозаветной Книги Исхода, рассказ об одной из Напастей Божиих на фараона и землю Египетскую. Цитата эта потом всплывает в «Полтаве», в апокалиптическом описании поля боя: «И падшими вся степь покрылась, //Как роем черной саранчи».

Повествуя об усмирении Николаем I «холерных бунтов», он вспоминает, как в конце 1826-го, вернувшись в Михайловскую темницу свободным, после встречи с царем, он вел долгие разговоры о холере и ее предвидимых последствиях с А.Н.Вульфом: «В дальнем уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно, одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделается мыслию всей Европы». Эта запись, помещаемая по привычке в томе автобиографических материалов, в действительности — начало прозаического сочинения, примыкающего к «Повестям Белкина» и, безусловно, предназначенного для публикации.

Для чего же и писать — ежели не для напечатания, прочтения? Обретая «высочайшего цензора» (и читателя), он начал работу над историей Алек-

сандра I, намереваясь описать ее «пером Курбского». Продолжая воображаемый — так и не состоявшийся въев разговор. Судя покойного государя как равный и даже выше, ближе к Истине стоящий современник. Услыхав о смерти Аракчеева, он посетовал: «Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться». Зато еще жив Сперанский — и, отвечая комплиментами на комплименты Пушкина («Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага»), советует ему писать историю своего времени. Живы еще и свидетели и соучастники убийства Павла I — и Пушкин ходит за ними по пятам, выдавливая из них по капле то, что вот-вот уйдет в могилу. В песок. А здание, возведенное на песке, как известно, непрочно.

«Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут...»

Как мальчик с пальчик Нильс в сказке Лагерлёф (ему предсказано было, что он обретет свой истинный рост, не сняв шляпы перед королем) стоял перед статуей бронзового короля в картузе на голове деревянного шкипера, под его матросской шляпой, — так и Пушкин, видевший на своем веку трех царей, ни перед одним не ломал шапки, стоя на голове «шкипера славного», духовного своего сродника (Петр был крестным отцом арапа Ганнибала — Пушкин об этом вслух не любил, но в памяти держал):

*Сей шкипер деду был доступен.
И сходно купленный арап
Возрос, усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб...*

Иной раз думаешь: а что если бы в 1613-м на царство венчан был не Михаил Романов, но кто-нибудь из восьмерых бояр Пушкиных, с куда как знатной родословной? Или: если бы царский арап Ганнибал женился, по прихоти своего крестного, не на бедной гречанке — на царской дочке?

Как бы повернулась вся наша история! Какой славный государь родился бы в мае 1799 года! Кто правил бы нами сегодня!

И каковы были бы мы!..

Фотоколлаж Максима Гудкова

Игра в жмуриков

«Запахните Стефани в мусоросжигатель», США, реж. Дон Хардо

Фильм-загадка, фильм-кроссворд. С похищениями, переодеваниями, смертями и кровью. Но самое поразительное, что все персонажи, затеявшие эту игру со зрителями в детективно-любовный треугольник, остаются в конце концов живенькими и здоровенькими. Пересказывать самые неожиданные повторы сюжета значит испортить вам удовольствие, которое вы, несомненно, получите от того, как ловко и элегантно дурачат вас создатели этой ленты.

Надо быстрее на вираже

«Скорость», США, реж. Ян Де Бонт

Трюковый боевик. Полицейский из подразделения по борьбе с терроризмом гоняется за маньяком — своим бывшим коллегой, поочередно пытающимся взорвать то лифт, то автобус, то поезд. Трюки впечатляют, персонажи ни капельки, ибо служат лишь подсобным материалом для полетов, падений, гонок. Единственный живой персонаж — этот самый маньяк в исполнении Денниса Хоппера. Наверное, поэтому ему и отрывают голову.

Ребятам о зверятах

«Заварушка с обезьянкой», США, реж. Франко Амури

Забавная детская лента о приключениях маленькой девочки и обезьянки, которую злодей-хозяин заставляет воровать драгоценности. А девочка ее переучивает на разные смешные, но не уголовно наказуемые кунштуки. Впрочем, сие кино не противопоказано и взрослым, особенно если они являются поклонниками телепередачи «В мире животных».

Джек Николсон

Дай, Джек, на счастье лапу ей

«Волк», США, реж. Майк Николс

Давненько не видал на экране Джека Николсона. Постарел он изрядно и облысел, но по-прежнему чертовски неотразим. Даже когда обрастает на глазах шерстью, превращаясь в волка, и с хрустом перекусывает горло несчастной козуле, а потом рвет пасть — в буквальном смысле этого слова

— молодому сопернику-оборотню. Вот и холодноватая Мишель Пфайфер не устояла... Более того, слегка укушенная в порыве страсти неумолимым Николсоном, и сама в финале обернулась волчицей. И, судя по всему, эта счастливая волчья стая (волчатки скоро народятся) будет еще долго вить по ночам на луну и носиться по лесу, благо размеры пфайферовского родового поместья позволяют. А уж сколько там ручных и вкусненьких оленей...

Рубрику ведет Петр СМЕРНОВ

Тюремный роман

«Конвой», США, реж. Деннис Хоппер

Мелодрама с элементами комедии. Два военных полицейских конвоируют заключенного. Один из них старый служака — суровый, но в душе добрый. Другой — молодой и жуликоватый, но тоже хороший. А зэк — баба. Красивая, но несчастная. Самое интересное в картине — дорожные приключения и взаимоотношения этой тройцы. Самое банальное — хеппи-энд, в котором двое пьют разноцветные коктейли на Багамах, а третий наслаждается жизнью в отставке. Том Беренжер — крепкий актер, но из второго ряда. Деннис Хоппер — крепкий режиссер, но из того же ряда. Куда лучше он оказывается в качестве актера. Доказательством чему и служит фильм, о котором я упомянул ранее, — «Скорость».

Беременная бабушка

«Ребенок новобрачной», США, реж. Билл Бексби

Семейная драма, убедительно доказывающая, что все возрасты покорны не только любви, но и деторождению. Мать четверых взрослых детей и дважды бабушка выходит замуж и обнаруживает (см. название). А у детей масса проблем: кто-то остается без работы, кто-то разводится, кто-то, наоборот, никак не может выйти замуж, а одна из дочерей и вовсе ждет ребенка неизвестно от кого. Героиня помогает всем словом и делом, а в финале рождает вместе с дочерью, став таким образом пятирежды матерью и трижды бабушкой. Мило и сентиментально, а главное, выгодно отличается от «мыльных опер» своей односерийностью.

Тогда, в тысяча девятьсот двадцать третьем...

Юр. КАМЕНСКИЙ

В двадцать третьем году мы с Лелей поехали отдыхать в Крым. Нам хотелось побывать в достопамятных местах — Феодосии, Симферополе... Они тревожили и притягивали нас. Прошло ведь совсем немного с тех пор, когда в то жестокое и романтическое время — в девятнадцатом и двадцатом годах — мы, совсем молодыми, жили в этих городах и любили друг друга. Хотя, казалось бы, было не до любви: ведь я работал в подполье и утром не знал, буду ли жив к вечеру.

Так вот, тогда, в августе двадцать третьего мы решили остановиться в Феодосии — там и жили дольше, и именно там смерть с занесенной косой стояла передо мною, а Леля своей слабой, нежной рукой заставила ее опустить косу.

В Феодосии мы остановились в доме отдыха Украинского ЦК — бывшей даче Суворина, куда я настойчиво просил нас направить. На даче в разные лета девяностых годов прошлого века гостил Чехов. Почему это было для меня важно, объясню ниже в небольшом отступлении.

В июне четырнадцатого года в день рождения светлой памяти мой дядя, тоже Иона (в его честь я и получил свое имя), подарил мне полное собрание сочинений Антона Павловича Чехова. Дядя наставил меня, как мне, тринадцатилетнему подростку, читать классика — с чего начинать, что выбирать для продолжения...

В те мои годы я не понимал, почему меня захватывает Чехов, ведь подросток не может объяснить, почему пленяют его стихии природы: земля, вода, воздух, огонь. А чеховская художественная проза тоже стихия, сотворенная человеческим духом — высшим выражением природы. И мне хотелось читать и читать томики Чехова в мягких темно-желтых переплетах, бумага была с налетом легкой сероватости — издание дешевое — приложение к журналу «Нива». Да... читать и перечитывать. Я переселялся в стихию чеховского рассказа или повести и жил в ней активным неммым участником.

Какое счастье, что Антон Павлович оставил после себя много писем! Они открывали мне его. Я понял — у Чехова нет раздвоения личности, он один и в жизни, и в литературе. Если он интеллигентен в своей прозе, то интеллигентен и в повседневности, если он пишет о любви к человеку, то этой любовью пронизана его жизнь (врачебная и земская деятельность) и так далее, и так далее...

Вот почему отдыхать в Феодосии мне хотелось, а вернее, нам хотелось (и Леля любила Чехова), на бывшей даче Суворина.

После полудня роскошного августовского дня наш фэтон, запряженный парой, остановился у узорчатых чугунных ворот дачи. Я вышел из экипажа, показал дежурному путевки, и он, упираясь руками в чугуину одной, а потом второй половины ворот, без усилия развел их. Колеса нашего фэтона заскрипели по гальке кипарисовой аллеи, и мы подъехали к дому.

Так же вот и Чехов около тридцати лет назад въезжал по этой аллее, останавливался у этого светлого двухэтажного дома, на него смотрели эти широкие окна под высокой свет-

ло-коричневой черепичной крышей, подобной той, что покрывает китайскую пагоду. К гостю спешил Суворин: он выходил из вон той парадной стеклянной двери, пересекал просторную полукруглую террасу, спускался по четырехступенчатой каменной лесенке и, подойдя к Чехову, может быть, говорил:

— Антон Павлович, милый, с приездом! Заждались...

Наверное, они целовались три раза, шли в дом, сзади лакей нес саквояж, и попадали в просторные, затененные, прохладные в жару комнаты. Вот так, как мы с Лелей.

Очень возможно, что и тогда, как в наш приезд, тоже стоял августовский день — жаркий, но не томительный, у моря, лежащего темно-синим огромным полотном ниже дачного парка, он заканчивался обрывом, зарождались прохладные воздушные токи, подымающиеся кверху, чтобы затем пронизать и дачный парк.

Вихляют дорожки аллеек, покрытые галькой, путаясь между кустами тamarиска, сирени, жимолости, стволов акаций, платанов, кипарисов... На листьях кустов, земле — закрученные спиралью трубчатые существа — улитки. А в разных местах парка перекликаются горлицы: уу-у, уу-у...

В доме обитало десять—пятнадцать человек, как иногда, работников Украинского ЦК, губкомов, горкомов, не ниже.

Вот и Павлин Иннокентьевич Трапезников из Чернигова, с которым мы подружились, работал секретарем горкома, занимался идеологией. Среди других отдыхающих он выделялся своим иконописным, в то же время подвижным, улыбочатым лицом и высоким ростом. Мне и Леле казалось, что с такой внешностью Трапезникову впору надеть поповскую рясу и читать с амвона проповедь.

— Вы не из духовной среды? — как-то спросил я у Павлина Иннокентьевича.

— Что вы, Иона Захарович, — мы из крестьян Ивановской губернии. Деревня наша неподалеку от уездного города Шуи.

Однажды мы с Трапезниковым стояли в теплой черноте августовского вечера над морем, не видя, но слыша его. Прибой шуршал равномерно, умиротворенно. Высокие звезды хаотично и густо насыщали небо. Восторженное молчание охватило нас. Трапезников медленно поводил головой по сторонам, подымая ее кверху, неожиданно сказал:

— Мироздание...

— Мироздание, — повторил он и как-то отрешенно прозвучало: — Божественно...

И, спохватившись, поспешил защититься:

— Так бы непременно сказал человек верующий.

— То есть вы, — невольно высказался я.

Он не ответил. Мне стало стыдно — будто поймал его на слове и рад этому. Молчание Трапезникова продолжалось, а я корил себя все больше.

Павлин Иннокентьевич заговорил тихо, спокойно, с достоинством:

— Да, я верующий и, мало того, — сын священника. Вы были правы. Никто не знает об этом, кроме жены. Ее родители тоже духовного звания. Мог бы утаить это и от вас, но вот не сделал... Я в ваших руках, Иона Захарович.

Я был растроган, подавлен и молчал. По-прежнему шуршал прибой.

— Павлин Иннокентьевич, я не воспользуюсь этим. Все рассказанное вами останется во мне. Спасибо, что поверили.

Я сдержал слово. Однако вот написал же об этом, скажет кто-то по моему поводу. Да, но ведь давно нет на свете ни Трапезникова, ни его жены. Они погибли в тридцать восьмом.

— Трудно мне жить, Иона Захарович.

— Я понимаю вас. Мягко говоря, вы идеалист, Павлин Иннокентьевич, а должны проповедовать материализм.

— Да, постоянное двоедушие — это мучительно. Пойду учительствовать. Вместе с женой. Она преподает русский. Я начинал на естественном факультете, кое-что помню. Буду учить школьников физике.

— Павел Иннокентьевич, как же вы к большевикам попали?

— По доброй воле, в восемнадцатом. Хотелось активно помогать людям, а не через проповеди, к чему призывал отец — священник. Он советовал следовать по его стопам: стать священнослужителем.

— В школе вам будет легче, — сказал я, смотря в сторону моря. — Павлин Иннокентьевич, сейчас такой вечер, что впору говорить, как выражаются ваши единомышленники, о духовном. Вы слышали о флюидах?

— О да, конечно!

— Я, Павлин Иннокентьевич, априори убежден, что толкование этого понятия у нас различно. Для нас, материалистов, флюиды — это жидкие или газообразные легкоподвижные компоненты то ли магмы, то ли циркулирующих в глубинах земли растворов, насыщенных газами. Для вас же, верующих, как я слышал, флюиды — это нечто мистическое, в частности, излучения души умершего человека, которая живет вечно, витает в небесах, появляется в доме, где когда-то он жил. Мистика какая-то...

— Вы не правы, Иона Захарович. Для меня флюиды — это понятие и физическое, то, с чем вы согласны, но и духовное понятие, то, что вами отрицается, называется мистикой.

Разве вы не чувствуете здесь, на суворинской даче, в доме, где мы живем, в парке, где гуляем, совершенно особую атмосферу, атмосферу былых времен. Вас охватывает дух благородства, интеллигентности и, если хотите, деликатности... Да, душа человеческая — бессмертна, и от нее исходят токи флюидов. Они наполняют пространство, где прежде обитал человек.

— Да, чувствую эту атмосферу, — сказал я. — Но ведь это не по тем причинам, которые вы приводите. Хотел бы пояснить вам. Я прочел всего Чехова, много книг писателей конца прошлого века и начала нашего. И вот такой человек, как я (замечу — тоже из того времени, я родился в 1901 году), обладающий неумным воображением, попадает в наши условия. Разве эта личность не ощутит атмосферу тех лет, когда здесь жили Суворин и Чехов?

— Вы безнадежный материалист, — сказал Трапезников с укоризной. — Но попали вы не в этот дом, а, предположим, в макет суворинского дома, выстроенного, скажем, для предполагаемого музея Чехова, то не почувствовали бы духа той эпохи. Ведь макет свободен от флюидов. Там бы не витали души людей — они никогда не жили в макете.

Трапезников стал вдруг раздражать меня. Я сказал с некоторым вызовом:

— Если бы этот ваш музейный дом явился точной копией суворинского дома, то эффект для меня оказался бы таким же.

Должно быть, уловив мое раздражение, Трапезников поспешил мне навстречу:

— Весьма возможно, весьма возможно. Не желаете ли пойти в дом. Вероятно, сейчас уже довольно поздно.

Поднимаясь на террасу дома, я думал о разговоре с Трапезниковым, и какая-то досада ныла во мне: было ощущение, что он одолел меня, хотя словно бы и согласился со мною.

II

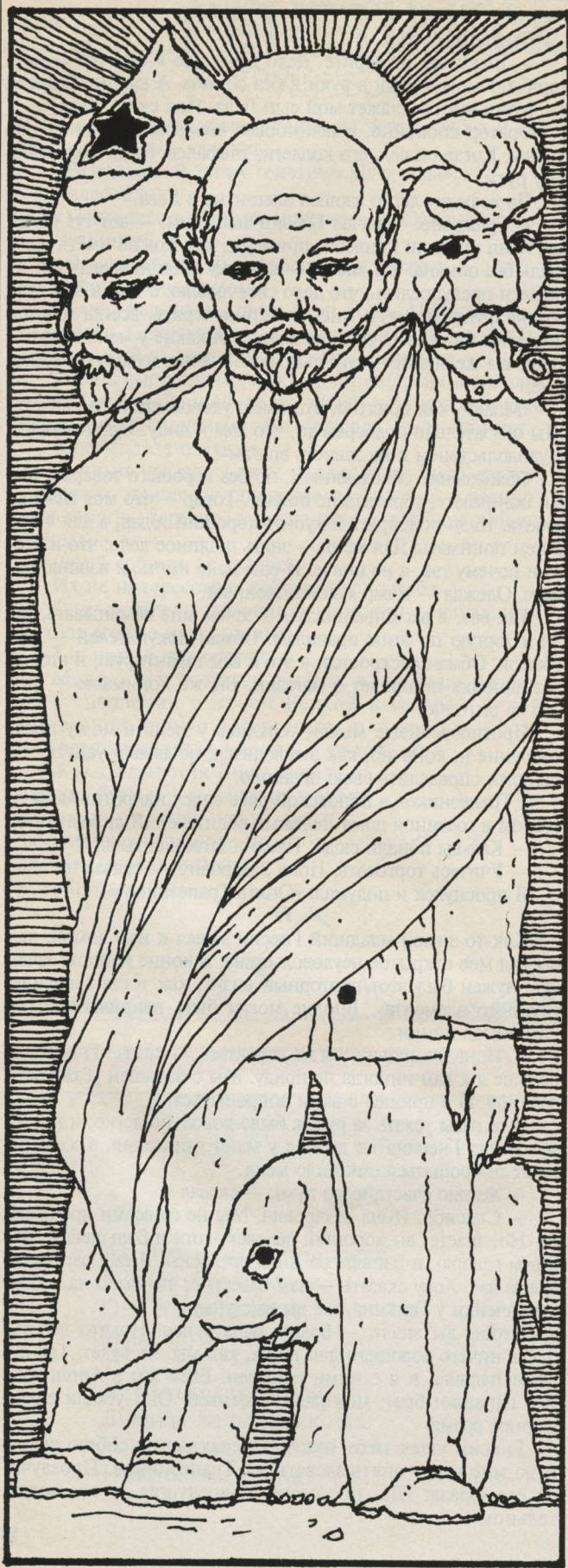
После Феодосии, по пути домой в Харьков, мы заехали к Лелиным родителям в Екатеринослав. Леся скучала по ним, трехкомнатному домику, где она родилась.

Нынешняя спальня была ее детской. Теперь там раскрыла свои просторы двуспальная кровать, застеленная шелковым покрывалом салатного цвета. С разных сторон кровати ее сторожили пузатые ночные тумбочки на гнутых ножках. В память о том, что здесь жила Леся, в центре родительского ложа сидела ее любимая кукла Катя. В столовой-гостиной стояли стулья с высокими спинками и мягкими сиденьями, обитыми черной кожей, вокруг овального обеденного стола с темно-коричневой лакированной столешницей, обширный, чуть ли не во всю стену, двухэтажный буфет из красного дерева с зеркальным стеклом на дверцах второго этажа; за ними молочно светились фарфоровые чайный и кофейный сервизы. Чашки, кофейники, чайники, кувшинчики перемежались с одиночными и групповыми статуэтками — галантными кавалерами в камзолах, приглашающими дам в кринолинах к танцу, парами, музицирующими на фортепиано и скрипке... Добрую четверть кабинета Лелиного отца занимал широченный двухтумбовый письменный стол, придвинутый к окну. На его зеленом суконном поле справа стоял огромный глобус, слева морской компас в медном корпусе, зажигающийся от солнца, когда оно сюда заходило, в середине — белый с черными прожилками мраморный письменный прибор с двумя чернильницами. В остальном поверхность стола была пуста. Перед ним манило в свой покой глубокое черное кожаное кресло, и слева от него изящно выгибался венский стул. По стенам — застекленные книжные шкафы, и один с коллекцией камней. На них белели полоски бумаги с названиями.

Да... Вот таким был дом, дом родителей моей жены — Анастасия Остаповича Степового — учителя географии, был он им и до революции, и дворянки Лидии Дмитриевны (это было мое уязвимое место), выпускницы института благородных девиц, бывшей гувернантки в богатых семьях. Тогда же, в двадцать третьем она давала частные уроки нэпманским детям.

Этот дом тестя я, между прочим, защитил от слишком ретивых ревизиторов из Екатеринославского губкома. Хорошо что у меня были добрые отношения с товарищами из орготдела ЦК компартии Украины, где я работал заместителем заведующего отделом торговли. А если бы — нет? Мне было хорошо здесь: я просто отдыхал в этих комнатах, как говорится, душой, чувствуя атмосферу обожания своей дочери матерью и отцом. Ответ этого обожания каким-то образом ложился и на мою личность.

Невольно подумал о Трапезникове — не сомневаюсь, здесь в доме Степовых, таком интеллигентном, доброжелательном, он заговорил бы о флюидах, как тогда на даче Суворина: «Разве вы не чувствуете в доме особую атмосферу? Вас охватывает дух благородства, интеллигентности и, если хотите, деликатности...» Он сказал бы так или что-нибудь в этом духе. Я, собственно, и не забывал о Трапезникове. Его сильный интеллект тревожил меня, я испытывал симпатию к нему и искренне желал Павлину Иннокентьевичу освободиться от двоедушия. Пробыв в Екатеринославе несколько дней, мы уехали домой.

III

В Харькове мы с Лелей жили на Пушкинской улице в двухэтажном доме, которым до революции владел успешно практиковавший врач Забельский. Мы занимали во втором этаже трехкомнатную квартиру с проходными комнатами. Во дворе стоял довольно длинный одноэтажный флигель; ко двору примыкал палисадник с фонтаном и беседкой — этаким тяжеловесным произведением губернского архитектора: две толстенные колонны, поддерживающие непропорционально маленький треугольный фронтон.

Народ здесь жил разный: слева от меня — семья крупного инженера Гузикова, справа — партийного работника Нуринова, в первом этаже моего дома была контора, во флигеле — семья служащих, кустара, адвоката, музыканта, и одну комнату занимал холостяк нэпман Гнесин.

Меня в ту пору очень интересовал нэпман как социальный тип — представитель совершенно нового явления в нашей жизни.

— Интересно, а как к этому относится Трапезников? — подумал я. Его образ, что называется, возникал во мне неожиданно-негаданно. Он обрел надо мною власть как бы духовного советчика.

Для некоторых партийцев резкий поворот Ленина к нэпу был трагичным. Измена революции! Возврат к капитализму! За что боролись? И протест — пуля в висок.

У меня таких эмоций нэп не вызывал. Я очень верил Ленину, много читал Плеханова, было раньше немало товарищей среди меньшевиков, и, вольно или невольно, как я теперь понимаю, все это откладывалось в закоулках сознания и опосредованно влияло на меня. Я не отвергал идею нэпа. И, возможно, теперь понятно, почему меня интересовал нэпман в нашей жизни.

Гнесин — плосколицый, плотный, светлых тонов мужчина с уходящими от собеседника глазками.

— Мое почтение, товарищ Каменев, — неизменно уважительно кланялся он мне, когда встречались во дворе. Мы, жильцы, попадали в свои квартиры через двор.

— Здравствуйте, гражданин Гнесин, — отвечал я ему.

Как-то он заметил:

— А вот вы меня ни разу «товарищем» не назвали. Понимаю — гусь свинье не товарищ.

— Вы ведь знаете, Лев Григорьевич, товарищами друга называют партийцы, а «гражданин» — обращение повсеместное.

— Ох, не так, не так, Иона Захарович. Это потому, что мы — нэпманы. Как говорят партийцы — ваши классовые враги. И папаша мой это подтверждают.

Я видел несколько раз отца Гнесина. Они были похожи. Только старик — пониже и потолще. Он держал магазин готового платья. А молодой Гнесин имел свое дело — торговал дамскими шляпами. И, наверное, правильно выбрал сферу применения своих сил — торговля шла бойко. Его магазин слыл у покупательниц чуть ли не лучшим в городе, и шляпы, по полусхлупивым словам Лели, были «парижским шиком». Она утверждала, что у Льва Гнесина высокий вкус.

Лева, как говорили во дворе, любил женщин, а они его. Он их менял весьма часто, и первой об этих переменах узнавала немолодая расплывшаяся длинноносая Анна Семеновна — кассирша магазина кооперативного общества «Ларек», ревниво наблюдавшая за Левиной жизнью. Она — соседка Левы — очень хотела выдать за него похожую на нее дочь.

— Господа, — начинала Анна Семеновна по старой привычке, — у Левы опять новая.

Однажды Гнесин нанес мне визит. На нем отлично сидел коричневый в продольную белую полосу костюм. Из нагрудного кармашка торчал треугольник белого платочка. На

ногах — гамаша и туфли под цвет костюма. Галантно поцеловал Леле ручку, поклонился мне.

— Иона Захарович, приглашаю вас на наше собрание.

— Какое? Чем обязан?

Гнесин достал из бокового кармана пиджака небольшой прямоугольник светло-красного картона с написанным на нем текстом.

— А вот товарищ Генкин, председатель Всеукраинского Союза кооператоров, просит нас, как здесь пишется, «крупных коммерсантов г. Харькова», прибыть на собрание.

— Позвольте.

Гнесин почтительно подал мне билет. Я прочел. В любезных выражениях Льва Григорьевича Гнесина просили принять участие в собрании и сделать небольшой доклад о его коммерческой деятельности.

— Весьма любопытно, спасибо, Лев Григорьевич. Твердо не обещаю, но, возможно, буду.

Гнесин откланялся. Я позвонил Генкину, которого хорошо знал. Рассказал о разговоре с Гнесиным и спросил:

— Миша, что это значит?

— Применение на практике лозунга Ильича: «Учитесь торговать». Наши кооператоры работают ни к черту. Я хочу поучиться у нэпманов.

Я был на собрании нэпманов в клубе кооператоров на Николаевской площади. Над порталом сцены во всю ширину протянули кумачовую ленту, на ней написали белой краской: «Учитесь торговать! Ленин».

Часть зала, начиная от сцены, занимали кооператоры — косоворотки белые, синие, красные, черные, подпоясанные шнуровыми поясами с кистями, сверху пиджаки темных тонов, брюки, заправленные в сапоги и навывпуск; некоторые во френчах и галифе, толстовках. Во второй части зала сидели гости в тройках, у некоторых золотые цепочки по животу для часов, держались настороженно.

Первым говорил отец Гнесина. Он с важным достоинством занял место на кафедре. Я сидел недалеко от нее в президиуме, и мне было удобно наблюдать Гнесина. Некоторое время он смотрел на зал, на ту часть, где сидели кооператоры, и, как мне показалось, в его взгляде было сочувственное сожаление.

— Граждане, вот вы хотите учиться торговать и правильно поступаете. А как же иначе, я вас спрашиваю? Иначе нельзя, и это хорошо понимает Ленин — человек очень умный, дай бог ему долгих лет жизни. Торговля — большое дело, тонкое и сложное. Ему надо хорошо научиться. И, как говорится, без дураков. Это раз. А два — надо, чтобы у человека шарики в голове вертелись в ту сторону, куда надо, как говорил мой покойный родитель — купец первой гильдии, пусть земля ему будет пухом, Абрам Залманович Гнесин. Вернее, два — это раз. Что я этим хочу сказать? Сначала надо иметь способности, без них — учись не учись — ничего хорошего не будет. Ну а что значит три? Три, я вам скажу по секрету, это интерес. Чтобы у вас, граждане, свой кровный интерес был в этом деле. Чтобы вы таки знали: если я хорошо буду вести дело, то я буду иметь выгоду или, иначе, — прибыль. Да.

Вот вы сидите, меня слушаете, и, наверное, некоторые из вас думают: вы смотрите, честные люди, чему этот старый нэпман нас учит. Он обманывать учит, ведь, мол, без этого выгоды не бывает.

Так нет, граждане, нет! Я не учу вас обманывать, потому что я сам никогда так не поступал.

Некто сидящий в третьем ряду с пробором посередине ткнул локтем соседа и метнул в него лукавыми глазками. Тот покривил уголком рта. В общем, в зале произошло шевеление — многие явно не поверили старику.

Он уловил это.

— Вижу, вы не верите. Дело ваше. Но я еще раз скажу: прибыль может идти в руки и без обмана. А как это делается, пусть вам расскажет мой сын Лева. Иди сюда, Лева.

Оратор спокойно, с некоторым вызовом залу сошел со сцены. Когда он сел, его коллеги, улыбаясь, стали пожимать ему руки.

На кафедру легко взошел элегантный Лева.

— Граждане, — начал Гнесин-младший, — вот тут папаша меня просили привести примеры, как можно иметь прибыль без обмана. Вы знаете — я держу шляпный магазин. Я должен предупредить, что дело свое люблю, а это, я вам скажу, не фунт изюма, и мне, можете поверить, всегда хочется доставить покупателю удовольствие. А какие у меня покупатели, вы же знаете — это дамочки. Значит, нужно обхождение:

«Мадам, как приятно, что имею удовольствие вас видеть. Мы обязательно подберем то, что вам к лицу. Будете носить с удовольствием и на зависть врагам».

Обхождение обхождением, но без хорошего товара... Сами понимаете, торговля не пойдет. Товар — это моя главная забота. Надо подобрать и купить хороший товар, а для этого в нем понимать. Для меня — звать шляпное дело: что из чего и почему так, а не иначе. И еще надо иметь, я извиняюсь, вкус. Одежда — товар художественный.

Так вот, я вас спрашиваю, — зачем мне обманывать, если я торгую по этим правилам. Обман покупателей — мой убыток. Обман раскроется, а это я вам гарантирую, и второй раз дамочка не придет в магазин. Вы же понимаете — мне это не выгодно.

Противоречивые мысли толклись у меня в мозгу после собрания и, конечно, как это водится, не давали уснуть — я пытался определить свою позицию.

...Трапезников в поповской рясе сидел напротив меня за столом в гостиной дома Лелиных родителей. Я спросил его:

— Как вы попали сюда, Павлин Иннокентьевич?

— Учитесь торговать, Иона Захарович, — сказал он.

Я проснулся и подумал: «Опять Трапезников».

IV

Как-то зимой младший Гнесин зашел к нам домой, чем вызвал мое открытое неудовольствие. В конце концов, зачем мне нужен был этот повторный визит, как тогда говорили, «чуждого элемента». Вполне могли быть неприятности по партийной линии.

— Иона Захарович, вы не сердитесь, — сказал Гнесин, — больше я к вам никогда не приду. Мы с папашей уезжаем за границу. И я пришел с вами попрощаться.

В те годы уехать за рубеж было довольно легко, и поэтому отъезд Гнесина не вызвал у меня удивления, а желание Левы попрощаться смягчило меня.

— Желаю счастливого пути, — сказал я.

— Спасибо, Иона Захарович. Мы не со всеми прощаемся. Но, знаете, вы хороший человек, хотя и большевик. Это я вам говорю, и папаша со мной согласна. Я ему рассказывал за вас. Хочу сказать — нам известно, что было на собрании ячейки у Генкина, где вы выступали.

Чтобы вы знали — болит душа у нас. Но что делать? Здесь ничего хорошего для таких, как мы, не будет. Так думают папаша, и я с ними согласен. Едем мы в Аргентину, там папашин брат, мой дядя, с семьей. Они уехали еще в мирное время.

Гнесин ушел тихо, аккуратно закрыв за собою дверь. А во мне вдруг опять засветился Трапезников. Прозвучала его фраза: «Да, постоянное двоедушие — это мучительно».

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ КОД

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

В районе Акатуйской тайги на всех столбах и заборах появилась афишка:

«Разгадавший тайну генетического кода».

Далее шло:

«Медсанчасть Яснохолеринского грибокомбината».

Чуть ниже мелко:

«Приводите детей. Проверка будущего».

И большими буквами:

«Канд. мед. наук, проф. член-корр. АМН АТ клоп Мстислав. Секретарь медкомиссии пивка Сосо. Ответственный за мероприятие пень Смирнов».

В день выступления жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой долго сидел за трехлитровым баллоном гнилушовки, семья решала, ехать или нет.

В результате поехали.

С ними увязалась жук-солдат тетя Лида, сестра Андреича, причем в плюшовке от Адидаса, в резиновых сапогах Версаче, в полущалке с лейблом «Маша Цигаль».

Детей собрать не удалось.

Их не интересовала собственная судьба.

Они смотрели по виду дамский сексуальный футбол (голые нападающие).

Т.е. новый вид спорта.

Мощно отталкиваясь ногами, жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой и сестрой Лидой Андревной тронул «Мерседес», и через два брода на третий выкатили машину в чистое поле.

Жук-солдат тетя Лида достала из кошелки бутылку, вытащила пробку жвалами (верхняя часть фарфор, металлокерамика завода «Изолятор»), и постановили отдохнуть.

Для этого сели в салон автомобиля.

Там все еще пахло после вчерашнего.

— Да ну, слышали мы это дело, алкоголь, разрушение генетического кода, — сказал после третьей жук-солдат Андреич.

— Му-му, — подхватил жук-солдат Верка, закусывая рукавом от Нина Риччи.

— Живем, и дети живут, и внуки-правнуки, — согласилась жук тетя Лида.

— Код, кот. Коту баян, — опять завел свое Андреич.

— Муму, муму, я обалдеваю, — подтвердила жук-солдат Верка, занюхивая выпитое браслетом квазиголд Диор.

— Пили и пить будут. Какой там код. Гнали и будут гнать, — уверенно сказал жук-солдат Андреич.

— Сегодня секунд-хэнд открыт? — поинтересовалась тетя Лида.

— Завоз завтра. Обещались прислать от Унгаро и Тати, — живо отреагировала жук-солдат Верка. — Маленькие платья для коктейля, резинки от трусов б/у.

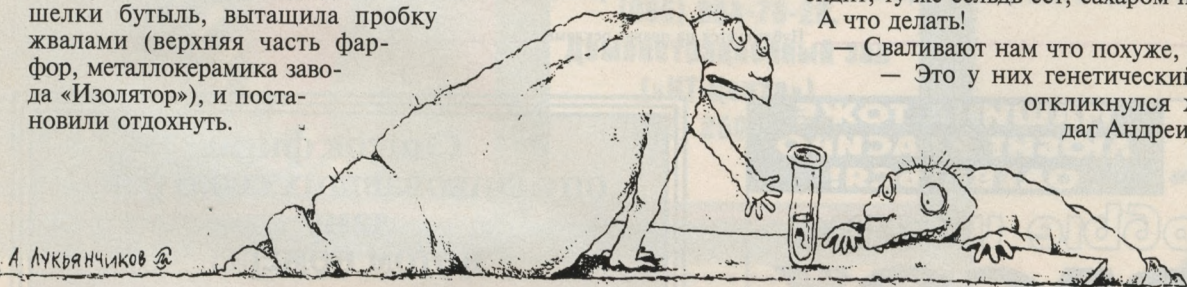
— У меня внуки уже в двухнедельном возрасте знают гнать, — резюмировала жук тетя Лида. — Вот это генетический код!

— А в Ясную Холеру завезли сахар из Швейцарии, так из него не получается ничего, не гонится.

Муха Домна Ивановна полмешка взяла, тепер сидит, ту же сельдь ест, сахаром посыпает. А что делать!

— Сваливают нам что похуже, конечно.

— Это у них генетический код! — откликнулся жук-солдат Андреич.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

А.Б.

Ах, что за женщина жила
У Курского вокзала,
Она и ела, и пила,
И на трубе играла.

Ходила голая зимой,
Любила Вальтер Скотта
И открывала головой
Никитские ворота.

Паря меж небом и тюрьмой,
Она в любом контексте
Всегда была собой самой,
Всегда была на месте.

Мы с нею не были близки
И рядом не летали,
Она разбилась на куски
И прочие детали.

А я, я что, я вдаль побрел,
Ушибленный виною,
Ее тифозный ореол
Оставив за спиною.

Светлана и Надя в Австрии в годы войны

РОЗЫСК

Катрина Суттерлюте из села Экк (Egg), регион Брегенцевальд, Австрия, разыскивает двух женщин — СВЕТЛАНУ и НАДЮ, работавших в семье Каспара и Элизабет Суттерлюте с июля 1942 г. по май 1945 г. Женщины были вывезены на работу из оккупированной Украины.

СВЕТЛАНА, приблизительно 1927—1928 г. рожд., родом, вероятно, из Полтавской обл.

НАДЯ, приблизительно 1920-1923 г. рожд., родом из с. Кульчаны Хмельницкой обл.

В семье Суттерлюте было 8 детей: 3 девочки (Маргарет, Катрина, Герма) и 5 мальчиков (Фердинанд, Эрик, Ульрих, Мелхиор и Каспар). Семья владела небольшой лесопилкой, пекарней, фермерским хозяйством, имела домик в Винтерхальде, где Ульрих был пастухом (Светлана носила ему туда еду). В пекарню за хлебом приходили многие военнопленные и угнанные из СССР, работавшие неподалеку на строительстве железной дороги.

Просьба ко всем, кто что-либо знает о судьбе Светланы и Нади после возвращения в СССР, сообщить по адресу:

с/о E.Greber for Kathrina Sutterluty
St. Janshoeven str., 201,
3572 RB Utrecht,
the Netherlands — Нидерланды
либо по телефону: 8-10-(31-30)-71-51-77
или факсу: 8-10-(31-30)-31-33-94

Публикуется на правах рекламы

**СЛАВЯНСКИЙ
Торговый Дом**

**МАШИНА ТОЖЕ
ЛЮБИТ КРАСИВО
ОДЕВАТЬСЯ!**

Любимые цвета
КРАСОК

Chemolak

Автоэмали всех цветов!
Отличные характеристики
и какие цены!
от 5.5\$ до 7.5\$ за килограмм.
СПРАШИВАЙТЕ В МАГАЗИНАХ!
**А КТО ХОЧЕТ КУПИТЬ
ПОБОЛЬШЕ-У НАС!**

**(095) 450-19-44, 459-41-10,
450 - 95 - 08, 450 - 08 - 18
125130, г.Москва,
ул.3 и А.Космодемьянских, д.31, корп.1**

Список фирм,
опубликовавших свою рек-
ламу
в этом номере:

КВАНТА+

SIEMENS

АВТОВАЗБАНК

ИНТЕКС

**СЛАВЯНСКИЙ
ТОРГОВЫЙ ДОМ**

STB CARD

YELLOW PAGES

СЛАВИЧ

ВИЛС

FINNAIR

**САНАТОРИЙ
«ДРУЖБА»**

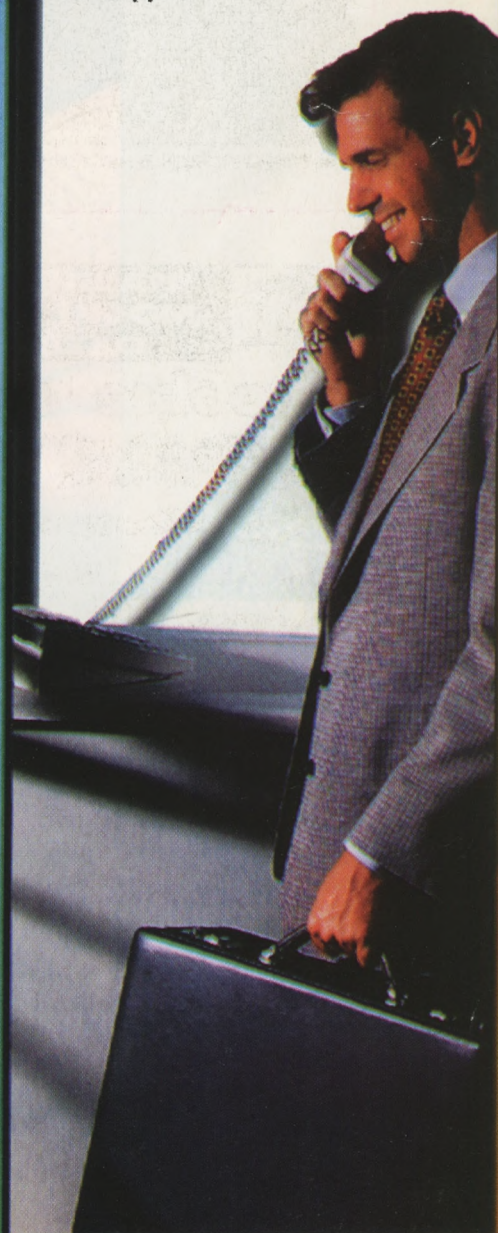
SIEMENS

SIEMENS

Фирма «SIEMENS»
в Москве
(095) 954-76-28.
Демонстрационный зал
(«ИТ-Центр»)
(095) 250-52-25

Если в вашем доме или коттедже, в вашей клинике или аптеке, лицее или автосервисе, парикмахерской или салоне красоты есть проблемы со связью – фирма «SIEMENS» и ее партнеры готовы решить эти проблемы СЕГОДНЯ.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА

Да, меня интересует информация по телефонным аппаратам и телефонной станции

- 1. Пришлите мне информацию по учрежденческой телефонной станции «Хайком 100».
- 1. Проконсультируйте меня по телефону.
- 1. Проконсультируйте меня лично как можно быстрее, позвоните, пожалуйста, и назначьте встречу.

Отправитель

Фирма _____
Фамилия _____
Город _____
Индекс _____
Телефон _____

Получатель

Информация
Фирма «Силекон»
113093 Москва,
Дубининская, 98.
Департамент
«Учрежденческие системы связи»
г-ну А. Горамцу

Наличные деньги могут остаться
лишь на полотнах старых мастеров
да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телегайп: 114250 СМОЛЯК

BANK STOLICHNY